

АРАБЫ

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА

И. М. Фнльштннскнй

История
арабов и халифата
(750 — 1517 гг.)

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

И. М. ФИЛЬШТИНСКИЙ

ИСТОРИЯ АРАБОВ
И ХАЛИФАТА
(750—1517 гг.)

Издательский Дом
“Муравей—Гайд”
Москва • 1999

ББК 63.3(0)

Ф 57

Печатается по постановлению
Издательского совета
Института стран Азии и Африки при МГУ
и Издательского Дома "Муравей"

И.М. Фильштинский. История арабов и Халифата (750—1517 гг.). — М.: ИД "Муравей-Гайд", 1999. — 384 с.: ил.

В книге излагается история арабов и Халифата с момента прихода к власти династии Аббасидов в 750 г. и до завоевания стран Ближнего и Среднего Востока турками-османами в 1517 г. На широком историческом фоне рассматривается развитие исламской догматики и эволюция исламских институтов, образование в исламе различных сект и направлений, а также появление в исламе рационалистического течения. Особое внимание уделяется арабо-мусульманской средневековой культуре, освоению арабами древнегреческого и эллинистического наследия, деятельности арабских переводчиков, развитию арабской научной и философской мысли, а также арабскому словесному искусству.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой стран Востока, а также в качестве учебного пособия для студентов историко-филологических и восточных факультетов университетов и педагогических институтов.

Издательский совет
ИСАА при МГУ и ИД "Муравей":

проф. М.С. Мейер (председатель)

проф. А.А. Вигасин

проф. А.М. Карапетьянц

В.Я. Кофман

проф. А.В. Панцов

проф. Л.А. Фридман

ISBN 5-89737-038-9

© И.М. Фильштинский, 1999

© Издательский Дом "Муравей-Гайд", 1999

Вступление

Четырехсотлетний период, начиная со второй половины VIII века и до начала XIII века, был наиболее плодотворным в истории средневековой арабо-мусульманской культуры. Именно в эти века процесс арабизации центральных областей Халифата: Сирии, Ирака и частично Египта в основном завершился, и само понятие “арабы” изменило свое содержание. Жители значительной части покоренных аравийскими кочевниками провинций, ассимилировав завоевателей, восприняв их язык, “становятся” арабами и начинают принимать все более активное участие в созидании арабо-мусульманской культуры, обогащая ее за счет традиций, унаследованных ими от их древних предков. Усвоив и переработав многое из духовного наследия народов Средиземноморья и древних цивилизаций Востока (в первую очередь традиций античности и сасанидского Ирана), арабы не только включили их в свою культуру, но познакомили с ними страны Запада и, тем самым, внесли свою лепту в культурный подъем Европы эпохи Возрождения.

В ходе арабских завоеваний и в последующие столетия язык пришельцев-аравитян постепенно обретает универсальную культурную функцию. Населявшие провинции Халифата народы, независимо от того, восприняли они ислам или сохранили свои древние верования, начинают пользоваться арабским языком в своем научном, религиозно-философском и литературном творчестве, подобно тому, как пользовались латынью ученые, теологи и просто образованные люди средневековой Европы, что в значительной степени и обусловило расцвет арабо-мусульманской культуры, в особенности словесного искусства соответствующих столетий.

Несмотря на существенные различия в уровне общественной жизни, местных национальных традициях и исторической судьбе, в результате длительного и сложного процесса взаимовлияния, а, в конечном итоге, и синтеза культур втянутых в орбиту ислама народов, создается единая общемусульманская культура, определившая на многие века их мировоззрение, жизненный уклад, нравственные нормы этих народов, их идеалы, психологию, общественные учреждения и модель поведения.

Расцвет арабской средневековой культуры совпал по времени с радикальными политическими изменениями в арабо-мусульманском средневековом государстве. Внешне это выглядело как смена господствующей династии. Правящая на протяжении почти столетия династия Омейядов была свергнута и к власти пришла новая династия Аббасидов, потомков аль-Аббаса, дяди пророка Мухаммада.

Огромное арабо-мусульманское государство, в котором верховная власть принадлежала халифам из династии Аббасидов, просуществовала около пятисот лет с 750 по 1258 год, когда его столица, Багдад, была захвачена монголами и полностью разрушена. По названию своей столицы государство

Аббасидов получило также наименование “Багдадский Халифат”.

Переход власти в Халифате от Омейядов к Аббасидам нельзя рассматривать как простую смену правящей династии. Не случайно некоторые исследователи как на арабском Востоке, так и в Европе, склонны именовать это событие “Аббасидской революцией”. Это был коренной поворот в истории общемусульманского государства, совершившийся в результате радикальных перемен в соотношении социальных и национальных сил в быстро развивавшемся обществе.

Еще в недрах Омейядского Халифата создавались эти новые соотношения, которые привели к гибели старую династию и определили характер возникавшего нового аббасидского государства. Поэтому мы считаем необходимым предпослать истории государства Аббасидов описание состояния Халифата в канун краха омейядской державы и обстоятельств, сопутствующих воцарению новой династии. При этом при изложении материала мы будем исходить из соображения, что история арабов в доисламский период и в период господства омейядской династии читателю из существующей научной и учебной литературы уже известна.

Глава 1

Халифат в канун прихода к власти аббасидов

Последние десятилетия правления омейядской династии ознаменовались жестоким экономическим и политическим кризисом. Количественно разросшийся и достаточно сплоченный круг омейядских сородичей и их приспешников, владевших огромными поместьями на всей территории империи и беззастенчиво грабивших страну, присваивая себе львиную долю государственных доходов, вызывал неприязнь во всех слоях мусульманского общества. А между тем, завоевания новых земель, приносившие в предшествующее столетие казне огромные доходы и позволявшие обеспечивать потребности верхушки общества — мусульманской аристократии из числа потомков сподвижников Пророка — и армии, почти полностью прекратились, а новые, присоединяемые к империи на Востоке области были бедны и никак не могли удовлетворить возросшие аппетиты завоевателей. Для пополнения казны властям приходилось усиливать налоговый пресс, что вы-

зывало недовольство жителей провинций и провоцировало волнения и беспорядки.

Последний халиф омейядской династии Марван II (744-750), едва взойдя на престол, столкнулся с массовыми народными антиомейядскими выступлениями в различных областях империи. Этим воспользовались хариджиты, — непримиримые враги правящей династии еще с 661 года, когда они восстали против четвертого “праведного” халифа Али — на время притихшие в Ираке после жесточайших преследований со стороны омейядского наместника аль-Хаджжаджа в конце VII века. Собрал силы, они вновь попытались сокрушить омейядский режим, и Марвану II пришлось предпринять целую военную экспедицию, чтобы сломить их яростное сопротивление в их главном опорном пункте в окрестностях Мосула.

Значительно больше беспокойства Омейядам доставили шиитские выступления. Куфа всегда была центром шиитских беспорядков, и на этот раз Марвану II пришлось иметь дело с очередной шиитской группировкой, которую возглавил правнук Джа'фара, брата халифа Али — Абдаллах ибн Муавия. Марвану II удалось справиться с мятежом в Куфе, однако вскоре шиитские волнения распространились на провинции Джибал, Ахваз, Фарс и Кирман, в результате чего весь западный Иран оказался под контролем шиитов.

Успехам шиитов способствовала фискальная политика правительства. Повсеместно, и в центральных областях Халифата и в восточных провинциях, вспыхивали волнения из-за высоких налогов и из-за связанных с ремонтом систем искусственного орошения принудительных работ, на которые сгоняли жителей деревень и горожан. Чтобы предотвратить беспорядки, Марван II приказывал даже сносить крепостные стены в крупных городах.

Единству арабо-мусульманской империи значительный вред приносила постоянная вражда североаравийских (кайситских) и южноаравийских (кальбитских) бедуинских племен, составлявших основной контингент халифской армии. Традиционная вражда южан и северян, начавшаяся еще в доисламской древности, при Омейядах вспыхнула с еще большей силой. Эта вражда подпитывалась и чисто экономическими интересами, борьбой за большую долю в распределяемом между племенными воинскими формированиями вознаграждении.

(1) موجز جدول القبائل العربية :

١ عرب الجنوب او القطايبون :

- ١ - خَبيْر : قُضَاعَة، تَنُوخ، كَلْب، مُجَبِّئَة وَعُذْرَة . . .
 ٢ - كَهْلَان : طَيْيَة، تَهْمَدَان، عَامَلَة مُجَذَام (وَمِنْهَا تَحْمَم وَكَيْنَدَة)، الْأَزْد (وَمِنْهَا النَّسَائِنَة وَخَزَاعَة، وَالْأَوْس وَالخَزْرَج)، أُنْمَار .

٢ عرب الشمال او الدنايبون :

- ١ - مُقَرَّر : قَبِيْس عَمِيْلَان (وَمِنْهَا هَوَازِيْن، وَسُلَيْم، وَعَطَطَان وَمِنْ غَطْلَان
 عَبَس وَذُيَّان) تَمِيْم، مَهْدِيْل، كَيْنَانَة (وَمِنْهَا قُرَيْش) .
 ٢ - رَيْمَة : أَسَد، وَائِيْل (وَمِنْهَا بَكْر وَتَغْلِب، وَمِنْ بَكْر بَنُو حَنِيْفَة) .

Генеалогия арабских бедуинских племен

Правящие в империи курайшиты — мекканское племя, выходцем из которого был пророк Мухаммад — причисляли себя по своему происхождению к североаравийским арабам. Однако в первые десятилетия господства династии чисто политические соображения вынуждали Омейядов опираться на южан-кальбитов, более многочисленных, лучше организованных и более “просвещенных” благодаря своим традиционным связям с греко-византийской культурой.

Однако на последнем этапе своего господства при халифах Хишаме (724-743) и Марване II Омейяды решили порвать с традиционной политикой и искать поддержки у более близких им соплеменников — кайситов. Некоторые исследователи усматривают в этой смене ориентации лишь необоснованный каприз, непоследовательность или ошибку Омейядов, сыгравшую трагическую роль в их судьбе. Однако в этой переориентации просматриваются совершенно определенные политические соображения. В трудных условиях напряженной борьбы с оппозицией в восточных, по преимуществу иранских, областях Халифата, последние омейядские халифы всячески старались подчеркнуть свою верность арабским традициям и найти опору против инородческой опасности у носителей этих традиций, более патриархальных северян.

Кальбиты составляли большую часть чисто арабского населения Сирии, и их переход в оппозицию, как и все возрастающая неприязнь жителей столицы Дамаска к правящей династии, вынуждали последних омейядских халифов искать новые пристанища. Так, халиф Сулайман (715-717) в поисках безопасности сделал своей резиденцией Рамлу в Палестине, халиф Хишам — Русафу на Евфрате, а Марван II большую часть времени проводил в Месопотамии, в городе Харране.

Но опаснее всего для омейядского господства в империи были почти не прекращавшиеся в восточных провинциях Хорасане и Мавараннахре волнения. Почвой для разнообразных антиарабских движений была экономическая и социальная нестабильность. Своей политикой Омейяды и их наместники провоцировали народное недовольство. Например, когда наместник Хорасана при Хишаме — Ашрас ибн Абдаллах, следуя общей политике исламизации покоренных провинций, стал делать реальные усилия по исламизации жителей Мавараннахра, это сразу же нанесло вред и без того

скудным доходам казны, поскольку переход в ислам по закону должен был освободить вновь обращенных от подушного налога и снизить размер поземельной подати. Такому развитию событий противились в первую очередь сами укоренившиеся в Хорасане арабы, которые увидели в этом нарушение их исконных привилегий. Вместе с тем массовая исламизация населения восточных провинций вызывала недовольство также иранских землевладельцев-дихкан, которые усматривали в правовом уравниении и вообще в эгалитарных принципах ислама угрозу сложившимся феодальным отношениям на иранском Востоке. А в это же самое время наместники Хорасана, желая как-то предотвратить сокращение налогового поступления в казну, сплошь и рядом пренебрегали исламскими законами и облагали вновь обращенных такими же налогами как иноверцев. Это вызывало бурный протест мавали (мн. число от "мавла" — так именовались вновь обращенные в ислам жители покоренных арабами областей и стран), требующих уравниения их в правах с исконными или давно обращенными мусульманами.

Конфликт властей с ирано-тюркским населением Хорасана и Мавараннахра обострился с назначением нового омейядского наместника Насра ибн Саййара (738-743). Ему приходилось улаживать отношения с жителями и бороться с вторгающимися в Мавараннахр тюркскими кочевниками, которых он должен был все время оттеснять в прилегающие к провинции степи. Но была и другая проблема. Наср был выходцем из североарабийского племени и еще при халифе Хишаме сменил правителя Хорасана, йеменита. Такое происхождение обеспечивало ему поддержку кайситских гарнизонов, но было причиной усилившегося напряжения в отношениях между кайситами и кальбитами, чем позднее не преминули воспользоваться противники Омейядов.

Следуя приказам из Дамаска, Наср ибн Саййар продолжал политику исламизации и арабизации восточных провинций. Он удалил всех немусульман из хорасанских административных ведомств. Таким образом, если в самой Сирии иноверцы частенько привлекались на государственную службу, в Хорасане политика исламизации проводилась с большей настойчивостью. Наср приказал также, чтобы все делопроизводство в Хорасане велось не на местном языке — пехлеви, а на арабском языке. В это время какие-то диалекты персидского несомненно оставались языком повседневной жизни как в Хорасане, так и далее на Восток по ту сторону Аму-Дарьи. Позднее эти диалекты частично уступили место тюркским языкам. Но иранская речь Хорасана после замены несовершенной письменности пехлеви на арабскую все же выжила, с тем, чтобы спустя полтора столетия обрести самостоятельность, хотя Наср и заменил ее в делопроизводстве арабским.

Враждебными чувствами по отношению к правящей династии были охвачены самые разные слои общества. Исходившие в своей политике лишь из экономических и племенных интересов Омейяды ущемляли чувства тех мусульман, которые сохраняли духовную связь с временами патриархов. Отстраненные от власти “староверы”, потомки сподвижников Пророка в Мекке и в Медине и правоведы-теологи утверждали, что Омейяды отошли от принципа теократии и превратили Халифат в светское государство. Они требовали возвращения к старинным обычаям, основанным на Коране и сунне Пророка, и лишения правящей династии привилегий.

Разумеется, не признавали законность дамасских правителей и шиитские лидеры в лице многочисленных потомков четвертого “праведного” Халифа — Али. Алиды рассчитывали в результате свержения правящей династии прийти к власти. Неприязнь к Омейядам испытывала охваченная “на-

циональными”* чувствами иранская аристократия, а также осевшая в Иране и лишенная своих привилегий арабская знать. Недовольство царило также в армии среди части племенных ополчений, в первую очередь среди кальбитов, утративших свое привилегированное положение при последних Омейядах. Страдавшие от непосильных налогов сельские жители всех областей империи жаждали перемен.

В то время как последние Омейяды вынуждены были вести упорную борьбу за сохранение владений на Востоке и преодолевать сопротивление своих врагов внутри государства, законность их прав на лидерство в Халифате оспаривались их идейными противниками. В религиозных и юридических кругах вырабатывалось новое понимание исламского государственного права. Окончательное выражение это новое понимание получило лишь в X-XI веках, когда оно стало соответствовать государственной идеологии Аббасидов, заставивших своих историографов переписать историю прошлого в соответствии с политическими интересами и религиозными представлениями правящей династии. В отличие от Омейядов, не сумевших защитить себя мусульманскими правовыми установлениями, Аббасиды выработали теорию, которая подтверждала легитимность их власти.

В условиях нараставшего недовольства режимом всех слоев общества, социальная база Омейядов сужалась. Их поддерживала лишь незначительная часть арабской знати, связанная материальными интересами с правящей династией, а военной опорой их были лишь североаравийские кайситские племена.

* Термин “национальный” мы употребляем здесь и далее условно так как “нации” в рассматриваемый период еще не сложились. Однако этот термин хотя и представляется исторически не вполне корректным, но наиболее адекватным для обозначения этническо-культурных движений в средневековой истории народов Ближнего и Среднего Востока.

За столетие своего правления омейядские халифы совершили множество ошибок. Они боролись друг с другом за власть, сеяли антагонизм в армии между военными ополчениями кайситов и кальбитов, поочередно опираясь то на одних, то на других, и давали повод для обвинений в неблагочестивом образе жизни. Но их падение было обусловлено в первую очередь экономическим кризисом, охватившим империю и возникшим в связи с ним в народе всеобщим стремлением вернуться к нормам первоначального ислама. (Подобный “фундаментализм” вообще характерен для всякого консервативного теократического общества.) Это настроение охватило широкие массы мусульман, было поддержано образованной элитой и явилось главным духовным стимулом последующих событий.

Во второй четверти VIII века сложилась мощная антиомейядская группировка, которую возглавили сторонники рода Аббасидов, потомков дяди Пророка Мухаммада — аль-Аббаса. Их главный “юридический” аргумент состоял в том, что Омейяды, хотя и были одним из родов племени курайш, но не принадлежали к роду Мухаммада, а один из омейядских вождей — Абу Суфьян — был даже долгое время мекканским недругом Пророка. Они утверждали, что справедливость будет восстановлена в мусульманской общине только тогда, когда власть будет находиться в руках ближайших родственников Мухаммада, то есть у Аббасидов.

Сами Аббасиды в своем происхождении были связаны с Пророком только косвенно. Аль-Аббас был дядей Мухаммада, родным братом его отца Абдаллаха и другого дяди Пророка, отца Али — Абу Талиба. Таким образом, Аббасиды не были Алидами, хотя порой претендовали на тесную связь с потомками Али. Аль-Аббас обратился в ислам сравнительно поздно, около 630 года, тогда же, когда это сделал глава Омейядов, Абу Суфьян. Никаким приоритетом над Омейяда-

ми с точки зрения принятия новой веры основатель династии Аббасидов не обладал.

В доисламское время и в период возникновения ислама аль-Аббас преуспевал. Он заведовал снабжением водой паломников и сохранил эту должность и при Мухаммаде. Как и омейяд Усман, ставший позднее третьим “праведным” халифом, он щедро жертвовал часть своих богатств в распоряжение возникшей мусульманской общины и делал это до самой смерти в 653 году. Его служение общине было преданным, но не выдающимся, как позднее это старались изобразить аббасидские историки, всячески преувеличивавшие его роль в первые десятилетия ислама.

Таким образом, Аббасиды не имели особых оснований претендовать на пост халифа ни по причине особых заслуг перед исламом основателя рода, ни вследствие большей родственной близости к семье Пророка, чем у любого алида. Поэтому в борьбе за халифский престол Аббасиды попытались подкрепить свои претензии ссылкой на завещание, якобы оставленное одним из алидов Абу Хашимом, передавшим потомку аль-Аббаса — Мухаммаду ибн Али — харизматическую власть.

Здесь необходимо вернуться к событиям прошлого. Еще при омейядском халифе Абд аль-Малике наместник Куфы некий аль-Мухтар создал теорию, согласно которой один из сыновей Али (не от Фатимы, дочери Пророка, а от женщины из племени ханиф) по имени Мухаммад ибн аль-Ханафия (637-700) объявлялся мессией (махди), а себя аль-Мухтар объявил исполнителем его воли. Крайние шииты (гулат) усвоили учение аль-Мухтара о передаче пророческого огня от Али к его потомкам по линии Мухаммада ибн аль-Ханафии и объединились вокруг его потомков, имамов. Аббасиды решили использовать учение аль-Мухтара в своих интересах. Один

из рода Аббасидов, дядя будущего первого аббасидского халифа Абу-ль-Аббаса, Мухаммед ибн Али, собрав вокруг себя крайних шиитов, развернул широкую антиомейядскую кампанию.

Мухаммад ибн Али объявил, что после смерти Мухаммада ибн аль-Ханафии имамат перешел в руки его сына Абу Хашима (ум. в 716 г.), который перед смертью якобы завещал ему руководство мусульманской общиной. Аббасиды утверждали, что после смерти Мухаммада ибн Али в 743 году харизматическая власть перешла к его сыну Ибрахиму, а позднее, после казни Ибрахима Марваном II в 748 году — к брату Ибрахима, первому халифу аббасидской династии Абу-ль-Аббасу (749-754).

Позднее, уже после прихода к власти, Абу-ль-Аббас отказался от аргументирования своего права на власть “завещанием” Абу Ханифы, тем самым порвав с крайней шиитской группировкой, которую ловко использовал в борьбе за власть, и стал оправдывать претензии своей династии той ролью, какую якобы сыграл ее основатель аль-Аббас, поддержав Пророка при возникновении нового вероучения.

Хотя подлинным центром антиомейядского движения оставалась шиитская Куфа, особенно благоприятную почву для пропаганды Аббасиды нашли в Хорасане и Мавараннахре. В этих провинциях социальное недовольство Омейядами накладывалось на национальные чувства и естественно принимало религиозную форму. Особенно активными участниками антиомейядского движения были хорасанские торговцы и ремесленники Мерва. В большинстве это были вновь обращенные в ислам (мавали), но среди них было немало и арабов-шиитов, признававших Али ибн Аби Талиба и его потомков единственно законными преемниками пророка Мухаммада. Бунтарские настроения царили и среди жителей Куфы и Басры,

где многочисленные антиомейядские проповедники будоражили народ. Однако в этих городах армия Омейядов могла справиться с любыми беспорядками, в то время, как Хорасан был расположен вдали от омейядских центров и пресечь выступления в этой провинции было значительно труднее.

Противники Омейядов в Хорасане, иранцы, шииты всех направлений и оттенков от экстремистов, воспринявших учение аль-Мухтара, и до умеренных, претендовавшие на власть Алиды, сторонники аббасида Мухаммада ибн Али — все объединились с целью свергнуть правящую династию и основать теократическое государство во главе с выходцами из семьи Пророка. По их убеждению, преданность делу ислама, а не арабское происхождение должно было обеспечивать всем мусульманам полноценное участие в государственных делах. Аббасидские пропагандисты старались привлечь в свой лагерь всех — арабов и неарабов, шиитов и суннитов, хариджитов, жителей сельской местности и горожан и даже иноверцев. Они обещали, что когда Аббасиды придут к власти, мусульмане будут освобождены от незаконных налогов, с немусульман налоги будут взиматься по справедливости в соответствии с исламскими законами, а сельские жители будут избавлены от различных сверхналоговых повинностей.

Для руководства антиомейядским восстанием сын Мухаммада ибн Али — Ибрахим, провозгласивший себя после казни Марваном II его отца шиитским имамом, — главой всей мусульманской общины, отправил в Хорасан в 747 году иранского мавла, шиита крайних взглядов Абу Муслима. В прошлом Абу Муслим был связан с шиитами Куфы и в их среде воспринял учение шиитских экстремистов. Он считал себя обязанным Аббасидам своим освобождением в 741 году из мекканской тюрьмы, куда он был заточен за шиитскую пропаганду. Теперь Аббасиды, дабы поднять его авторитет среди правовер-

ных, объявили об его усыновлении семьей “потомков Пророка” и поручили ему координировать действия шиитской оппозиции в Иране.

Абу Муслим действовал в Хорасане весьма искусно. За короткий срок он сумел привлечь на сторону Аббасидов не только отстраненных к этому времени от участия в политической жизни арабов-кальбитов, но и немусульман, а благодаря умелой пропаганде религиозно-политического характера также и подавляющую часть исламизированного иранского населения страны. Позднейшие аббасидские историки не без основания пытались изобразить Абу Муслима религиозным реформатором, а порой даже вероотступником, возможно из-за его былой близости к крайним шиитским кругам. Однако несомненно и то, что в это время среди сторонников Аббасидов было еще много шиитских экстремистов.

Есть свидетельства того, что в начальный период деятельности Абу Муслима между ним и крупным религиозным иранским проповедником Бихафридом, провозгласившим себя пророком в Нишапуре, установились какие-то отношения. По укоренившейся в Хорасане традиции, антиарабские движения обычно принимали характер ожидания прихода спасителя-махди, который избавит жителей от притеснения властей и восстановит справедливость. Обстановка в Хорасане в это время была благоприятна для появления различных проповедников, выступавших от имени ожидаемого махди. Часто эти проповеди получали поддержку со стороны вождей тюркских племен, и имели большое влияние в среде местной землевладельческой знати.

Проповеди Бихаврида носили характер зороастрийских пророчеств и были направлены на реформу старой иранской религии. Реформа эта, по-видимому, шла в направлении сближения зороастрийского учения с исламом, некоторые элементы

которого (ежедневная молитва, милостыня, запрет на спиртное) Бихаврид включал в свои откровения. Когда Абу Муслим достиг успеха в Хорасане, он порвал с Бихафридом, а в 749 году приказал казнить своего бывшего союзника. По-видимому этот, все еще обладавший большим влиянием в Хорасане зороастрийский священнослужитель представлялся ему опасным для возглавляемого им движения.

В 747 году Абу Муслим перебрался в Мервский оазис и вскоре превратил город в центр восстания. Со всей провинции к нему стекались иранские землевладельцы-дихкане, отряды осевших в Хорасане арабских кальбитских племен, сунниты и шииты, участники хариджитских восстаний, мусульмане и иноверцы. Поистине восстание носило всеобщий характер. В назначенный заранее день, 9 июня 747 года в оазисе были зажжены костры, восставшие подняли черные знамена и облачились в черные одеяния. Позднее черный цвет был провозглашен официальным цветом Аббасидов.

Узнав о событиях в Хорасане, Марван II предпринял ответные действия. В 748 году ему удалось схватить Ибрахима и заточить в тюрьму, где тот был убит. Но на ход дальнейших событий это уже существенного влияния оказать не могло, и лидерство среди Аббасидов перешло к его брату Абуль-Аббасу, который сумел довести до конца войну с Омейядами.

В том же 748 году Абу Муслим перешел в решительное наступление. Он двинул на запад войско во главе с военачальником Кахтабой, а другой отряд отправил на восток. Кахтаба без больших усилий овладел Нишапуром, а затем, оттеснив войско Насра ибн Саййара, — Рейем и Нехавендом. Омейядский наместник Хорасана призвал арабов к сопротивлению во имя ислама и арабского господства в Халифате, но его призыв не был услышан. “Мусаввиды” (одетые в

черное) под водительством Кахтабы в 749 году вторглись в Ирак и заняли Куфу — один из главных центров антиомейядского восстания.

Направив Кахтабу на запад, Абу Муслим оказался вынужденным сосредоточить все свое внимание на внутренних проблемах в восточных провинциях. Война с Омейядами еще не закончилась, но на поверхность уже стали всплывать те противоречия, которые были обусловлены пестротой оказывавших ему поддержку сил. Кальбиты были явно недовольны ходом событий, и их национальные арабские чувства были задеты. Чтобы предотвратить их выступления, Абу Муслим, в руках которого к этому времени уже была сформированная и хорошо организованная хорасанская армия, мог позволить себе избавиться от своих бывших арабских союзников, что он и сделал.

В это время в Мавараннахре, в Бухаре, вспыхнули шиитские беспорядки, вызванные подстрекательством местных шиитских главарей, которые воспользовались недовольством жителей, возмущенных жестокостями при сборе налогов теперь уже новых, аббасидских наместников. Абу Муслим лично возглавил карательную экспедицию, в 750 году с большой армией вторгся в Мавараннахр, взял Бухару, сжег город, а главарей восстания приказал публично казнить. Эта расправа с шиитами была предзнаменованием будущей антишиитской политики Аббасидов. Своим поведением Абу Муслим, сам принадлежавший к шиитам крайнего толка, показал, что для него верность новой династии является приоритетом во всех его политических действиях.

Последние пять лет своего правления Марван II провел в непрерывной борьбе то с хариджитами в Мосуле, то с шиитами в Куфе и с нубийцами, федерация племен которых в 745 году вторглась в Египет и заняла Фустат. В результате потерь

в почти непрерывных войнах, его войско было ослаблено и противостоять хорасанской армии с востока уже не могло.

Однако, хотя после 748 года силы Омейядов были сломлены, но они еще не полностью утратили способности к сопротивлению, и сильно потрепанные омейядские отряды отступали с боями. Кахтабе понадобилось еще два года, чтобы окончательно добить омейядское войско. В начале 750 года аббасидская армия под командованием Абдаллаха, дяди Абу-ль-Аббаса, нанесла последнее и решающее поражение остаткам армии Марвана II на берегу северного притока Тигра, реки Большой Заб. Аббасиды заняли Харран, а затем вступили в Дамаск.

Последний омейядский халиф Марван II бежал в Египет. Там против него подняли восстание местные жители — копты, к которым присоединились стоявшие здесь гарнизоном арабские отряды. С остатками своих приверженцев Марван II бежал в Гизу где, по свидетельству источников, солдаты его вконец разложившейся армии бесчинствовали в расположенном поблизости женском монастыре. В конце концов Марван II был схвачен и убит. Началось поголовное истребление членов рода омейя и хотя многие из них выразили готовность подчиниться новой власти, почти все они были перебиты. Одному из омейядских эмиров Абд ар-Рахману удалось бежать из своего имения в Ираке в Северную Африку, а оттуда в Андалусию и, захватив при поддержке кальбитских племен власть в Кордоне, основать там в 756 году омейядский эмират.

Между тем в лагере победителей уже давно не было единства: еще до того, как Кахтаба захватил Куфу, Алиды собрались на тайный совет и постановили избрать в качестве будущего халифа хасанида (одного из потомков сына Али-Хасана) Мухаммада, известного за свое благочестие под именем “Чистая душа” (ан-нафс аз-закийя), надеясь таким образом предотвратить приход к власти Аббасидов и утвердиться у власти в госу-

дарстве. Однако “переиграть” Аббасидов оказалось не так то просто. После взятия Куфы собравшиеся в районе города преданные им военачальники единогласно решили избрать на пост халифа аббасида, и в 749 году в главной мечети Куфы была принесена присяга сыну Мухаммада ибн Али — Абу-ль-Аббасу, а бессильные перед лицом мощной хорасанской армии Алиды вынуждены были подчиниться этому решению.

В своей тронной речи Абу-ль-Аббас обосновал Кораном свои претензии на пост халифа. Речь его содержала угрозы тем, кто желал передать власть Алидам, как ближайшим родственникам Пророка. Жителям города он обещал щедрое вознаграждение за лояльность, и присвоил себе имя “ас-Саффах”, что означает “щедрый, великодушный”. Однако, не слишком доверяя прошиитски настроенным горожанам, он поспешил перенести свою резиденцию из Куфы в расположенный на Евфрате город Анбар.

Глава 2

Аббасидский халифат во второй половине VIII века

Укрепление власти Аббасидов Деятельность аль-Мансура

Еще при Омейядах, по мере исламизации арабами-мусульманами покоренных народов, начало возникать непримиримое противоречие между претензиями завоевателей на привилегированное положение в государстве и принципиальным эгалитаризмом исламской религии, как его понимали благочестивые мусульманские староверы-традиционалисты, а также вновь обращенные в ислам жители завоеванных провинций. Этот разрыв между утопическим идеалом и действительностью неминуемо должен был породить конфликт, который, в конечном итоге, обрек омейядское государство на гибель. Поэтому, чтобы удержать власть в империи, новой династии следовало найти пути хотя бы для частичного смягчения опасного для единства общины кризиса.

Придя к власти, аббасидские халифы вынуждены были управлять государством уже не как вожди бедуинских пле-

мен, выходцы из арабско-бедуинской или мекканской аристократии, но как лидеры всего исламского мира и правители, в обязанность которых входило укрепление единства сложившегося общемусульманского государства. Следует также подчеркнуть, что в отличие от средневековой Европы с ее представлением о разделении церковной и светской власти, ислам не признавал отделения религии от политики. Мусульманское государство было теократическим. Существование единой сплоченной мусульманской общины в разросшемся государстве связывалось с легитимностью олицетворяемой халифом политической власти. Только при этом условии могла создаваться универсальная политико-религиозная структура, объединявшая в единой общине арабов и жителей провинций — иранцев, кочевников-тюрок и других обращенных в ислам народов, населявших империю.

Стоявший во главе мусульманской общины халиф представлялся преемником Пророка, а через него и исполнителем воли самого Аллаха, и в принципе, как таковой, обладал неограниченной властью. Однако абсолютность его власти предполагала обязанность исполнять Закон, который возник и существовал вне его воли и в интерпретации которого он не имел особых привилегий. Теоретически считалось, что вся его деятельность должна быть нацелена на создание условий, гарантирующих строгое соблюдение Закона. Соответственно, правители должны были обладать моральными достоинствами, а их политическое поведение — строго согласовываться с общемусульманскими правилами и представлениями. Роль и обязанность халифа формулировалась в соответствии с основными религиозными понятиями.

Шииты наделяли халифа-имама большей полнотой власти, ибо верили, что имам, подобно Пророку, получал откровение от Аллаха. Но большинство мусульман отказывалось призна-

**Абассидские халифы
в Ираке и Багдаде в 132-656/749-1258 гг.**

132/794	ас-Саффах
136/754	ал-Мансур
158/775	ал-Махди
169/785	ал-Хади
170/786	Харун ар-Рашид
193/809	ал-Амин
198/813	ал-Ма ³ мун
201-203/817-819	Ибрахим ибн ал-Махди (в Багдаде)
218/833	ал-Му ³ тасим
227/842	ал-Васик
232/847	ал-Мутаваккил
247/861	ал-Мунтасир
248/862	ал-Муста ³ инн
252/866	ал-Му ³ таза
255/869	ал-Мухтади
256/870	ал-Му ³ тамид
279/892	ал-Му ³ тадид
289/902	ал-Муктафи
295/908	ал-Муктадир
320/932	ал-Кахир
322/934	ал-Ради
329/940	ал-Муттаки
333/944	ал-Мустакфи
334/946	ал-Му ³ ти ³
363/974	ат-Та ³ и ³
381/991	ал-Кадир
422/1031	ал-Ка ³ им
467/1075	ал-Муктади
487/1094	ал-Муста ³ зхир
512/1118	ал-Мустаршид
529/1135	ар-Рашид
530/1136	ал-Муктафи
555/1160	ал-Мустанджид
566/1170	ал-Мустади
575/1180	ан-Насир
622/1225	аз-Захир
623/1226	ал-Мустансир
640-656/1242-1528	ал-Муста ³ сим

Монголы разорили Багдад

**Аббасидские халифы
в Каире в 659-923/1261-1517 гг.**

ал-Мустансир
ал-Хаким I
ал-Мустаффи I
ал-Васик I
ал-Хаким II
ал-Му^тадид I
ал-Мутаваккил I
ал-Му^тасим
ал-Мутаваккил I (*вторично*)
ал-Васик II
ал-Му^тасим (*вторично*)
ал-Мутаваккил I (*третье правление*)
ал-Му^са^ин
ал-Му^тадид II
ал-Мустаффи II
ал-Ка^им
ал-Мустанджид
ал-Мутаваккил II
ал-Му^стамсик
ал-Мутаваккил III
ал-Му^стамсик (*вторично*)
ал-Мутаваккил III (*вторично*)

Османское завоевание Египта

вать, что халиф имеет какие-либо особые права в интерпретации Закона, допустимой только в результате согласованного решения мусульманских теологов. При таком подходе какое-либо законотворчество халифа строго ограничивалось, и ему разрешалась лишь политическая активность. Он руководил повседневной организацией военных походов против “неверных”, борьбой с вероотступниками и организацией государственной администрации.

Аббасидские халифы, упрекавшие своих омейядских предшественников в том, что те вели себя, как светские правители, пытались обозначить свой собственный подход к управлению государством в исламских терминах и, соответственно, в той мере, в какой это им удавалось, придерживаться в политике религиозной ориентации.

Поэтому придворные историки и летописцы Аббасидов, обвинявшие Омейядов в незаконном и насильственном захвате власти в Халифате и в использовании ее в своих собственных “светских” корыстных интересах, противопоставляли им Аббасидов в качестве истинных мусульман, стремящихся лишь к тому, чтобы, возглавив общину, руководить ею в соответствии с предписаниями и волей Аллаха.

Таким образом, приход к власти ориентировавшихся на основные духовные ценности ислама и исламский эгалитаризм Аббасидов означал, в известной мере, оттеснение арабов, утративших политическое главенство в Халифате, на второй план, хотя их престиж носителей языка Корана оставался по-прежнему весьма высоким. Постепенная утрата арабами их роли в политической жизни государства и их былого значения в качестве военной опоры правящей династии сопровождалась усилением в восточных областях Халифата провинциальной военно-феодальной верхушки, сыгравшей столь важную роль в приходе Аббасидов к власти.

Избранный халифом в 749 году Абу-ль-Аббас не мог ощущать себя абсолютным властителем империи. С самого начала правления Аббасиды оказались не в состоянии удержать под своим контролем все, входившие при Омейядах в состав Халифата, области. На Западе, кроме Андалусии, где установилась власть омейядских эмиров, вскоре обрели независимость правители значительной части Северной Африки. Аббасиды сумели удержать в своих руках лишь узкую прибрежную полосу Ифрикии (Туниса). Но главным соперником Аббасидов был могущественный правитель восточных провинций империи Абу Муслим, который, собственно, и привел династию к власти.

Абу Муслим опирался в Хорасане не только на сильную армию, состоявшую из иранцев, тюрок и частично из арабов, но и на свой личный, почти безграничный духовный авторитет. Он был не только военным главой, но и религиозным вождем, в проповедях которого причудливо переплетались теории шиитских экстремистов и древнеперсидские зороастрийские воззрения. Сам Абу Муслим никогда не проявлял враждебности к Аббасидам и был полностью лоялен к правящей династии. Тем не менее Абу-ль-Аббас со страхом смотрел на могущественного правителя Хорасана и на его сильную армию, разгромившую Омейядов и возведшую его на трон.

Между тем, шиитские вожди вскоре осознали, что победа Аббасидов вовсе не означает победу Алидов. Главой недовольных исходом борьбы с Омейядами шиитов был некий Абу Салама аль-Халлал, возглавивший шиитский пропагандистский центр в Хорасане в первые дни деятельности Абу Муслима и пользовавшийся там не меньшим, чем Абу Муслим, влиянием, а после победы Аббасидов назначенный на пост правителя Куфы. Именно Абу Салама принимал участие в выборе

халифом Абу-ль-Аббаса в 749 году и, по-видимому весьма неохотно, дал согласие на этот выбор. У Абу-ль-Аббаса были основания рассматривать его как своего потенциального противника и сомневаться в его лояльности, поэтому он принял решение от него избавиться.

Однако Абу-ль-Аббас понимал, что ему надлежит действовать крайне осторожно. Авторитет Абу Саламы в Куфе был непререкаем, его смещение с поста правителя города могло вызвать серьезные беспорядки и было небезопасно для новой правящей династии. Да и достаточно сильной армией для наведения порядка Абу-ль-Аббас в это время еще не располагал. Поэтому он решил предварительно отправить своего брата Абу Джа'фара (позднее халифа аль-Мансура) к Абу Муслиму для того, чтобы выяснить, в какой мере тот готов помочь ему разделаться с одним из влиятельнейших шиитских лидеров.

Трудно сказать, что побудило Абу Муслима принять сторону Абу-ль-Аббаса в конфликте с Абу Саламой, преданность ли правящей династии, которой он до этого служил не за страх, а за совесть, боязнь нарушения единства в исламском государстве или личная неприязнь к влиятельному сопернику. Так или иначе, Абу Муслим "проконсультировался" со своими богами и дал согласие помочь делу. Агенты Абу Муслима убили Абу Саламу, но вина за убийство была возложена на хариджитских фанатиков. Так же был убит и другой опасный для Абу-ль-Аббаса и Абу Муслима шиитский лидер Сулайман ибн Касир. Разделяваясь со своими соперниками в шиитском лагере, Абу Муслим, вероятно, не предполагал, что эта расправа станет в будущем парадигмой его собственной судьбы.

Абу-ль-Аббас (749-754) умер сравнительно молодым, его сменил на посту халифа его брат Абу Джа'фар, принявший

имя “аль-Мансур” (Победоносный) и правивший более двадцати лет (754-775). При первых Аббасидах — аль-Мансуре, его сыне аль-Махди (775-785), внуке аль-Хади (785-786) и другом внуке Харуне ар-Рашиде (786-809) Халифат был относительно централизованным и достаточно сильным государством.

При вступлении на престол аль-Мансору пришлось преодолеть сопротивление соперника, его дяди Абдаллаха ибн Али. Сам аль-Мансур впоследствии утверждал, будто был назначен преемником еще своим покойным братом Абу-ль-Аббасом. В этой борьбе за престол Абдаллах кажется пытался опереться на помощь Абу Муслима.

При халифе аль-Мансуре господствующее положение аббасидской династии окончательно стабилизировалось. Первыми же актами новый халиф всячески старался подчеркнуть, что отныне устанавливается жесткий режим его личной власти. Чтобы закрепить эту власть, аль-Мансур устранил своих родственников и лидеров алдской знати с важнейших постов в государстве. Члены семьи халифа, заподозренные в каких-либо претензиях на роль главы государства, были взяты под неусыпное наблюдение, а многие из их советников и секретарей-катибов — казнены. Жертвой пал и знаменитый писатель и идеолог сословия катибов, автор перевода на арабский язык иранских назидательных сочинений, в частности знаменитой “Калилы и Димны”, Абдаллах ибн аль-Мукаффа (умер в 759 г.).

На все высокие посты аль-Мансур назначал лично ему преданных людей, часто сомнительного происхождения и даже рабов. Именно в это время впервые выдвигается иранский род Бармакидов, главу которого Халида ибн Бармака халиф назначает управителем одной из провинций империи, и образованный перс Абу Убайдаллах Муавия, ставший воспитате-

лем сына халифа — аль-Махди. Позднее, когда аль-Махди пришел к власти, он сделал Абу Убайдаллаха главным катибом, заведующим его канцелярией. Именно при халифе аль-Мансуре экономическое устройство и политический режим исламской империи полностью сложились и приняли законченную форму, а придворные нравы постепенно ориентализировались.

Придя к власти, Аббасиды уже не считали нужным исполнять свои прежние демагогические обещания. Используя для своего выдвижения широкое народное восстание, они поспешили отделаться от своих былых союзников. Их жертвой стал возглавивший восстание в Хорасане популярный в народе, особенно в восточных провинциях Халифата, Абу Муслим.

Абу Муслим и после прихода Аббасидов к власти продолжал оставаться могущественнейшим человеком в государстве. Он создал большую и сильную армию, в которую входили иранские вновь обращенные землевладельцы-дихкане, а также иранцы, сохранявшие верность своей старой религии, и турки. Среди преданных ему людей было много фанатичных шиитских экстремистов. Сам Абу Муслим после смерти Абу-ль-Аббаса продолжал оставаться правителем Хорасана и всячески демонстрировал свою преданность Аббасидам. Именно Абу Муслим был тем человеком, который, после смерти Абу-ль-Аббаса, организовал силы, помогавшие аль-Мансуру захватить престол, несмотря на сопротивление других претендентов.

Могущество Абу Муслима на Востоке пугало багдадских правителей. Его боялся и ненавидел аль-Мансур, еще до прихода к власти советовавший брату снять его с должности наместника. Однако Абу-ль-Аббас не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы решиться на этот шаг. Ныне аль-Мансур, убрав со своего пути соперников, в помощи которым, в

частности Абдаллаху, он без всякого основания обвинил Абу Муслима, решил наконец устранить со своего пути и эту могущественную фигуру. Сославшись на необходимость снабдить Абу Муслима инструкциями перед отъездом наместника в Хорасан, аль-Мансур призвал его во дворец. Говорили, что Абу Муслим якобы был предупрежден о грозящей ему опасности, но он свято верил в благорасположение к нему аль-Мансура и вообще всех членов правящей династии и потому отправился без вооруженной свиты во дворец, где и был убит. Вслед за Абу Муслимом, аль-Мансур расправился и с другими военачальниками из окружения эмира. Убийство Абу Муслима вызвало волнения в Хорасане, где он был не только вождем, но и духовным главой, объектом поклонения. Жестокое подавление этих волнений новой, сформированной аль-Мансуром, армией на время положило конец надеждам жителей провинции на независимость от центральной власти.

Аббасиды пришли к власти, опираясь на шиитов, и первоначально сами выступали под их лозунгами. Но вскоре они поняли, что крайние формы шиизма, включавшие представление об особом божественном характере власти имама-халифа, могут лишь скомпрометировать их в глазах большинства мусульман и привести к отчуждению общины от правящей династии. Убийство Абу Муслима было связано не только с желанием аль-Мансура освободиться от опасной опеки могущественного хорасанского лидера, но и с его намерением разорвать узы, связывавшие династию с ее прежней опорой — дидактическим крылом крайних шиитов. Так состоялся поворот Аббасидов в сторону “джама‘а”, то есть общины большинства мусульман. Теперь оставалось лишь умелыми действиями склонить на свою сторону суннитское большинство общины и положить конец претензиям шиитской верхушки, что аль-Мансур успешно выполнил.

Первые два аббасидские халифа спокойно и цинично стали истреблять своих бывших шиитских агентов, Абу Муслим пал жертвой одним из последних в ряду шиитских пропагандистов, чья преданность и энергия привели династию к власти.

Надежды потомков Али на главенство в общине после отстранения от власти Омейядов были поколеблены еще в момент провозглашения в 749 году Абу-ль-Аббаса халифом. Ныне, когда начались репрессии против них со стороны аль-Мансура, их опасения усилились. Действовавший осторожно Абу-ль-Аббас после своей победы пригласил одного из главарей хасанидской ветви Алидов, внука Хасана — Абдаллаха во дворец, обошелся с ним уважительно, и тот удалился в Мекку, готовый примириться со своим неизбежным поражением. Но его сыновья Мухаммад и Ибрахим не пожелали расстаться со своими бывшими надеждами. Они начали подготавливать восстание, причем в заговоре принял участие в качестве провокатора один из агентов аль-Мансура. Во главе заговора стал Мухаммад “Чистая душа”. Он отказался присягнуть Абу-ль-Аббасу и до времени скрылся.

Люди аль-Мансура не сумели разыскать Мухаммада, и в тюрьму был заключен отец братьев Абдаллах и многие другие, проживавшие в Медине, хасаниды. Тогда Мухаммад вышел из укрытия и с группой приверженцев поднял открытый мятеж. Он объявил аль-Мансура тираном, попирающим законы ислама, и освободил находившихся в тюрьме хасанидов. Однако, несмотря на поддержку многих улемов, Мухаммад не сумел привлечь на свою сторону достаточное число сторонников, и в 762 году его отряд был разогнан войском племянника аль-Мансура — Исы ибн Мусы, а сам Мухаммад убит в Медине. Отец его — Абдаллах умер в тюрьме еще в 758 году.

Столь же безуспешными были действия брата Мухаммада — Ибрахима, который попытался поднять восстание в Ниж-

нем Ираке, где в районе Басры шииты имели множество сторонников. Однако Иса ибн Муса в 763 году разгромил шиитов также и под Басрой.

Аббасиды никогда не имели намерения управлять империей из Дамаска, как это делали Омейяды. Абу-ль-Аббас был провозглашен халифом в Куфе, но перевел свою ставку в аль-Анбар на Евфрате. Борьба с Алидами и подавление двух шиитских восстаний, сделавшее аль-Мансура открытым врагом членов “семьи Пророка”, побудили его создать более безопасную резиденцию, расположенную между Куфой и Хирой в крепости аль-Хашимия и названную так в честь рода хашим, к которому принадлежали Аббасиды. Однако и здесь аль-Мансур не обрел надежного укрытия, потому что столкнулся с фанатиками из шиитской секты равандитов. Члены секты, большинство которых принадлежало к хорасанской придворной гвардии Аббасидов, осадили резиденцию аль-Мансура и пытались объявить его “божественным воплощением”, а основателя династии аль-Аббаса — “хакиком”, святым, познавшим божественную истину. Выступление равандитов свидетельствовало о том, что и среди сторонников династии было много приверженцев крайних шиитских доктрин. Верные аль-Мансуру войска разогнали шиитских экстремистов, из коих многие были казнены.

Тогда аль-Мансур решил основать новую столицу империи, которая была бы символом его могущества и надежной защитой. Так стал закладываться на западном берегу Тигра к северу от древней парфянской и сасанидской столицы Ктесифона новый город Багдад.

Багдад, или как его называли “Мадинат ас-салам” (Город мира или благоденствия), был сооружен за короткий срок с 758 по 762 год на месте местечка “Сук Багдад” (Рынок Багдада) в центре плодородной цветущей долины, которую

пересекала сеть каналов, соединявшая Тигр и Евфрат. Он был спланирован в форме защищенного стенами, каналами и рвами круга, внутри которого находились халифский дворец, большая мечеть и правительственные ведомства — диваны. За пределами круглого города располагались военные лагеря, рынок и кварталы, населенные различными ремесленными и этническими группами. На ночь эти кварталы запирались. На другой стороне Тигра, соединявшейся с круглым городом лодочным мостом, в 768 году начали сооружать дворец для сына и преемника аль-Мансура — аль-Махди и высокопоставленных чиновников, в частности Бармакидов. Аль-Мансур переселился в еще не вполне отстроенный город в 763 году, а спустя несколько лет кварталы города были полностью заселены.

Выбирая место для своей новой столицы, аль-Мансур учитывал также и ее стратегическое значение. Через Багдад проходил главный путь в восточные провинции, в частности в Хорасан, который отныне можно было держать под контролем новой столицы. С политической и коммерческой точки зрения Багдад играл в Халифате ту же роль, что Александрия в древнегреческой ойкумене. Подобно тому, как Александрия как бы повернулась спиной к Египту и лицом к Средиземному морю, Багдад озаменовал поворот арабо-мусульманской империи лицом к Востоку.

Вскоре после основания, Багдад стал центром светской и религиозной жизни в исламе, торговым и интеллектуальным центром Халифата. Здесь процветали наука и философия, литература и искусство. Это был постоянно находящийся в состоянии брожения космополитический город, в большей мере деловой, чем благочестивый, местопребывание светской и религиозной власти. Здесь жили арабы, иранцы и тюрки, шииты и сунниты, христиане и евреи, люди безмерно богатые и

беднота, нищие и бродяги. Управлять городом было нелегко, и часто правителям приходилось прибегать к силе, чтобы держать горожан в повиновении и препятствовать конфликтам между различными общинами.

С основанием Багдада стал более очевиден новый характер исламского государства. Омейяды понимали задачу халифов в первую очередь как предводителей мусульманской армии. Они стремились все к новым завоеваниям и к расширению пределов исламской ойкумены, а внутри империи были заняты борьбой с соперниками и подавлением восстаний религиозно-политического характера, как в центральных областях, так и в провинциях. Правительственные учреждения и местная администрация при Омейядах были относительно простыми. Во главе провинций халифы назначали наместников-эмиров, деятельность которых сводилась к организации новых завоевательных походов, наблюдению за сбором налогов и распределению пенсий среди солдат подчиненного им войска. Арабизация и исламизация покоренных народов на первых порах шла медленно и не приводила к существенным изменениям налоговых и административных учреждений, в которых, как и прежде, трудились местные чиновники-немусульмане.

Наметившаяся еще при последних Омейядах эволюция системы управления привела при Аббасидах к серьезным изменениям в характере режима. Аббасидские правители прилагали значительные усилия, чтобы добиться большей централизации и контроля над завоеванными областями. Омейядская структура власти, при которой управление провинциями отдавалось полностью в руки наместников, более не могло соответствовать политическим и экономическим интересам централизованного государства. Мирным путем и силой Аббасиды объединяли различные слои многонациональной им-

перии, превращая пестрое гетерогенное политическое образование в единое исламское государство с универсальной религией и со столицей в Багдаде. Унаследованные от Византии и сасанидского Ирана традиции государственного управления получили дальнейшее развитие. Наместники-эмиры становились не просто военачальниками, обязанными держать провинции в повиновении и отправлять в столицу часть военной добычи, но в первую очередь администраторами, обладавшими, наряду с военно-полицейскими, также и гражданскими функциями. В пределах своих владений они организовывали военные и фискальные ведомства по образцу столичных и контролировали их деятельность.

Образование огромной арабо-мусульманской империи с неизбежностью должно было повлечь за собой появление армии чиновников. Сохраняя имперский стиль государственной власти, Аббасиды способствовали росту бюрократической администрации, которую, по крайней мере в первое время, они жестко контролировали, и через которую они могли надзирать за состоянием дел во всем исламском мире. Ограничив власть военной администрации в провинциях и в самом Багдаде, Аббасиды, в той мере, в какой это допускал теократический режим, частично передали власть чиновникам, среди которых преобладали обращенные в ислам иранцы (мавали), обладавшие опытом сасанидской государственной службы и, вследствие своего происхождения, не имевшие особых честолюбивых амбиций. Постепенно сложилось многочисленное сословие “катибов” (“катиб” мн. “куттаб” — писец, секретарь), заседавших в специализированных учреждениях — “диванах”.

В первоначальном значении термин “диван” обозначал регистр лиц, которым выплачивались пенсии за заслуги перед исламом и жалование за воинскую службу. При Омейядах

эти списки хранились в Дамаске и в провинциальных центрах. Со временем термином “диван” стали обозначать не только регистры, но и сами ведомства, в которых они хранились.

Уже при первых Аббасидах сложилась развернутая бюрократическая система управления. Главными административными ведомствами (диванами) были канцелярия, казначейство и управление армией. Канцелярия была представлена “Диваном ар-раса’иль” (Диваном посланий), из которого исходила вся деловая корреспонденция и где оформлялись все документы. Именно в этом диване сложился позаимствованный из Ирана специфический стиль деловых посланий, с которым были знакомы лишь образованные, получившие соответствующую подготовку катибы. Делами, связанными с армией, руководил “Диван аль-джайш”, заведовавший рекрутированием войска, его вооружением и вопросами, связанными с его денежным содержанием.

Одним из самых главных ведомств было казначейство — “Диван аль-маль”, — которое заведовало расходами средств на государственные нужды и контролировало сбор налогов. “Диван аль-барид” (главное почтовое ведомство) ведал учреждениями связи и почтовыми трактами. В обязанность сотрудников ведомства входило также такое деликатное дело, как просмотр почтовой корреспонденции и информирование правительственных инстанций о ее содержании. Были диваны, занимавшиеся сбором налогов. Позднее появилось специальное ведомство, наблюдавшее за “икта” — земельными пожалованиями за государственную и военную службу. С помощью этих ведомств халиф мог контролировать все дела в его владениях, при этом методы его правления были сходны с теми, которые бытовали при сасанидских шаханшахах.

На первых порах халиф лично координировал деятельность различных ведомств, и ни одно из них не имело своего офици-

ального главы. Со временем халиф стал поручать часть работы своему приближенному — вазирю, который первоначально был лишь личным помощником халифа по разным делам. Термин “вазир” (помощник халифа) арабский и происходит от глагола “вазара” — “нести бремя, большую тяжесть”. В прошлом его уже употребляли в специальном значении применительно к упомянутому выше аль-Мухтару, которого за его ревностную службу Алидам в Куфе именовали “вазиром (помощником) семьи Мухаммада”. Титул “помощника” Алидов удостоился также Абу Салама, который вел шиитскую пропаганду в Хорасане, принес присягу верности Абу-ль-Аббасу еще до того, как тот захватил власть и потому был назван арабскими историками “первым аббасидским вазиром”.

Для аль-Мансура и сменившего его аль-Махди вазир был лишь личным секретарем, который вел их корреспонденцию, следил за их имуществом и на которого, что особенно важно, как на образованного и знакомого с делом управления государством человека, обычно иранца, возлагалась обязанность по обучению наследника. Это приводило к тому, что со временем вазир становился главным советником и доверенным лицом нового халифа. Так сложился институт вазирата. Вазирю доверяли хранение государственной печати, его уполномочили возглавлять судебную систему, дополнявшую шариатский суд, а иногда и заменявшую его. Вазир стоял во главе всей иерархии катибов, из среды которых он обычно рекрутировался.

Постепенно вазир принял на себя все административные функции, возглавил диваны и стал всемогущим министром по образцу высших чиновников Сасанидской империи. Омейяды также часто предоставляли широкие полномочия людям, не принадлежавшим к арабской знати, например Зайду ибн аби-хи и его сыну Убайдаллаху, аль-Хаджжаджу в Ираке и дру-

гим. Но это была власть военного наместника над определенной территорией. Власть же вазира при Аббасидах не была четко очерчена и носила всеобъемлющий, не связанный с определенной территорией, характер.

Еще при халифах Абу-ль-Аббасе и аль-Мансуре усилилось влияние иранской аристократии на политическую жизнь Халифата. Первые Аббасиды были ей благодарны за помощь в борьбе с Омейядами. При них стали выдвигаться члены знатного иранского рода Бармакидов. Главой их был Халид ибн Бармак (умер в 781 г.). Отец Халида — Бармак (это было не имя, а звание жреца — пармак) был до арабского завоевания жрецом буддийского храма или монастыря в Балхе. Храм был разрушен во время или вскоре после завоевания арабами восточного Хорасана. Как гласит предание, дети Бармака эмигрировали в Басру, приняли ислам и стали вольноотпущенниками (мавали) одного из арабских племен. Во время правления Абд аль-Малика (685-705) один из Бармакидов перебрался в Дамаск и, благодаря своей учености, завоевал в кругу арабской знати большое уважение.

Хотя глава рода Бармакидов Халид в свое время сотрудничал с Алидами — Мухаммадом и Ибрахимом, тем не менее Абу-ль-Аббас, усмотрев в нем дельного и образованного человека, назначил его на важный пост в финансовом ведомстве. При халифе аль-Мансуре Халид был правителем Фарса и Табаристана, а позднее стал вазиром. Сын Халида — Йахья (умер в 805 г.) был назначен правителем всех восточных провинций Халифата, а при Харуне ар-Рашиде (786-809) стал всемогущим вазиром, управлявшим вместе со своими сыновьями аль-Фадлом и Джа'фаром всеми делами государства.

Исламское государственное право не знает принципа наследственной передачи власти. Поэтому, как при Омейядах,

внутри династии Аббасидов шла постоянная борьба за наследованием престолом. Аль-Мансур сначала собирался, следуя пожеланию, высказанному еще Абу-ль-Аббасом, назначить своим преемником племянника Ису ибн Мусу, но позднее изменил свои намерения в пользу собственного сына аль-Махди. В этом отношении он шел по стопам Омейядов, обычно стремившихся сохранить власть за своими непосредственными потомками.

Аль-Мансур намеревался закрепить новый принцип престолонаследия, по которому власть халифа должна была переходить в пределах хашимидского рода от одного потомка аль-Аббаса к другому. Поэтому перед смертью аль-Мансур заставил улемов и лиц из своего ближайшего окружения присягнуть в Мекке его сыну. Однако о наследнике широко не было объявлено, дабы раньше времени не вызвать протест других членов хашимидского рода.

Халиф аль-Махди и борьба с “зиндикизмом”

Новый халиф аль-Махди (775-785) получил по понятиям того времени хорошее воспитание. Его наставником был образованный и сведущий в политике перс, катиб Абу Убайдаллах Муавия, который обучил его многим наукам, в том числе придворной учтивости. Для того, чтобы отрок не порвал с арабскими традициями, аль-Мансур сделал его учителем также и известного знатока арабской грамматики и поэзии аль-Муфаддала ад-Дабби (умер в 784 г.), который в 756 году составил для своего ученика знаменитую книгу “аль-Муфаддалият” — антологию лучших арабских поэтов. В соответствие со вкусами того времени, в антологию вошло 126 поэм, принадлежавших 66 авторам, из коих 60 творили еще в доис-

ламское время. Таким путем аль-Муфаддал рассчитывал привить своему воспитаннику любовь к исконному арабскому поэтическому искусству.

Однако уже начали сказываться новые веяния, связанные с проникновением иноземных влияний в некогда скромный быт, арабских властителей. Под влиянием Абу Убайдаллаха аль-Махди завел придворные иранские обычаи, и древневосточный церемониал, характерный для Сасанидов, возродился при нем в арабском облики. Халиф отделил себя от подданных многочисленной стражей, доступ к нему охранялся особым камердинером — хаджибом. Двор, семья и гарем халифа, придворные и домашние слуги образовывали некий центр империи. В отличие от сурового и достаточно скромного аль-Мансура, аль-Махди не вел строгий образ жизни, а любил развлечения в кругу друзей и сотрапезников.

С момента восшествия аль-Махди на престол его наставник Абу Убайдаллах Муавия стал его главным помощником. Вне зависимости от того, как именовался его пост, он фактически играл роль вазира. Он надзирал за государственными финансами и деятельностью всех чиновников, то есть в его руки перешли все важнейшие функции, связанные с управлением государством. При нем и под его влиянием изменилась система налогообложения в сельской местности. Фиксированный налог с земледельцев аль-Махди заменил системой пропорционального обложения, при которой учитывались размеры ежегодного урожая и колебания цен на рынке. Однако вскоре Абу Убайдаллах утратил благорасположение халифа. Его отставка была связана со стремлением аль-Махди обожать легитимность власти Аббасидов на новой основе.

Как раз в это время, как показали дальнейшие события, среди последователей хусайнида Зайда ибн Али, внука третьего шиитского имама Хусайна, возглавившего восстание

против омейядского халифа Хишама в 740 году и погибшего в сражении с халифским войском, и его племянника имама Джа'фара ас-Садика (умер в 765 г.) складывалась новая теория имамата, согласно которой любой Алид мог, за заслуги перед общиной, быть избран имамом-халифом. Последствия этих теоретических размышлений стали сказываться позднее при Харуне ар-Рашиде, но уже аль-Махди, по-видимому, ощутил исходящую от этих теорий угрозу правящей династии. Именно поэтому, а также для того, чтобы снискать благорасположение суннитского большинства, он решил в 780 году отказаться от теории, трактующей получение Аббасидами власти на основе завещания Абу Хашима, и обосновать претензии династии на власть наследованием ее от основателя династии аль-Аббаса, признанного главой правоверных самим Пророком.

Дабы смягчить недовольство Алидов этим поворотом в политике, аль-Махди предпринял ряд мер. Прежде всего он объявил амнистию всем участникам хасанидского мятежа, во время которого аль-Мансур расправился с хасанидом Мухаммадом ибн Абдаллахом и его братом — Ибрахимом. Он неожиданно обвинил своего мудрого и преданного советника Абу Убайдаллаха в "тайном манихействе", отстранил его от вазирства и назначил на его место алида Йа'куба ибн Да'уда, объявив его "братом Аллаха" и тем самым удостоверив, что между ним и Йа'кубом существует "духовное родство", подобно тому, которое, по мнению шиитов, постоянно существует между имамами и их миссионерами.

Между тем Йа'куб в прошлом входил в число приближенных Насра ибн Саййара в Хорасане, то есть придерживался четко выраженной проомейядской ориентации, а позднее оказался замешанным в восстании 762 года Мухаммада ибн Абдаллаха и за это был посажен аль-Мансуром в тюрьму.

Теперь аль-Махди его помиловал и назначил на высокий пост. Он рассчитывал, что Йа'куб, имевший большие связи в кругах последователей Зайда ибн Али, поможет ему наладить отношения с умеренными шиитами. По стране поползли слухи, что с приходом Йа'куба во власть зайдиты будут добиваться высших постов в государстве. Однако всеми этими действиями аль-Махди не сумел привлечь шиитских лидеров на свою сторону. Сами Алиды отреклись от Йа'куба и объявили его предателем, а новый вазир, не оправдавший надежд аль-Махди, вскоре впал в немилость.

В пестрой по своему религиозному и культурному составу империи, каким был Халифат, неизбежно должна была возникнуть тенденция к возрождению традиционных религиозных верований, а также к появлению различных сектанских и еретических теорий внутри самого исламского общества. Когда Аббасиды пришли к власти, у них возникли проблемы с новыми мусульманами из числа бывших зороастрийцев. Среди обращенных в ислам иранцев были широко распространены чуждые исламу учения. При Омейядах в оппозиционных к арабской власти слоях общества еще сохранились традиционные верования и ныне, по мере распространения новой религии, они все отчетливее заявили о себе уже в самом исламском обществе. Тех, из числа вновь обращенных, кто придерживался чуждых исламу взглядов, традиционалисты именовали зиндиками-еретиками. Багдадские теологи были убеждены, что многие иранцы-мусульмане сохраняют манихейские верования и мечтают лишь о том, чтобы с их помощью разрушить ислам.

Манихейство возникло в Иране в середине III века. Создатель учения Мани (216-276) описывал мир с помощью бинарных противопоставлений: свет — тьма, дух — материя, добро — зло и т.д. Вера в дуализм творения, сложившаяся

не без влияния гностических учений (гностицизм — совокупность религиозно-философских учений, в которых формирующаяся христианская догматика включала чуждые христианству языческие верования — учения неоплатоников, пифагорейцев и т.д.), освобождала доброго Бога от ответственности за творящееся в мире зло и предоставляла человеку свободу выбора. Это на практике давало человеку право на независимый подход к исламскому вероучению. Сторонники учения Мани активно занимались прозелитизмом среди горожан и кочевников Восточного Ирана и Мавараннахра.

Термин “зиндик” (на пехлеви “зандик” — “интерпретатор”) применялся ортодоксальными зороастрийцами сасанидского государства по отношению к сторонникам манихейского учения за то, что они практиковали “занд” — неортодоксальное толкование священной книги зороастризма — Авесты.

В исламе термин “зиндик” приобрел более широкое значение. Зиндками-еретиками стали именовать людей, либо открыто отвергавших ислам (как это было в восточных провинциях Халифата), либо подвергавших критике некоторые его основные доктрины. Зиндик стал особенно преследуемой фигурой с середины VIII века, когда начались активные культурные контакты арабов с Ираном. И во время правления аль-Махди, и при сменивших его халифах, исламские традиционалисты воспринимали всякое проявление “зиндикизма” (под которым они чаще всего подразумевали манихейство), как враждебную исламу теологию.

В мусульманском мире не было ортодоксии в том смысле, в каком этот термин понимался в христианстве. Ислам не знал ни организованной церкви, ни, стало быть, иерархизированного духовенства, ни церковных соборов, которые могли бы выносить по спорным богословским вопросам решения, подлежащие неукоснительному выполнению члена-

ми общины. Характер мусульманского теократического государства позволял считать законными действия того или иного политического руководителя (халифа, наместника или военачальника, чиновника, судьи и других) лишь в том случае, если можно было доказать, что в аналогичных обстоятельствах именно так действовал сам Пророк, или что в его речах содержались соответствующие предписания. Поэтому все истории о деяниях и речениях Пророка — хадисы, собрание которых составляло сунну, тщательно фиксировались и легли в основу не только мусульманского права, но и всей жизни средневекового мусульманского общества. Последователей традиции (тех, кто в своих взглядах и действиях строго придерживался предписаний Корана и сунны) именовали салафитами (от “салафа” — “предшествовать, быть раньше”) то есть традиционалистами, а в европейском понимании термина “ортодоксами”. Сами традиционалисты именовали себя “сторонниками сунны и общины” (ахл ас-сунна ва-ль-джама^а) или “людьми хадиса” (ахл аль-хадис), и их наиболее последовательные и фанатичные идеологи активно боролись против всякого отступления от буквы священной книги (Корана) и сунны и против любого проявления “зиндикизма”, как они его понимали.

Недоверие к новым мусульманам (мавали) было широко распространено среди теологов. В сознании традиционалистов, которые внесли свой вклад в свержение Омейядов, новая династия обязана была защищать старинные исламские традиции, истинными носителями которых могли быть, по их представлению, в первую очередь арабы. Мавали же, принявшие язык арабов и новую веру путем обращения, вся процедура которого сводилась лишь к простому повторению символа веры, по мнению их недоброжелателей делали это не по сердечному влечению, а лишь для того, чтобы обрести богат-

ство и власть. Их подозревали в том, что они втайне придерживались старых верований. И действительно, во многих иранских семьях еще сохранялись традиция и практика зороастризма и манихейства.

По мнению строгих мусульман, истинное исламское благочестие было неведомо мавали. Арабский писатель и теолог аль-Джахиз (775-868) писал, что не было такого катиба (писца из мавали), который имел бы привычку держать Коран возле своей постели, то есть постоянно заниматься чтением священных текстов. При этом любопытно, что в то время как в Багдаде и вообще в Ираке в зиндикизме обвиняли за всякое проявление распущенности, в Хорасане и в других иранских областях подобное обвинение предъявлялось наоборот сторонникам крайних форм аскетизма. Особенно возмущались благочестивые традиционалисты секулярным и гедонистическим стилем жизни в столице, усвоенным под влиянием иранских придворных традиций. Они обвиняли в "зиндикизме" тех, кто, по их мнению, более всего был виновен в нарушении исламского благочестия, причем такие обвинения не всегда были связаны с теологическими принципами, но чаще они носили характер риторического осуждения распущенности нравов.

Восстание аль-Муканны

В восточных провинциях Халифата многие люди открыто отказывались принять ислам, и религиозно-политические движения не маскировались верностью учению Пророка, но вступали в вооруженную борьбу с властями. Их идеология, даже если она не была манихейством, содержала элементы манихейско-гностических и других восточных вероучений, выражавшиеся в четком дуализме и в жестких формах аскетизма.

Постепенно “зиндикизм” в разных видах стал распространяться все более открыто не только на востоке в иранских провинциях, но и среди образованных людей Багдада, значительную часть которых составляло чиновничество из мавали. Этому способствовало возрастающее участие иранцев в администрации и культурной жизни центральных областей Халифата, которые были охвачены иранским “культурным национализмом” (шу’убией). Споры о приоритете в области культуры происходили в различных литературных кружках вплоть до XI века. В этой среде и процветали различные манихейско-гностицистские идеи. Арабский историк и географ аль-Мас’уди (умер в 956 г.) свидетельствует, что произведения Мани, гностиков Бар Дайсана и Маркиона широко циркулировали в арабских переводах, об их религиозных системах писались трактаты.

В восточных частях Халифата (Иране, Мавараннахре, Закавказье) вторая половина VIII века и весь IX век прошли под знаком почти непрерывных, преимущественно крестьянских, восстаний, носивших национальный характер и направленных против арабского государства. Идеологической оболочкой этих восстаний было учение хуррамитов, которых именovali также маздакитами. Маздак (V-VI в.), зороастрийский жрец-мабед, создал учение, в котором объединил элементы зороастризма, манихейства и некоторых христианских сект. Хуррамиты восприняли учение Маздака, дополнив его идеями, позаимствованными у крайних шиитов. Именно от шиитов хуррамиты усвоили теорию о непрерывном воплощении Бога в людях, сперва в пророках от Адама до Мухаммада, а потом в хуррамитских пророках-вождях. Есть предположение, что сам термин “хуррамия” ведет свое происхождение от персидского слова “хуррем” (“ясный, светлый”), или от “хур” (“хвар”) — “солнце, огонь”.

Одно из наиболее длительных хуррамитских восстаний разразилось во второй половине VIII века при халифе аль-Махди. После казни в 754 году Абу Муслима в восточных областях Халифата многие проповедники претендовали на роль его преемников. Таким был Хашим ибн Хаким, уроженец Хорасана, в прошлом один из сподвижников Абу Муслима. Хашима называли аль-Муканной (носящим покрывало), ибо он прикрывал свое лицо, как говорили его последователи, чтобы спасти своих сподвижников от непереносимого сияния, а его противники — чтобы люди не видели его безобразной внешности. Аль-Муканна был старым врагом Аббасидов и еще при халифе аль-Мансуре за свою деятельность был схвачен в Мерве и заточен в тюрьму в Багдаде, откуда бежал.

Еще до появления аль-Муканны в Мавараннахре значительная часть Средней Азии и Северо-Восточного Ирана была охвачена антиарабским восстанием “людей в белых одеяниях”, получивших такое наименование за одежду, в которую они облачались.

Прибыв в 776 году в Мавараннахр, аль-Муканна начал выступать с проповедями. Он привлек к себе множество сторонников, главным образом из числа сельских жителей, и стал во главе восстания. Себя аль-Муканна выдавал за последнее воплощение божественного духа на земле и призывал бороться с арабами и исламом. Он утверждал, что способность к пророческой деятельности эманировала от Всевышнего и сперва манифестировалась в библейских пророках, затем в Иисусе Христе и Мухаммаде, затем в Абу Муслиме, а теперь перешла к нему. В своих проповедях он учил, что извечно существует борьба добра со злом, света и тьмы, причем господствующие порядки он отождествлял со злом, а свет добра искал в патриархальном прошлом.

Восстание аль-Муканны в значительной мере инспирировалось крайними формами шиитской идеологии и подкреплялось социальными требованиями. Идеализируя прошлое, сторонники аль-Муканны представляли себе свободный общинный строй золотым веком всеобщего равенства и изобилия. Основной причиной зла они считали феодальную собственность на землю и стремились заменить ее собственностью общинной, то есть восстановить древние порядки, при которых их предки не страдали от власти землевладельцев и лихоимства сборщиков податей.

Таким образом, в движении аль-Муканны сложно сочетались социальные, национальные и религиозные элементы. Но власти Багдада были склонны игнорировать социальные элементы, а в религиозных идеях видеть в первую очередь угрозу господству династии и исламу, как со стороны претендовавших на власть Алидов, так и со стороны возрождающегося манихейства, элементы которого легко можно было обнаружить в проповедях аль-Муканны. Поэтому халиф начал поход против “зандака”, которое понималось как манихейство, для чего учредил специальный суд или инквизицию “михну” (от глагола “махана” — “подвергать тяжелому испытанию”). Ранее обвинение в зиндикизме было предъявлено чиновнику и образованному литератору Абдаллаху ибн аль-Мукаффе. Ныне инквизиция обрушилась на Абу Убайдаллаха и других лиц с тем же обвинением.

На первых порах аль-Муканне сопутствовал успех. Он сумел захватить Бухару, но удержать город не смог. Тогда он соорудил в горах крепость, в которой много лет сопротивлялся аббасидскому войску. В конце концов аль-Махди сам стал во главе военной операции, и в 783 году крепость пала, а аль-Муканна и его сподвижники покончили с собой.

Аль-Махди умер в 785 году, и после его смерти началась обычная в истории Халифата борьба между претендентами на

престол. Один из сыновей аль-Махди — Муса аль-Хади был в это время правителем Джурджана, а второй — Харун ар-Рашид — Азербайджана и Армении. Каждый из претендентов имел собственную администрацию и советников, готовых бороться за власть своего патрона. Аль-Махди понимал, что после его смерти может возникнуть кровавая междоусобица. Поэтому перед смертью он отправился в Джурджан с намерением уговорить Мусу аль-Хади, которого первоначально намечал в преемники, отказаться от престола в пользу Харуна. Неожиданная смерть аль-Махди в дороге нарушила его планы и привела аль-Хади к власти (785-786).

Хотя Харун добровольно признал аль-Хади халифом, поползли слухи, что тот вознамерился убить возможного соперника. Тогда в дело вмешалась мать обоих претендентов, деятельная Хайзуран. По каким-то причинам она сочла для себя более выгодным передать власть в руки Харуна ар-Рашида (786-809) и отравила аль-Хади. С приходом Харуна к власти Хайзуран обрела огромное влияние в политической жизни государства и пользовалась им до самой смерти в 790 году. За год своего правления аль-Хади успел войти в историю как виновник жестокой расправы над алидскими лидерами близ Мекки в 786 году, что, возможно, было одной из главных причин, побудивших Хайзуран к столь решительным действиям.

Харун ар-Рашид и Бармакиды

С приходом к власти Харун столкнулся со множеством проблем. В последние десятилетия VIII века в Халифате все больше о себе давали знать региональные различия. Происходила консолидация старых и образование новых региональных этнических общностей, и роль арабов в качестве объеди-

няющей империю военной силы заметно сокращалась. Иранские провинции и Магриб непрерывно пребывали в состоянии волнения, а северные провинции Халифата все сильнее ощущали угрозу со стороны византийских императоров.

Начатая еще при Омейядах политика, направленная на укрепление центральной монархической власти и организацию государственного управления по сасанидскому образцу, была успешно продолжена при Аббасидах, в частности при Харуне ар-Рашиде. Поскольку Аббасиды пришли к власти при поддержке иранских военных формирований, роль иранской военщины в государстве и армии стала преобладающей. Персы-хорасанцы, принятые в семью Аббасидов в качестве так называемых “сыновей”, образовали основное военное ядро аббасидской армии. Это освободило халифскую власть от постоянного давления арабско-бедуинского войска, сохранявшего племенную структуру и вмешивавшегося в государственные дела, как это было при Омейядах. Упадок престижа и роли арабских племенных ополчений нашел свое выражение в сокращении вознаграждения арабским воинам (мукатилун). Пенсии стали выплачиваться не всем несущим военную службу арабам, но только представителям исламской аристократии из рода хашим и Алидам.

Другим симптомом падения роли арабов в центральной администрации было появление на халифском престоле, в результате рождения наследников от жен халифов и их рабынь-наложниц неарабского происхождения правителей смешанных кровей. Так, мать Харуна ар-Рашида — Хайзуран была наложницей аль-Махди, купленной для него у работорговца.

Подобно отцу, Харун ар-Рашид вступил на престол окруженный целой армией иранских советников и секретарей, готовых приложить все свое умение, чтобы наладить государственную машину. Многие мавали начинали свою карьеру с

самых низших должностей и постепенно доходили до вершин власти, таща за собой целую цепочку клиентов-чиновников. Все они были преданы правящей династии, от которой полностью зависело их благополучие.

Секретари-катибы были образованы как в духе арабской, так и иранской традиции. Еще при Омейядах первый крупный арабский прозаик иранец Ибн аль-Мукаффа переводил с персидского на арабский дидактические иранские сочинения, желая ознакомить арабскую знать со своей родной культурой и “цивилизовать” арабских правителей, демонстрируя преимущества иранской государственно-административной организации. Свое культурное превосходство и пренебрежение к исконным арабским традициям выражали часто поэты из мавали, за что, порой, расплачивались жизнью. Тяжелая судьба выпала на долю казненного по приказу аль-Махди поэта-слепца, перса Башшара ибн Бурда (714-783), дерзко писавшего, обращаясь к арабам: “Неужели ты, сын пастуха, рожденный женой пастуха, пытаешься соперничать в славе с племенем благородных? Ты обречен на неудачу! Ведь прежде, когда ты хотел пить, ты лакал воду вместе с собакой из дождевой канавы!”. Башшару ибн Бурду вторил другой поэт-панегирист, живший при дворе Харуна ар-Рашида и аль-Амина — Абу Нуvas (умер около 813 г.) “Мне говорят: “Вспомнил бы ты в стихах кочевье племени асад! Да не будет обильно твое молоко! Скажи, что это за племя асад? Не заимствуй у бедуинов ни их развлечений, ни их образа жизни. Ведь жизнь их — бесплодная земля... Куда там кочевью до дворцов Хосрова!”

Важнейшим свидетельством роста влияния иранцев на дела Халифата может служить возвышение Бармакидов. Глава рода Йахья ибн Халид, выдвинувшийся еще во времена правления аль-Махди, занял при Харуне ар-Рашиде место главного со-

ветника. Именно ему Харун ар-Рашид был обязан своим спасением при халифе аль-Хади и, взойдя на престол, доверил ему ведение всех государственных дел. Предшественники Харуна также заводили помощников из мавали, однако никто и никогда при Аббасидах не обладал такой властью в государстве, как Йахья. У Йахьи хранилась личная печать халифа, он принимал жалобщиков и имел решающий голос при всех назначениях высокопоставленных чиновников, вплоть до эмиров в провинции. На протяжении семнадцати первых лет правления Харуна ар-Рашида Бармакиды управляли всеми делами огромного государства и именно им халиф в значительной степени был обязан процветанием империи.

Йахья несомненно обладал выдающимся талантом государственного мужа, но прочностью своего положения он в значительной мере был обязан поддержке Хайзуран, которая видела в нем ценнейшего помощника во всех делах. Сыновья Йахьи также занимали высокие посты. Кроме того, что они были наставниками сыновей Харуна (уль-Фадл — аль-Амина, Джа'фар — аль-Ма'муна), они неоднократно назначались губернаторами провинций. Аль-Фадл управлял пограничными областями Западного Ирана, одно время заведовал администрацией в Хорасане (792-796), где сумел навести порядок и организовать ирригационное строительство, чем способствовал процветанию области. Позднее он был наместником Ирака, Центрального Ирана, Табаристана, Азербайджана и Армении (796-802). При нем власть мусульманского государства укрепилась в Мавараннахре. Его возвышению помогало то, что он был молочным братом самого Харуна ар-Рашида.

Джа'фар был человеком совершенно иного склада. Правда, он также временами управлял Египтом, Сирией, а, позднее, и Хорасаном, но в провинции выезжать не любил, обычно жил в Багдаде. Харун ар-Рашид ценил общество

Джафара, его остроумие, образованность и умение себя вести, часто приглашал его во дворец и сделал его своим собеседником и сотрапезником (надимом).

Мудрые и опытные политики, Бармакиды всячески старались добиться известной консолидации в мусульманском обществе, дабы предотвратить возможный распад государства. Предметом их особого беспокойства было положение в восточных областях Халифата, а также проблема взаимоотношений правящей династии с Алидами, к которым они старались проявлять максимум снисходительности даже в тех случаях, когда те открыто демонстрировали оппозицию властям.

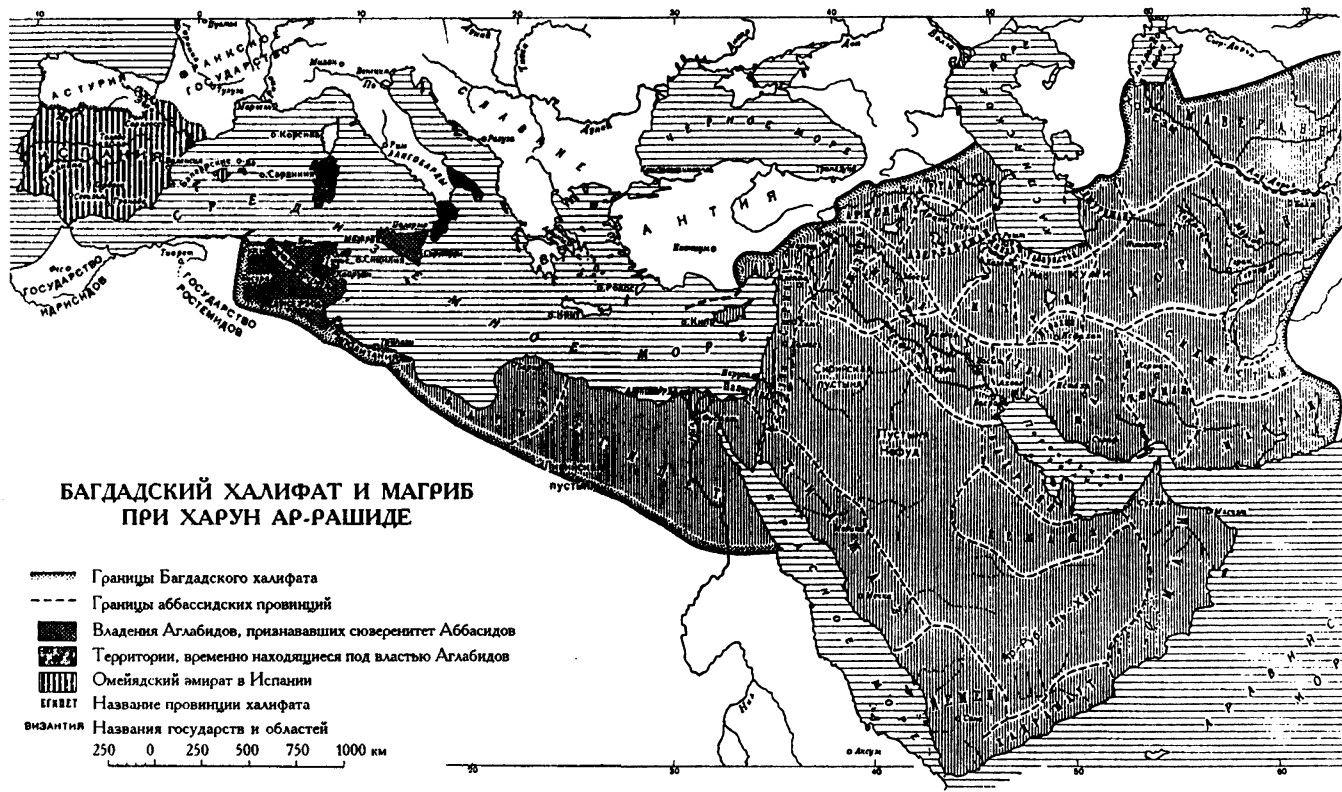
Особое внимание Бармакиды уделяли иранским областям империи. В силу своего происхождения они, вероятно, сочувствовали возрождению национальных чувств в Хорасане и других восточных областях и были озабочены тем, как улучшить условия жизни обитателей этих провинций. Порой это вызывало недовольство Харуна, с подозрением наблюдавшего за процессами национального подъема в иранских провинциях империи. В условиях возрождения сасанидских государственных традиций и придворного церемониала, Бармакиды служили при халифском дворе как бы живым воплощением былого иранского блеска. Их богатство, щедрость и великодушные снискали симпатии современников, что часто вызывало в душе халифа чувство досады. И хотя Бармакиды полностью предоставляли свой административный талант в распоряжение халифа, в сознании Харуна постепенно созрела мысль что, исходя из его политических целей и для защиты личной самодержавной власти от возможного посягательства могущественного рода, ему следует избавиться от Бармакидов.

Подобно аль-Мансуру и аль-Махди, Харун ар-Рашид более всего опасался Алидов и вел за ними постоянное наблюдение. Он принял ряд мер, чтобы пресечь выступления Али-

дов против правящей династии. Один из Алидов, Йахья ибн Абдаллах, брат Мухаммада ибн Абдаллаха, в свое время поднявшего восстание против Аббасидов и погибшего в сражении с войском Исы ибн Мусы в 762 году, попытался создать в 792 году в Дайламе и Табаристане независимый эмират. Его поддержал через своего посланца бармакид аль-Фадл. Позднее аль-Фадл от него отрекся и посоветовал ему сдаться халифской армии. Йахья получил от Харуна обещание безопасности (аман), но после приезда в Багдад был заключен в тюрьму, где и умер.

В дальнейшем аль-Фадл также вел себя довольно двусмысленно и независимо по отношению к Алидам. Когда хусайнид Муса аль-Казим, ставший позднее седьмым шиитским имамом, был передан в его руки для наказания, он, вопреки воле Харуна, обращался с ним уважительно, хотя Муса был обвинен в изменческих намерениях, призван из Мекки в Багдад и впоследствии в 799 году казнен. Терпимая политика Бармакидов по отношению к Алидам вызывала недовольство Харуна. В гневе он даже лишил аль-Фадла всех полномочий и отстранил его от власти. Аль-Фадла спасло лишь заступничество его отца Йахьи и то обстоятельство, что, испугавшись, он сам отдал приказ о казни Мусы. Однако, еще за четыре года до окончательной расправы с Бармакидами, аль-Фадл был посажен под домашний арест. Это был первый сигнал усиливающейся враждебности халифа к пользовавшемуся уважением во всех слоях общества роду.

В 790 году умерла покровительствовавшая Бармакидам мать халифа — Хайзуран, и Харун получил боольшую свободу действий в управлении страной. Поскольку сыновьям Йахьи — аль-Фадлу и Джа'фару было поручено воспитание наследников престола, Харун видимо опасался, что после его смерти они могут возглавить государственную политику.

Однажды ночью в 803 году Харун неожиданно приказал схватить и казнить своего советника Джа^сфара, а вазира Йа^хью и его второго сына аль-Фадла бросить в тюрьму, где они и умерли. Нет сомнения в том, что Харун давно готовил эту операцию и неожиданной она показалась лишь людям, слабо осведомленным в придворной кухне. Жестокая расправа над Бармакидами, так поразившая современников, была следствием давно назревавшего конфликта.

Традиция сохранила образ Бармакидов как людей щедрых и великодушных, покровительствовавших ученым и поэтам. Они стали легендарными персонажами средневекового фольклора, сказок и новелл “Тысячи и одной ночи”, как и сам Харун ар-Рашид, хотя образ халифа в народной литературе существенно отличается от своего реального прототипа.

Преемником Бармакидов явился некий аль-Фадл ибн ар-Раби^а, сын одного из хаджибов (привратников) аль-Мансура. Это был завистливый интриган, сыгравший, видимо, немалую роль в падении Бармакидов. Его место при Харуне было значительно скромнее, ибо халиф сам решал важнейшие государственные дела. Факт выдвижения нового помощника лишний раз свидетельствовал о том, что ни один из халифов аббасидской династии не был в состоянии управлять страной без хорошо подготовленной администрации и чиновников из мавали.

Внешняя политика Аббасидов не была столь активной, как политика Омейядов. В отличие от их предшественников, Аббасиды не предпринимали больших завоеваний. Только как бы по инерции, чтобы не допустить проникновение китайцев в Среднюю Азию, и желая удержать эту богатейшую провинцию в своих руках, они предприняли поход на Восток. В 751 году мусульманская армия сразилась с китайским войском династии Тан и ее тюркскими союзниками у реки Талас.

Китайцы потерпели поражение, и многие китайские пленные были утнаны в Самарканд. Среди них были мастера по изготовлению бумаги, к восьмисотому году это искусство проникло в Багдад, где бумага вскоре заменила дорогостоящий пергамент во всех сферах делопроизводства и культуры.

Во времена Харуна ар-Рашида аббасидское государство считалось одним из могущественнейших в тогдашнем мире. Хотя нет возможности выяснить причины отправки Карлом Великим двукратных посольств ко двору халифа, известно однако, что их результатом было получение римской церковью некоторых привилегий в Иерусалиме. Дружеские отношения двух правителей скреплялись общей неприязнью к омейядской Испании. Эти посольства дали повод Харуну отправить Карлу Великому ряд ценных подарков, среди которых, согласно легенде, фигурировал и слон.

Иначе складывались отношения Харуна ар-Рашида с Византией. Война с Византией в Северной Сирии, Анатолии и Иране при первых Аббасидах носила характер взаимных набегов с захватом добычи и угоном пленных, но не приводила к крупным завоеваниям. Харун ар-Рашид пытался активизировать военные действия. Еще когда он был наследником, отец поручил ему проведение ряда военных операций, в чем ему помогали бармакиды Йахья и Халид. Придя к власти, он сперва довольствовался лишь защитными мерами и восстанавливал разрушение крепости вдоль границ с Анатолией.

По приказу Харуна ар-Рашида пограничные с Византией районы ("авасим") исключались из местного административного ведения и выделялись в особые пограничные области со своими военачальниками. Вдоль средиземноморского побережья была сооружена защитная гряда крепостей. В течение ряда лет военачальники Харуна успешно воевали с Византией, и в 794 году на короткий срок даже достигли берегов

Черного моря. Однако византийцам без особого труда удалось удерживать фланги Анатолии, так как они владели островами Кипр, Родос и Крит, и в результате кампании Харун сумел по договору 798 года добиться лишь незначительных территориальных уступок от императрицы Ирины. Однако император Никифор I (802-811) от договора отказался, Харуну пришлось лично возглавить новый поход против Византии, и он расположился с армией в Ракке.

Незначительные успехи Харуна существенно не изменили военную обстановку, война затянулась, и у халифа не оказалось сил, чтобы нанести Византии решающее поражение. А в 805 году Харун вынужден был вообще прекратить кампанию в Анатолии из-за волнений в Хорасане. Стали сбываться предостережения Бармакидов. В свое время аль-Фадл успешно управлял Хорасаном, но Харун заменил его начальником багдадской гвардии Али ибн Исой ибн Маханом, притеснявшим жителей налогами, часть которых отправлял не в казну, а лично Харуну.

Чтобы успокоить хорасанцев, Харун в 805 г. прибыл в провинцию, но наместника не сместил, в результате чего в 806 году в Хорасане вспыхнули серьезные волнения, которые возглавил внук омейядского правителя Насра ибн ас-Саййара — Рафи^с ибн Лайс. Он сумел собрать вокруг себя иранцев и тюрок из Мавараннахра и в 808 году захватил Самарканд. Харун вынужден был двинуться с войском против повстанцев, но по дороге умер в Тусе в 809 году.

Религиозно-философские течения и мусульманское право в первые века ислама

Хариджиты и мурджииты

Вскоре после смерти пророка Мухаммада перед руководителями мусульманской общины стали возникать различные проблемы богословского характера. Новая религия быстро распространялась, но преемники Пророка не могли претендовать на харизматическую роль учителей, способных давать ответы на порожденные новой исторической обстановкой вопросы, решение которых было необходимо не только с религиозной, но и с чисто практической, часто политической точки зрения.

Как и христианское, исламское вероучение, складывалось постепенно на протяжении длительного времени после возникновения новой религии. Почти через столетие после смерти Пророка, на рубеже VIII-IX веков в исламском мире стали появляться кружки, в которых обсуждались проблемы гре-

ха, предопределения и свободы воли, природы Аллаха и его атрибутов. Подобные дискуссии велись главным образом в Багдаде и Басре, чему способствовало присутствие в этих городах большого числа новых мусульман из местного арамейского и пришлого иранского населения.

Первый, возникший в недрах исламской общины богословский спор был связан с различным пониманием “греховности” и “суверенитета общины”. Инициаторами этого спора были последователи самой ранней в исламе религиозно-политической партии, образовавшейся в Халифате в ходе борьбы за власть между сторонниками четвертого “праведного” халифа Али и его противниками из династии Омейядов. Несогласные с политикой и поведением Али покинули его военный лагерь и “отделились” (“хараджа”). Эти первые раскольники в исламе получили наименование “хариджитов”, то есть “отделившихся” или “отколовшихся”.

В раннем исламе сложилось представление о том, что грехи бывают “тяжкими” и “малыми”. Самым великим грехом считалось неверие. Возник вопрос, можно ли считать мусульманином человека, совершившего “тяжкий грех”. Хариджиты считали, что такой человек перестает быть мусульманином, должен рассматриваться как вероотступник и подлежит наказанию смертью.

Поставленная хариджитами проблема имела одновременно и догматический и политический смысл, ибо мусульманская держава была теократическим государством, а халиф был одновременно и политическим и религиозным главой. Требуя от правителя “уммы” совершения праведных дел и искренности в вере, хариджиты, тем самым, подняли вопрос о соотношении политической деятельности и религиозной совести. Поскольку, по их понятию, ни Омейяды, ни Аббасиды не были безгрешными, они не имели морального права стоять во главе

общины, ибо хариджиты считали халифов из этих династий узурпаторами и тиранами, утверждали, что они совершили тяжкий грех, развязав войну внутри мусульманской общины, что они лицемеры, принявшие ислам из корыстных соображений, а не по велению сердца, и что с ними нужно вести войну как с неверными.

С понятием “греховности” была тесно связана проблема “суверенитета исламской общины”. Хариджиты настаивали на возвращении к ранним формам теократии, то есть к такому устройству общины, при котором власть принадлежала бы искреннейшим и преданнейшим носителям веры, и на праве всех членов общины принимать участие в решении государственных вопросов. Умма — община, принадлежащая всем, кто принял ислам. Хариджиты считали, что халиф должен получать власть только выборным путем, причем, если он проводил политику, не соответствовавшую предписаниям Корана и интересам общины, его, согласно учению хариджитов, можно было низложить и даже убить. Халиф не обязательно должен был происходить из племени курайш, но им мог быть избран кто угодно, даже не араб, но всякий, кто искренен в своей вере и готов с оружием в руках ее защищать.

Еще во второй половине VII века в среде хариджитов произошел раскол. Около 685 года в Басре сложилось более умеренное крыло, получившее название ибадитов, по имени одного из его организаторов и идеологов Абдаллаха ибн Ибада. Ибадиты заняли более лояльную позицию по отношению к правящей династии и старались ужиться с существующей властью. Постепенно ибадиты распространили свое влияние почти во всех областях Халифата.

Более радикальное крыло хариджитов — азракиты, идеологом которых был некий Нафи^с ибн аль-Азрак (умер в 683 г.), действовали в Восточном Иране до конца VIII века и достав-

ляли багдадским властям много хлопот. Азракиты призывали мусульман к радикальному очищению ислама от всех нарушителей исламских законов, как они их понимали. Нарушителей надлежало изгонять из общины как “неверных” и убивать со всеми их женами и детьми. Экстремизм азракитов оттолкнул от них большинство мусульман, и к IX веку эта секта сошла на нет.

Большинство мусульман не восприняло хариджитского максимализма, полагая, что мусульманская вера (иман) требует, чтобы люди жили в соответствии с законами ислама в той мере, в какой это возможно. Признавая связь между исламской верой и совершаемыми во имя ее благими делами, мусульмане, в своем большинстве, не считали, что вера и строгое праведное поведение — понятия вполне идентичные. Поэтому даже закореженные враги Омейядов сочли за лучшее, ради единства общины, примириться с их властью и отвергнуть экстремистские теории хариджитов, предъявлявших правоверным невыполнимые и разрушительные для общины требования.

Однако не только традиционалисты, “люди сунны и общины” (ахл ас-сунна ва-ль-джама‘а) выступили против хариджитов во имя сохранения исламского единства. Они не нашли поддержки и среди исламской аристократии — Алидов. Так, один из внуков Али — Хасан ибн Мухаммад ибн аль-Ханафия создал теорию “ирджа” (“откладывания”), согласно которой решение о греховности того или иного человека “откладывалось” до вынесения приговора самим Аллахом, ибо лишь Ему одному было доступно знание того, что творится в душе человека и в какой мере человек искренен в вере. Теологи-традиционалисты восприняли эту теорию, сторонников которой называли мурджи‘итами, и было признано, что даже человек, совершивший тяжкий грех, остается мусульманином.

Разумеется, правящим династиям теория мурджи́тов представлялась весьма привлекательной. Поскольку все, что свершается, происходит по воле Аллаха, то и люди, пришедшие к власти по Его воле, имеют на нее все права. А уж окончательный суд над праведным или греховным поведением правителей, равно как и простых людей, откладывается до времени, когда сам Аллах вынесет свой приговор. Такой подход, разумеется, не мешал мурджи́там осуждать всякое нарушение исламских нравственных предписаний.

Таким образом, мурджи́ты не отождествляли политику с моралью, что создавало в их теории неразрешимое противоречие. В политике они были детерминистами и не признавали ответственности человека за его действия, поскольку все свершается по воле Аллаха. В области же морали они, напротив, требовали от мусульманина справедливости и достойного поведения, возлагали на человека ответственность за его поступки и лишь “откладывали” окончательный приговор до решения самого Аллаха.

Джабриты и кадариты

Со спором о том, остается ли человек, виновный в тяжком грехе, мусульманином, теснейшим образом был связан вопрос о предопределении и свободе воли, о том, в какой мере действия человека определяются божественной волей, и как совместить божественное предвидение и благодать с наличием в мире зла. В примитивной среде древних аравитян, равно как и на ранней стадии распространения ислама, внутренняя противоречивость учения о предопределении еще не осознавалась. Доисламские язычники помещали своих богов внутри космоса и, тем самым, делали их жертвами внутри-космической несвободы. Их возмутила не сама совершив-

шаяся несправедливость (ведь все было во власти слепого рока), а то, что она оставалась без возмездия. К древним богам странно было бы предъявлять претензии за наличие в мире физического и морального зла, но от них можно было требовать того же, что и от добросовестного земного судьи или старейшины — справедливого распределения наград и наказаний. Так же на первых порах трактовалась и власть Аллаха.

Но когда ислам стал распространяться в странах с древними эллинистическими и иранскими религиозно-философскими представлениями и традициями, учение об абсолютной предопределенности всего происходящего стало приводить в смущение многих вновь обращенных. Вчерашние византийские христиане, восприняв ислам, привнесли в мусульманскую религиозную мысль новую проблематику.

В Коране Аллах предстает как сверхприродная духовная личность, создавшая этот мир и управляющая им. Хотя Пророк призывал людей свободно следовать новой вере, он добавлял к этому призыву обещание посмертной награды подчинившимся и принявшим новую веру и угрозы посмертного наказания тем, кто ее отвергнет. Поэтому одним из первых в монотеистическом исламе возник вопрос о предопределении, о совместимости существования единовластного Бога с присутствием в мире зла.

Спор о “свободе воли”, по-видимому, перешел в исламскую теологию из христианства. Еще виднейший из западных отцов церкви Блаженный Августин (354-430) задавался этим вопросом и утверждал, что воля Божья предваряет всякое творение. Действительность, согласно его учению, полна чудес, непостижимых для человеческого ума событий и явлений, за которыми скрывается воля Творца. В исламе сторонники учения об абсолютном предопределении получили наи-

менование “джабриты” (от слова “джабр” — “принуждение, насилие”). Свои представления об обусловленности всех поступков человека, равно как и всего того, что происходит на белом свете, божественной волей, джабриты основывали на соответствующих текстах Корана.

В Коране неоднократно повторялось, что Бог есть творец людей со всеми их помыслами и действиями. Но в то же время Коран налагал на людей ответственность за их грехи и дурные поступки, угрожая наказанием в загробной жизни. Мухаммад не объяснял, каким образом человек, будучи неволен в своих поступках, должен отвечать за них. Но Мухаммад не был теологом, он был проповедником и политиком. Разъяснить это противоречие должны были теологи и интерпретаторы священного текста.

Учение джабритов о предопределенности человеческих поступков божественной волей имело практическое значение, ибо на его основании утверждалось правомочие любых лиц или групп, добившихся политической власти, начиная с Мухаммада и первых “праведных” халифов и до Омейядов. Доктрина предопределения оказалась важным духовным оружием в период завоевательных войн, так как из него можно было вывести, что, какая бы опасность не угрожала мусульманину, он не погибнет, если это ему не предопределено, и потому вел к фатализму и бесстрашию.

Против сторонников абсолютного детерминизма выступили кадариты (“кадар” — “могущество, власть”, которое понималось, как власть человека над своими поступками, то есть “свобода воли”). Согласно учению кадаритов, Аллах передает свои приказания Пророку посредством откровений, а человек волен прислушиваться к его повелениям или их нарушать, за что его и ожидает соответствующее вознаграждение или наказание.

В отличие от джабритов, кадариты не желали оправдывать всякую власть божественным предназначением и судили имама как знатока и исполнителя предначертаний Корана и сунны. Они осуждали поздних Омейядов, исходя не столько из политических, сколько из моральных соображений. Позиция кадаритов была воспринята человеком, стоявшим у истоков религиозных и интеллектуальных движений в исламе — Хасаном аль-Басри (умер в 728 г.), который безжалостно и открыто разоблачал аморализм, царивший в его время при дворе омейядских халифов.

Омейяды обладали абсолютной властью в государстве, но никогда не претендовали на контроль за исламской идеологией, которая оставалась в ведении либо священнослужителей Мекки и Медины, либо политических противников правящей династии. Придя к власти, Аббасиды начали претендовать не только на абсолютную политическую власть, но и на идеологический контроль над исламским обществом. При Аббасидах проблема “предопределения” несколько усложнилась. Тезис о “свободе воли” все еще вызывал в среде теологов догматические споры, но рамки теологических дискуссий расширились и постепенно стали включать ряд вопросов, позднее получивших освещение в основных положениях му‘тазилитского калама.

Бармакиды проявляли большой интерес к религиозно-философским движениям своего времени. Они покровительствовали диспутам на теологические, философские и политические темы. Подозрительный же от природы Харун был настолько преисполнен чувства превосходства над своими неарабскими министрами, что не придавал этим диспутам особого значения и всецело находился под влиянием исламских традиционалистов, полагая, что поиски религиозных истин полностью находятся в их компетенции. Весьма образованный в религиозных

вопросах, он приближал ко двору теологов-юристов догматического направления, совершал с ними паломничество в Мекку и брал их в походы против христианской Византии. В вопросе о "свободе воли" Харун ар-Рашид занимал ту же позицию, что и Омейяды. Но, в отличие от Омейядов, он не раз вмешивался в полемику. Так, одного из кадаритских теологов, багдадца Бишра аль-Мариси (умер в 833 г.) он заточил в тюрьму. Преследовал он и одного из ранних сторонников му'тазилитского калама Бишра ибн аль-Му'тамира (умер в середине IX в.) и его ученика Сумаму, которого арестовали по обвинению в зиндикизме.

Стремясь сделать свою столицу не только центром могущественного государства, но и средоточием культурной жизни, Харун ар-Рашид всячески поощрял стремление бармакидских министров покровительствовать деятельности переводчиков, знакомивших образованную часть арабо-мусульманского общества с сочинениями индийских, иранских, а позднее и греческих авторов. По-видимому, по мере культурного развития городов, возрастала потребность мусульманской интеллигенции в ознакомлении с культурой соседних народов. При этом следует также учесть, что подавляющая часть образованных горожан составляли мавали, для которых эта культура не была чуждой.

Парадокс заключался в том, что, придерживаясь близкой традиционалистам точки зрения на складывавшиеся принципы исламской догматики, Харун ар-Рашид, видимо, не отдавал себе отчета в существовании связи между интенсивной переводческой деятельностью и проникновением в ислам иноземных представлений культурного и религиозного характера, т.е. негативными, по его понятиям, последствиями поощрявшейся им интеллектуальной космополитической терпимости и открытости.

А между тем, привнесение в ислам некоторых традиционных элементов древней иранской культуры придало новые силы иранскому национализму и породило споры между арабами и иранцами о культурном приоритете. Проникновение же в ислам эллинистических философских традиций способствовало возникновению рационалистической исламской теологии, которую Харун ар-Рашид оценивал как проалидскую и поэтому политически опасную для его династии. Таким образом, Харун ар-Рашид оказался вовлеченным в борьбу исламского традиционализма и культурно-религиозного модернизма, начавшуюся еще до его вступления на трон, но в его время ставшую явной и напряженной.

Возникновение мусульманского права

Ранние Аббасиды не ограничивались вторжением в сферу исламского богословия, они попытались также установить контроль и над исламским законоданием. Основной мусульманский закон, мусульманское право, шариат, начал складываться незадолго до прихода Аббасидов к власти. Шариат включал всю совокупность юридических норм, принципов и правил поведения мусульманина в быту и в религиозной жизни, соблюдение которых соответствовало божественной воле, высказанной в Коране и в сунне. Шариат должен был регулировать все внешние формы отношения мусульман к Аллаху и друг к другу и определять наказания за их нарушения.

Во время борьбы за власть Аббасиды заигрывали с экстремистами из шиитского лагеря, но укрепившись, они решительно отвергли шиитскую идеологию и прочно стали на путь союза с консервативными улемами-традиционалистами, в отличие от их предшественников Омейядов, которые не контролировали деятельность этих улемов и не стремились привлечь

их на свою сторону. Теперь халиф должен был управлять уммой не только в силу своих личных привилегий, но как воспреемник пророка Аллаха. В качестве образца поведения Аббасиды избрали стиль сасанидских предшественников, быстро трансформировав модель племенного “шейха” в сасанидского “шаха”.

Разработкой принципов интерпретации и конкретного использования Корана и сунны для решения практических вопросов (фикхом) занимались мусульманские юристы — факихи. Поскольку исламское государство было теократическим, факихи были одновременно и законоведами и теологами, исходящими в своих определениях из священных текстов.

В первые десятилетия существования исламского государства, его правовые нормы были всецело основаны на предписаниях Корана и сунны. Однако по мере развития мусульманского общества и образования огромной империи, теологи оказались вынужденными при решении новых, возникавших в ходе социально-экономического развития вопросов, никак не отраженных в священных текстах, в ряде случаев отходить от буквального понимания Корана и, руководствуясь личным мнением, действовать по аналогии с подобным или сходным казусом, зафиксированном в священной книге. Такой метод решения вопроса по аналогии и сама аналогия получили наименование “кийас” (от “каса” — “мерить, сравнивать”), и стал, наравне с Кораном и сунной, еще одним источником мусульманского права. Однако со временем мусульманские правоведы сочли, что и “кийас” в сложных случаях следует применять лишь тогда, когда по данному конкретному юридическому казусу имеется согласованное мнение авторитетных факихов. Такое согласованное решение получило название “иджма” (от “аджмаа” — “соглашаться”). “Иджма” стала четвертым источником мусульманского права.

Одной из главных спорных проблем при теоретической разработке мусульманского права был вопрос о степени использования его источников. Использование Корана и сунны, естественно, ни у кого не вызывало сомнения, но по вопросу о правомерности использования “кийаса” (решения по аналогии) и “иджма” (совокупного решения авторитетных правоведов) в VIII-IX веках в среде факихов возникли серьезные споры, в результате которых сложилось несколько юридических школ или мазхабов, из коих четыре были признаны суннитскими авторитетами правоверными и законными.

Одним из самых ранних мазхабов был ханифитский, основателем которого был житель Куфы, внук иранского военнопленного Абу Ханифа (умер в 767 г.). Абу Ханифа и его ученики Абу Йусуф Йа’куб (умер в 795 г.) и Мухаммад аш-Шайбани (умер в 805 г.) допускали при решении юридических вопросов свободное индивидуальное суждение, широко применяли “кийас” и были весьма терпимы к инакомыслию. В результате ханифитский толк в исламе приобрел славу более либерального.

Другого мазхаба придерживались маликиты, последователи религиозно-правовой школы мединского имама Малика ибн Анаса (умер в 795 г.), известного в качестве автора одного из самых авторитетных сборников хадисов “аль-Муватта”. Маликиты отличались более строгой приверженностью хадисам и неприятием умозрительных толкований предписаний Корана. Суждения по аналогии, “кийас” они допускали в строго ограниченных пределах. Факихи Мекки и Медины маликитского толка поддерживали Алидов, и именно Малик ибн Анас был тем человеком, который в 762 году освободил Алидов от присяги аль-Мансуру и, тем самым, разрешил им выступить против Аббасидов.

Основателем третьего, шафиитского мазхаба был ученик Малика ибн Анаса, судья в Йемене аш-Шафи’и (767-820).

За оказанную Алидам поддержку он в 803 году был арестован и отправлен в Ракку к Харуну ар-Рашиду, но позднее помилован и сослан в Египет. С собственным юридическим учением он выступил в Багдаде в 810 году уже после смерти Харуна ар-Рашида. Шафи'итская система права была неким компромиссом между ханифитским и маликитскими толками, хотя, подобно маликитам, шафи'иты несколько ограничивали применение "кийаса". Шафи'итский толк был широко распространен в образованной части общества. Среди его сторонников были такие известные теологи, как аль-Аш'ари (умер в 935 г.), автор сочинения по государственному праву аль-Маварди (умер в 1058 г.) и выдающийся теолог и суфий аль-Газали (умер в 1111 г.).

Наиболее консервативным мазхабом был ханбалитский толк последователей имама Ахмада ибн Ханбала (умер в 855 г.). Правовая система ханбалитов отличалась стремлением строжайше следовать законам шариата, его обрядовым и правовым нормам, и нетерпимостью к любым "новшествам". Ханбалиты отвергали всякую возможность свободного истолкования священного текста, допускали "кийас" в исключительных случаях, а под "иджма" понимали лишь согласованное единодушное решение сподвижников Пророка и не признавали мнения более поздних авторитетов. Общая традиционалистическая установка объединяла все четыре мазхаба, однако между сторонниками разных правовых систем постоянно возникали схоластические споры.

Тесная связь между религией и правом и юридическое всевластие сословия богословов-законоведов делали влияние религии на общественную и частную жизнь более значительным, чем в странах христианской Европы, где гражданское, уголовное и государственное право не зависели от церкви и где законы издавались светской властью. Поскольку право

строилось на религиозных принципах, считавшихся вечными и неизменными, оно со временем все менее соответствовало реальной жизни и превращалось в застывшую систему. Факихи всячески препятствовали внесению в юридическую практику изменений и стремились к тому, чтобы законодательство как можно точнее отражало идеал теократии, создавая, тем самым, существенный тормоз для социального и культурного развития общества.

Аббасиды довольно рано поняли, что можно использовать авторитет шариата в интересах династии. Поэтому Харун ар-Рашид поддерживал самые дружественные отношения с основателем шафиитского толка аш-Шафи'и и, если верить фольклорной традиции, Абу Йусуф также был близок с халифом и неоднократно приходил к нему на помощь в ситуациях щекотливого характера, для разрушения которых требовалась правовая казуистика. Аббасиды контролировали не только вопросы исламского законоведения, но и деятельность мусульманских судей (кади), отправлявших правосудие на основании шариата.

В первые века ислама проблемы государственной власти по существу еще не было. Возникший стихийно как государство теократическое, халифат с первых же шагов был основан на принципе единства духовной и светской власти, олицетворяемой в халифе, религиозном и светском (имаме и эмире) вожде мусульманской общины. Согласно учению теологов-факихов, исламское государство основывалось на неизменных, данных в священном законе принципах. В Коране, разумеется, не могла упоминаться должность халифа, но она неизбежно должна была возникнуть в период формирования исламской государственности, поскольку завоевательные войны требовали централизованного управления и единого командования.

Однако теория государственной власти в исламе начала разрабатываться не тогда, когда проблема эта была, казалось бы особенно актуальна, а значительно позднее, в конце X и в начале XI веков, когда власть халифа пришла в упадок и провозглашаемые теоретические принципы оказались недостижимым идеалом, не имевшим почти ничего общего с реальной жизнью. В этой теории отразилась ностальгия по былому могуществу централизованного исламского государства.

Самым авторитетным трудом по исламской теории государственного права считается сочинение Абу-ль-Хасана аль-Маварди (974-1055) "аль-Ахкам ас-султанийа" ("Законы правления"), написанное в Багдаде во времена господства династии Бувайхидов (945-1055). Возможно жалкое положение, в котором оказалась власть халифа, лишенного реальных прав и ставшего игрушкой в руках шиитских завоевателей из Дайлама, побудило этого автора выступить с обоснованием прав главы государства на фактическую власть в исламской империи. Аль-Маварди вынужден был проявлять известную осторожность, отражая в своем труде недовольство халифа аль-Ка'има (1031-1075) реальной властью бувайхидского правителя в Ираке Джалал ад-Даула (1025-1044), присвоившего себе в 1037 году старый сасанидский титул "шаханшаха". (О Бувайхидах см. ниже).

В сочинении аль-Маварди, самом раннем из дошедших до нас трактатов по государственному праву, рассматривается вопрос о роли халифа, как главы государства. Конечно, и до аль-Маварди было много трактатов, посвященных "имамату", но историческая ситуация, в которой это сочинение было написано, придает изложенной в ней теории халифской власти особый смысл. В трактате говорится о характере, качествах и функции халифа, критикуются теоретические рассуждения му'тазилитов и претензии шиитов на то, чтобы имамат пере-

ходил от одного имама из Алидов к другому и обосновывается традиционный суннитский принцип избрания халифа.

Аль-Маварди решительно выступал против всякой попытки свести роль халифа к выполнению исключительно религиозных функций, как это было во времена правления Бувайхидов. Он утверждал, что, исполняя функции имама, халиф, вместе с тем, несет ответственность за общественный и политический порядок. Он может по собственной воле делегировать кому-либо свою власть, но ее нельзя у него узурпировать. Если же власть будет отнята у него силой, что случилось в Багдаде, и узурпатор не будет управлять страной в духе шариата, халиф может призвать другие силы себе на помощь.

Аль-Маварди признавал законными два способа избрания халифа: общиной или предшествующим правящим халифом еще при жизни. В первом случае избирать имели право только мусульмане с безупречной репутацией, умные и образованные, иными словами “муджтахиды” — авторитетные факихи и высокопоставленные лица. Второй способ — замещения поста халифа по назначению его предшественника — должен был быть признан и утвержден согласным мнением (“иджма^c”) суннитских муджтахидов, людей, достигших высших ступеней знания в юридическо-богословских науках, имеющих право самостоятельно выносить решения по вопросам исламского права. Прецедентом для подобного решения служило назначение первым халифом Абу Бакром своим преемником второго “праведного” халифа Умара.

Глава 4

Аббасидский халифат в первой половине IX века

Му^стазилиты

Со смертью Харуна ар-Рашида бывшее единство аббасидского государства оказалось нарушенным. Роковую роль сыграло решение Харуна ар-Рашида о преемнике. У халифа было два сына: Мухаммад — от жены из знатного арабского хашимидского рода по имени Зубайда и Абдаллах — от персидской наложницы. В 782 году Харун назначил младшего сына Мухаммада под именем аль-Амин своим первым наследником, а в 799 году старшего сына Абдаллаха под именем аль-Ма^мун следующим после аль-Амина наследником. В 802 году Харун дополнил свое решение, назначив аль-Ма^муна, второго наследника престола, несменяемым правителем Хорасана.

Следует отметить, что расправа над Бармакидами вызвала большое недовольство в иранских провинциях империи. От открытого мятежа восточных провинций империю спасло лишь

то обстоятельство, что примерно за год до свержения Бармакидов, халиф назначил в Хорасан правителя наполовину персидского происхождения, что, по понятиям хорасанцев, означало предоставление им некоторой автономии. Аль-Ма³мун был наделен почти неограниченными полномочиями. В 802 году торжественным актом, во время паломничества в Мекку, у стен Каабы оба брата поклялись уважать решение отца, и контракт о наследовании был широко обнародован в Мекке. Таким образом, мусульманская империя оказалась разделенной на две части на время, пока у власти находился аль-Амин.

Решение о преемниках Харун ар-Рашид сформулировал не слишком удачно, и после его смерти между сыновьями началась борьба за власть. Под влиянием вазира аль-Фадла ибн ар-Раби^с и аль-Амин в 809 году, вступив на трон, объявил наследником собственного сына, а получив послание аль-Ма³муна, возмущавшего против этого решения, вовсе лишил его права на наследование власти в Халифате.

Аль-Амин прекрасно понимал, что аль-Ма³мун не примирится с его решением, и двинулся против брата с армией, в которой важную роль играли образованные еще Харуном ар-Рашидом отряды тюркских наемников, на чью преданность халиф мог вполне положиться. Несмотря на чистоту арабской крови, аль-Амин снискал себе славу дурного правителя и не вызывал особой симпатии ни у арабов, ни у персов. Это был слабый и легкомысленный человек, пренебрегавший государственными делами, проводивший время в развлечениях и предоставивший дурным советникам вершить все государственные дела. Он восхищался поэзией Абу Нуваса, прославлявшего в стихах винные радости и любовные похождения, в том числе и с мальчиками, и сделал его своим другом.

Положение аль-Ма³муна было более выигрышным. В своих действиях он следовал законным решениям Харуна, которые

были подтверждены взаимными клятвами. Его активно поддерживали и армия, и жители Хорасана, поскольку им импонировали его происхождение и четкие проиранские установки. Аль-Ма²мун получил хорошее образование под руководством перса аль-Фадла ибн Сахла, назначенного ему в наставники отцом еще в 803 году, вскоре после падения Бармакидов. Для этого аль-Фадлу пришлось публично отказаться от зороастризма и перейти в ислам. Аль-Фадл ибн Сахл и его брат аль-Хасан играли при аль-Ма²муне ту же роль, какую в свое время при Харуне ар-Рашиде играл Джа²фар.

Получив пост правителя Хорасана, аль-Ма²мун мог бы оставаться в Багдаде, поручив наблюдение за провинцией своей администрации, но по совету аль-Фадла он отправился в Хорасан, где создал для себя прочную базу. Он сопровождал отца во время поездки Харуна на Восток в 803 году и сумел сразу же после его смерти взять в свои руки все управление провинцией.

После смерти Харуна ар-Рашида в 809 году один из его военачальников в Мавараннахре Рафи² ибн Лайс отказался подчиняться багдадской власти и овладел Самаркандом. Халиф выслал против него войско во главе с эмиром Харсамой, который осадил Самарканд и, взяв город в 811 году, казнил мятежника. После усмирения восстания, вазир аль-Амина аль-Фадл ибн ар-Раби² приказал войску Харсамы возвратиться в Багдад, что, по мнению аль-Ма²муна, считавшего, что оно должно остаться под его командованием, противоречило распоряжению покойного Харуна о его суверенитете в Хорасане. По совету аль-Фадла ибн Сахла он отказался отправить войско в Багдад. Так началась война между двумя братьями.

Аль-Амин отправил войско против непокорного брата, но небольшая армия аль-Ма²муна под командованием Харсамы и

хорасанца Тахира в 811 году нанесла поражение иракской армии и двинулась на запад. Война продолжалась два года. Армия аль-Ма'муна заняла весь Западный Иран и подошла к Багдаду. Осада города продолжалась около года. Сторонники аль-Амина при поддержке горожан, боявшихся хорасанской армии и рассматривавших ее приход почти как иноземное вторжение, яростно сопротивлялись. В 813 году город пал, аль-Амин был убит солдатами Тахира, а аль-Ма'мун был провозглашен халифом (813-833).

Постепенно и западные провинции Халифата объявили о своей лояльности новому халифу. Аль-Ма'мун поручил правление Ираком Тахиру, а сам решил поселиться в Мерве, который собирался сделать столицей государства. Позднее он доверил управление Ираком брату аль-Фадла — аль-Хасану ибн Сахлу, в прошлом зороастрийцу и взял в жены одну из его дочерей.

Гражданская война между аль-Амином и аль-Ма'муном, в ходе которой хорасанские солдаты вторглись в Ирак, рассматривалась средневековыми историками как конфликт иранцев, возглавляемых аль-Ма'муном, и арабов, возглавляемых сыном хашимитской матери аль-Амином. В этом утверждении несомненно была доля истины. Аль-Ма'мун, окруженный принявшими ислам персами, был вынужден, вне зависимости от его личных симпатий, занять по отношению к входившим в его владения восточным областям империи разумную позицию покровителя. Следуя заветам Бармакидов, он всячески старался примирить верхушку иранского общества с властью Аббасидов и многого в этом отношении достиг. Разумеется, в окружении аль-Ма'муна также было много арабов, что мешало ему апеллировать к персидским национальным чувствам большинства его сторонников. Да он и не собирался это делать. Одной из глубинных и важнейших причин дина-

стейного конфликта был религиозно-догматический спор, в контексте которого аль-Ма³мун — продолжатель линии Бармакидов — вызывал неприязнь влиятельных теологов-традиционалистов.

Захватив сильно разрушенный Багдад, аль-Ма³мун стал полновластным главой империи, но эта победа не принесла ему мира. Сподвижники аль-Амина были еще сильны в Сирии, а в Азербайджане продолжались волнения на религиозной почве. Еще при Харуне ар-Рашиде движение хуррамитов дважды выливалось в 796 и 808 годах в открытое восстание, а в 816 году, уже при аль-Ма³муне, оно привело к большому и многолетнему восстанию под руководством Бабака (Папака), который заявил себя воплощением раннего хуррамитского имама и собрал вокруг себя в Северном Азербайджане большое число сторонников. Разумеется, вера в имама, происходящего из дома Абу Муслима, носила чисто шиитский характер.

Но каковы бы ни были верования хуррамитов и какого бы ни было происхождение этих верований, они категорически отвергали власть халифа и признавали только своих имамов или харизматических пророков. Поэтому аль-Ма³мун вынужден был предпринять против них меры, не столько защищая исламскую ортодоксию, сколько оберегая аббасидскую власть, для которой они представляли существенную угрозу. Ситуация осложнялась тем, что византийцы из Анатолии всячески поощряли одного из главных хуррамитских предводителей, Бабека, к активным действиям против власти Багдада, а местные мусульманские правители, равно как и военачальники аль-Ма³муна, не имели достаточно сил, чтобы им противостоять.

Между тем движением хуррамитов попытались воспользоваться наиболее радикально настроенные алидские главари из

числа хасанидов. В принципе они, разумеется, не могли сочувствовать сторонникам этого движения, но по тактическим соображениям решили согласиться на союз с ними. Восстание должен был возглавить авантюрист-шиит, в прошлом сражавшийся в армии аль-Амина, некий Абу-с-Сарайа. В 814 году он встретился с лидером хасанидов Ибн Табатаба, и они договорились о совместных действиях против правительственных войск в районе Куфы.

На первых порах восставшие имели успех, и Абу-с-Сарайа сумел отбить наступление халифской армии и удержать Куфу. Восстание начало распространяться по всему Южному Ираку. Однако в 815 году вазиру удалось собрать достаточно сил, Абу-с-Сарайа был разбит, бежал, но позднее был схвачен и убит.

Шиитское восстание Абу-с-Сарайи произвело на аль-Ма³муна большое впечатление, и он решил коренным образом изменить свою политику. Он пригласил в Мерв из Медины восьмого алидского имама Али ар-Рида и дал всем понять, что хочет отказаться от исключительного права аббасидов на власть в Халифате и намерен назначить после себя халифом одного из алидов. Однако аль-Ма³мун не упомянул, кого бы он конкретно хотел видеть на халифском престоле после себя. Из его заявления вытекало, что Аббасиды не отстранялись заранее от власти, но аль-Ма³мун, по-видимому, пытался установить новый порядок, по которому потомки Али или аль-Аббаса могли быть избраны в качестве глав государства, исходя из их личных качеств. Сама по себе идея назначения имама в соответствии с его личными заслугами была выдвинута и разработана шиитскими теоретиками из секты зайдитов (о зайдитах будет сказано ниже) и, возможно, аль-Ма³мун решил следовать этой доктрине.

По примеру шиитских претендентов на власть в государстве, аль-Ма³мун провозгласил, что намерен не только во всем сле-

довать предписаниям Корана и сунны, но объявил себя также имамом. Этот титул официально не употреблялся аббасидскими правителями с момента прихода их к власти, и аль-Ма^омун, следуя примеру шиитских проповедников, скреплял этим актом свою власть религиозным авторитетом. Вообще аль-Ма^омун явно сочувствовал шиитам, и это сочувствие, а не только политические соображения, подвигли его на политический шаг, невозможный для его более осторожного отца. Свою религиозную политику с явным прошиитским акцентом он поручил проводить вазиру аль-Фадлу ибн Сахлу.

Аль-Ма^омун продолжал управлять государством из провинциального Мерва, где у него была мощная поддержка — хорасанская армия. Приглашенный им в Мерв хусайнид Али ар-Рида, сын убитого Мусы аль-Казима, получивший по наследству от отца звание шиитского имама, был в это время в Медине всецело сосредоточен на изучении религиозных наук и не проявлял большого интереса к политике. Узнав, что аль-Ма^омун имеет намерение сделать его своим преемником, он, хотя сначала и неохотно, принес клятву верности, предложенную ему халифом. Аль-Ма^омун проявил осторожность только в одном отношении. Отдавая дань господствующим в обществе традиционалистским чувствам, он провозгласил, что Али ар-Рида должен был сменить его на посту халифа не потому, что был шиитским имамом, а как человек, наиболее достойный исполнять столь ответственную миссию и лучше других к ней подготовленный. Следуя традиции брачных связей, аль-Ма^омун выдал свою дочь за Али ар-Рида и обещал выдать другую дочь за сына Али ар-Рида, в то время еще ребенка.

Политика аль-Ма^омуна в отношении Алидов была попыткой примирения. Однако халиф недостаточно просчитал ее возможные последствия. Выступления Алидов против Аббаси-

дов не были вызваны тем, что правящая династия предпочитала опираться на жителей восточных провинций, их особые взгляды на природу власти в Халифате. Предшественники аль-Ма³муна, управляя страной из Багдада, также опасались раскола в империи и старались как в политической так и в культурной сфере привлекать из восточных провинций людей, поддерживавших на первых порах их династию. Такое поощрение иранского самосознания вовсе не означало примирение с бывшими союзниками Алидами и сопровождалось репрессиями против алидских лидеров, даже тех, которые казались им политически безвредными.

Иракцы же, в первую очередь жители Багдада, по своему понимали политику аль-Ма³муна. Они были сторонниками законности аббасидской династии, и в попытках реформ халифа усматривали лишь происки вазира аль-Фадла ибн Сахла, желавшего, по их мнению, установить господство иранцев в государстве. Поэтому, воспользовавшись отсутствием аль-Ма³муна, постоянно проживавшего в Мерве, они в 817 году неожиданно подняли восстание и провозгласили халифом сына халифа аль-Махди, замечательного певца и музыканта Ибрахима ибн аль-Махди (817-818). Ополчение из жителей Багдада ходило по городу и требовало возврата к законам Корана и сунны.

О происходящих в Багдаде событиях аль-Ма³мун узнал не сразу, но поняв, что установление нового порядка престолонаследия, допускавшего приход к власти одного из алидов, вызывает в Ираке и среди традиционалистов столь бурное возмущение, чреватое для него потерей халифата, он, как это часто бывало в истории, решил круто порвать с опасной для него политикой и предать своих сподвижников.

Провозглашение жителями столицы халифом Ибрахима ибн аль-Махди вызвало незамедлительную реакцию со стороны сторонников аль-Ма³муна. Лояльные аль-Ма³муну силы вы-

ступили против антихалифа, к ним через некоторое время присоединился и сам аль-Ма³мун с армией. По-видимому, первоначально он замышлял свой поход лишь как карательную экспедицию, однако, по мере развития событий, изменил свою позицию и принял решение отказаться от столь непопулярной в народе шиитской политики.

В 818 году гвардейцы из свиты аль-Ма³муна неожиданно убили аль-Фадла ибн Сахла и перед казнью под пыткой заявили, что действовали по приказу самого халифа. Разумеется, их признание было оставлено без внимания. Одновременно при таинственных обстоятельствах умер Али ар-Рида, и ходили слухи, что он был отравлен. Осада Багдада, во время которой жители испытывали трудности из-за недостатка продовольствия, длилась несколько месяцев. Наконец, в 819 году аль-Ма³мун вступил в Багдад, а Ибн аль-Махди бежал. Впрочем, позднее он был прощен, а вопрос об алидском наследнике был снят с повестки дня. Возвращение аль-Ма³муна в Багдад положило конец тому, что часто принято считать его "шиитской политикой". Зеленые знамена, символизировавшие примирение с Алидами, были заменены в Мерве традиционными аббасидскими черными.

Однако аль-Ма³мун, отмежевавшись от Али ар-Рида, не обрел для себя мира. Аббасидская верхушка в Багдаде не симпатизировала ему из-за его явной приверженности к шиизму, а в Северной Сирии близ византийской границы у покойного аль-Амина все еще было много сторонников. Аль-Ма³мун решил действовать более энергично. В 821 году он назначил правителем большой области, куда входили Сирия и Египет, сына своего военачальника Тахира, молодого Абдаллаха, который после тяжелой кампании взял наконец под контроль сирийских противников халифа.

Из Алеппо Абдаллах двинулся в Египет, где бежавшие из Андалусии участники мятежа в ар-Рабате (предместье Кор-

довы), противники кордовского эмира Хишама I, пытались найти для себя новое убежище и создавали беспорядки. В 825 году Абдаллах сумел изгнать кордовцев из Египта и направил их на завоевание находившегося под властью Византии острова Крита, что они и осуществили в 826 году.

Во время правления аль-Ма³муна становилось все более ясно, что всякая попытка сохранить целостность империи обречена на неудачу. Гражданская война между аль-Амином и аль-Ма³муном имела для государства трагические последствия. Испания была утеряна еще при первых Аббасидах, а теперь пришлось иметь дело с Ифрикией (Тунисом), на территории которой не прекращались берберские волнения.

Еще в 799 году Харун ар-Рашид, столкнувшись с беспорядками, вспыхнувшими в расположенном в этой провинции войске, вынужден был отдать Ифрикию под контроль единственному человеку, который был в состоянии держать ее в повиновении. Это был военачальник хорасанского ополчения в прошлом Ибрахим ибн Аглаб, который сумел усмирить повстанцев, но, в качестве компенсации, потребовал и получил от Харуна ар-Рашида наследственное право на управление провинцией, при условии уплаты в казну налога. Так в Тунисе возникла династия Аглабитов, правившая страной на протяжении ста лет (800-909).

Аналогичная ситуация, сложилась при аль-Ма³муне и в Хорасане. Когда аль-Ма³мун принял решение покинуть Мерв и переселиться в Багдад, он доверил управление провинцией своему лучшему военачальнику, иранцу Тахиру. Тот правил всего лишь один год (821-822), но перед смертью объявил провинцию независимой и приказал упускать упоминание имени халифа в пятничной молитве (акт, равносильный неповиновению). Аль-Ма³муну ничего не оставалось делать, как передать управление провинцией сыну Тахира — Тальхе (822-

828), и с той поры в Хорасане установилась власть династии Тахиридов (821-873) со столицей в Нишапуре, хотя Тахириды и посылали в Багдад ежегодную подать.

Му^тазилитский калам

В предшествовавшие воцарению аль-Ма^амуна годы исламская догматика еще не была окончательно концептуализирована. Кроме двух основных направлений в исламе: суннизма и шиизма, было довольно широко распространено сектанство, причем каждая из сект настаивая на своих, в некоторых случаях достаточно жестких, принципах и готова была предать другие секты анафеме. Как в христианстве, основные положения исламской догматики в значительной степени сложились под влиянием античной и ближневосточной философской мысли. Совокупность различных дискурсивных (то есть рассудочных, в противоположность интуитивным) доктрин и школ в исламе получили наименование “калам”, а его первых теоретиков, богословов-рационалистов называли му^тазилитами.

Согласно исламской традиции, му^тазилитский калам ведет свое происхождение из кружка проповедника эпохи Омейядов Хасана аль-Басри (642-728). Два его ученика, Васил ибн ‘Ата’ (699-748) и Амир ибн Убайд (умер в 761 г.) “отделились” (“и^тазала”) от своего учителя и основали новую школу. Приверженцы этой школы и получили наименование “му^тазилитов” (“аль-Му^тазила”).

Поскольку “калам” означал обращение к рассудочным аргументам при решении догматических вопросов, первые творцы складывавшейся доктрины получили наименование “мутакаллимов”, то есть участников споров при обсуждении теоретических проблем ислама. Постепенно логические аргументы

участников дискуссий стали затрагивать основное содержание веры, которая стала приобретать характер законченной системы рационалистической апологетики.

Еще убитый в 818 году аль-Фадл ибн Сахл надеялся добиться такого положения в империи, когда ее единство будет сохранено, и традиционалисты, благодаря компромиссу, будут жить в мире с умеренными реформаторами. Но хотя этот план после 819 года оказался невыполнимым и антагонисты не примирились, аль-Ма'мун все же не отказался от его осуществления. Правда, он вынужден был прекратить свою открытую проалидскую политику, но при этом попытался, сохраняя верность шиитской и му'тазилитской идеологии, по возможности примирить враждующие религиозно-политические группы. Следуя заветам аль-Фадла ибн Сахла, аль-Ма'мун стремился балансировать между суннитами и шиитами, отвергая в обоих направлениях экстремизм. Чтобы дать общине, как ему казалось, приемлемую для всех религиозную доктрину, он стал вводить му'тазилитский калам, стараясь этим добиваться благорасположения всех религиозных групп и направлений. Принятие му'тазилитского калама рассматривалось аль-Ма'муном как средство консолидации религиозной жизни, укрепления единства империи и, что было для него несомненно особенно важным, повышения роли халифа в качестве арбитра при решении религиозных вопросов.

Сложившаяся еще в период правления Харуна ар-Рашида му'тазилитская доктрина базировалась на пяти принципах или корнях (усул), совокупность которых представлялась ее сторонникам теологической основой, дающей возможность защитить ислам от проникновения иноземных рационалистических доктрин. Вместе с тем, из этого учения вытекало новое решение политических проблем, поскольку оно подчеркивало

особое значение главы общины и предусматривало необходимые для исполнения этой миссии качества.

Му'тазилиты отвергали мистицизм, учение о возможности познания Божества интуитивным путем. Они создали схоластическое богословие в виде законченной системы догматов, которой пытались дать философское и логическое обоснование, отсутствовавшее в первоначальном исламе. При этом они многое позаимствовали у своих предшественников — кадаритов.

Основоположник му'тазилитизма Васил ибн 'Ата' не был теологом в точном смысле этого слова, он лишь стремился правильно понять Коран и сделать из него верные выводы. Как и его учитель Хасан аль-Басри, он расходился с хариджитами во взглядах на грех и считал, что человек, совершивший его, не перестает быть мусульманином, но и не остается мусульманином (как полагал и Хасан аль-Басри), а пребывает в "промежуточном состоянии" до окончательного решения его судьбы самим Аллахом. В этом вопросе он следовал представлениям "мурджи'итов". Оставаясь шиитом, он занимал умеренную позицию и хотя считал, что Али имел больше прав на занятие поста халифа, чем Усман (как думали все шииты), но, тем не менее, полагал, что первые два халифа Абу Бакр и Умар были избраны халифами на законных основаниях.

Васил ибн 'Ата', равно как и его современник Амр ибн Убайд, был из числа вновь обращенных. Оба они находились под влиянием распространенной в это время зайдитской теории, и способствовали распространению проалидских симпатий в кругу образованных и благочестивых людей того времени.

Среди сторонников их учения наибольшую известность получили басрийцы Абу-ль-Хузайль аль-Алаф (умер в 840 г.), ан-Наззам (умер в 855 г.), ученик ан-Наззама знаменитый литератор аль-Джахиз (775-868) и багдадцы Бишр ибн аль-Му'тамир (умер в 825 г.), Ибн Аби Ду'ад (775-854) и один из

приближенных халифа аль-Ма³муна — Сумама ан-Нумайри (умер в 828 г.). Во взглядах участников кружков му⁶тазилитов были различия, но в основных положениях учения они были едины.

Харун ар-Рашид не имел определенного мнения о теологических теориях нового движения в исламе. Однако он не мог мириться со снисходительным отношением багдадских му⁶тазилитов к его противникам Алидам. Вероятно, этим можно объяснить, почему по его приказу многие из ранних му⁶тазилитских теоретиков преследовались и даже некоторые были брошены в тюрьму. Положение коренным образом изменилось при просвещенном халифе аль-Ма³муне и его преемниках. При них му⁶тазилитская доктрина была официально признана и стала господствующей в исламе.

В 827 году аль-Ма³мун впервые в истории Халифата попытался использовать халифскую власть, чтобы сформулировать некоторые принципы исламской догматики. Он обнародовал му⁶тазилитские тезисы о "сотворенности Корана", о преимущественном праве Али над другими претендентами на халифский престол и ввел некоторые изменения в признанный в шиитской практике исламский ритуал. Осуществление своих планов и проведение в жизнь му⁶тазилитской доктрины аль-Ма³мун поручил своему другу, му⁶тазилиту Ахмаду Ибн Аби Ду³аду, назначенному им великим кади.

В основе рационалистической теории му⁶тазилитов лежал принцип божественной справедливости. Назначение разума они видели прежде всего в его нравственной функции различения добра и зла, справедливого и ложного.

Добро му⁶тазилиты считали объективно существующей ценностью; различение добра и зла, как они полагали, доступно разуму в такой же степени, как доступно зрячему человеку различение цветов. Поскольку добро и зло — объективные кате-

гории, они независимы от воли Аллаха. Доктрина об объективном характере добра приводила к признанию, что в различении добра и зла человек и Аллах находятся в равном положении и что, поскольку Аллах по своей природе добр, он не может творить зло. Таким образом, на божественную свободу воли накладывались некоторые ограничения.

Поскольку Аллах может творить только добро, а в мире существует много зла, му'тазилиты отрицали предопределенность как человеческих поступков, так и вообще всех явлений в природе и жизни человека. Отсюда они выводили закон о "свободе воли" человека в совершении как добрых так и злых деяний, за которые Аллах его либо вознаградит, либо накажет. Это снимало с Аллаха ответственность за зло на земле. Человек оказывался ответственным за свои поступки, ибо их он "творит" сам. Это дало повод традиционалистам обвинять му'тазилитов в "многобожии", ибо они приписывали человеку способность "творить", которая, по Корану, принадлежала только Аллаху.

Наряду с принципом "справедливости" Аллаха выдвигался также принцип его "единства" (таухид). Принцип "единства Аллаха" лежал в основе монотеистического ислама, но понимался му'тазититами с большей последовательностью, чем суннитскими традиционалистами. Му'тазилиты видели это единство не только в отношении Аллаха с миром, но и в самой сущности Аллаха. Они считали, что факт существования Аллаха устанавливается не в результате мгновенного озарения, но постепенным изучением мира, который был создан в определенное время, а стало быть, предполагает наличие единого извечно существующего Создателя.

Это единство было бы нарушено, если бы рядом с божественной экзистенцией существовали бы извечно, как это утверждалось в догматическом богословии, и божественные атрибуты (бо-

жественное знание, воля, могущество, вездесущность и т.д.). Пользуясь методом схоластики, му'тазилиты доказывали, что все эти атрибуты идентичны божественной сущности, ибо, если признать извечными и существование предмета, и его качества, то это ведет к признанию существования нескольких сущностей одновременно и извечно, то есть к нарушению принципа единства Аллаха. Таким образом, му'тазилиты, в свою очередь, обвиняли традиционалистов в "многобожии".

С принципом "единства Аллаха" связан и другой тезис му'тазилитов — о "сотворенности Корана". Му'тазилиты объявляли догмат об "извечности Корана" языческим, ибо утверждение традиционалистов, будто слово Аллаха существовало извечно и независимо от него, вело к признанию существования другого вечного божества кроме Аллаха. Объявив Коран сотворенным во времени, му'тазилиты вообще ставили под сомнение значение божественного откровения, переданного устами Пророка. Они отвергали утверждение традиционалистов, будто Коран является чудом, доказательством пророческой миссии Мухаммада, и даже осмеливались говорить, что стиль его — всего лишь следствие литературного таланта Пророка, который пользовался "ужасными образами", дабы воздействовать на слушателей и убедить их в истинности своих слов. Поэтому му'тазилиты позволяли себе аллегорическое толкование Корана и отказывались понимать буквально те тексты Корана, в которых Аллах рисуется в человеческом облике. Они ставили под сомнение существование "сират" — моста, ведущего в рай, "книги", в которую записываются людские деяния и "весов", на которых взвешиваются человеческие поступки.

Во времена му'тазилитов богословы продолжали спорить о том, остается ли человек, совершивший тяжкий грех, мусульманином или становится "неверным" (как утверждали харид-

житы). Му^тазилиты, следуя за Хасаном аль-Басри, со свойственной им страстью к софистическим построениям, считали, что человек, совершивший тяжкий грех, не будет ни мусульманином, ни неверным, а займет промежуточное положение (“манзиль байна-ль-манзилатайн”). В этом они были близки к позиции мурджи^титов, “откладываявших” решение о греховности человека до божеского суда.

В отдельный “корень” своей доктрины му^тазилиты выделяли “корень увещеваний и угроз”, то есть учение о загробном воздаянии за поступки человека. Аллах при посредстве Корана увещевает тех, кто совершил легкий грех и угрожает загробным наказанием тем, кто совершает тяжкий грех. Последним элементом му^тазилитской доктрины был “корень приказаний и запретов” (эти понятия позаимствованы из Корана), имевший совершенно конкретное политическое значение. На главу исламской общины возлагалась обязанность указывать мусульманам, что для них обязательно и что запретно, то есть подтверждалась неограниченная власть правящего халифа-имама над подданными в вопросах идеологии и в преследовании еретиков. При этом именно свою доктрину му^тазилиты объявляли правильной с точки зрения ислама и обязательной для всех мусульман. Из этого исходил аль-Ма^змун, жестоко преследовавший тех, кто уклонялся от признания официальной доктрины.

Учение му^тазилитов о “свободе воли”, “божественных атрибутах” и “сотворенности Корана”, как и вообще создание законченной системы рационалистической апологетики, вызывало нападки теологов-традиционалистов. Принятие этих доктрин ограничивало роль религиозных учителей, знатоков Корана и мусульманского права, считавших, что только они могут правильно интерпретировать священные тексты.

“Дом мудрости” аль-Ма³муна

Около 827 года аль-Ма³мун решил основать свой знаменитый “Дом мудрости” (“Бейт аль-хикма”) в Багдаде. Дом этот был основан в подражание сасанидской медицинской Академии в Джундишапуре, дабы пропагандировать му³тазилитское учение. На протяжении VIII-IX веков в Халифате все большее распространение получили восточные учения пророческого и миссианского характера, питаемые зороастрийскими и манихейскими идеями. Это становилось опасным для ислама, ибо могло засорить его элементами проникающих из Ирана учений. Желая противостоять иранскому культурному проникновению, аль-Ма³мун стал всячески содействовать переводу греческих научных и философских сочинений, дабы уравновесить влияние иранского культурного наследия античным и эллинистическим.

Во главе “Дома мудрости” аль-Ма³мун поставил двух образованных людей — перса Сахла ибн Харуна и Сальма “Харранца”, переводчика на арабский язык трудов Аристотеля и знатока языка пехлеви. В “Доме мудрости” располагался целый штат переводчиков, занятых переводом на арабский язык греческих сочинений по практическим знаниям, в первую очередь по математике, астрономии и медицине, астрологии и алхимии, а также трудов по философии и логике, воспринимавшихся му³тазилитами как могучее средство в религиозной борьбе. Существует предание, будто по приказу халифа в поисках и для копирования рукописей в Константинополь снаряжались специальные экспедиции во главе с Сальмом.

При “Доме мудрости” была и библиотека (“Хизанат аль-хикма”), основанная еще при Бармакидах, положивших начало широкой переводческой деятельностью, столь успешно продол-

женной при аль-Ма'муне и его преемниках. Таким образом, вне зависимости от планов аль-Ма'муна, деятельность "Дома мудрости" основывалась на тех же принципах, на которых строились и му'тазилитская и шиитская доктрины: на изучении и переводах трудов греческих философов и ученых. Однако, если чужеземные естественные и точные науки, подобно медицине и математике принимались исламом без особого сопротивления, то философия многими рассматривалась как основа новой исламской апологетики (калама) и в сознании традиционалистов связывалась с сомнительной религиозной направленностью в деятельности халифа — сторонника му'тазилитской доктрины.

Чтобы закрепить свои доктринальные нововведения и обеспечить за ними всеобщее согласие, аль-Ма'мун в 833 году, во время похода против Византии, из своего лагеря в Ракке (около Тарсуса) обратился с серией назидательных посланий к правителю Багдада и эмирам провинций, требуя оживления деятельности основанной еще аль-Махдием "михны" для борьбы с зиндиками и манихеями. Теперь ее деятельность должна была быть направлена против тех, кто не принимал му'тазилитского учения, в частности тезиса о "сотворенности" Корана. Аль-Ма'мун приказал заставить правоведов и религиозных учителей под угрозой инквизиции публично заявить о своем признании му'тазилитского калама.

Действия багдадской "михны", допрашивавшей кадиев, факихов и знатоков хадисов, вызвали большое волнение. Под влиянием страха большинство проходивших через эту процедуру, на словах высказало верность му'тазилитской доктрине и приняло тезис о "сотворенности" Корана. Однако нашлись и такие, которые упорствовали. Среди них был знаменитый традиционалист Ахмад ибн Ханбал (умер в 855 г.). Было приказано доставить его к халифу для расправы, от которой

его спасла смерть аль-Ма'муна в 833 г. в Тарсусе, и он был отпущен в Багдад. Отказ Ахмада ибн Ханбала пойти на компромисс сделал его в глазах народа мучеником в борьбе за исламскую ортодоксию и против "новшеств". При этом следует учесть, что в отличие от Ирака и особенно от Ирана, быстро развивавшихся в первой половине IX века в экономическом и культурном отношении, Сирия, Египет и африканские провинции не были готовы к серьезным идеологическим переменам. Мусульманская аристократия не сочувствовала новшествам в области веры и особенно методам их введения. Это подкреплялось народным сопротивлением всем попыткам внедрить элитарно-интеллектуальный подход к исламу, которые в народе истолковывались как стремление навязать ему религию знати.

Халиф-реформатор был несомненно просвещенным человеком, и его деятельность сыграла большую роль в развитии арабской науки и религиозно-философской мысли. Пользовавшиеся его поддержкой переводчики сделали многие произведения древнегреческой и эллинистической науки и философии доступными арабским, а позднее, через них и европейским ученым. Одновременно продолжалось усвоение различных элементов иранской, а через Иран и индийской культур.

Еще монархи позднего Рима, следуя примеру древнеперсидских царей, имели обыкновение подбирать себе личных друзей, с которыми разделяли трапезу и вели изысканную беседу. Также поступал и аль-Ма'мун. Поселившись в 800 году в Багдаде, он приказал представить ему список тех, кого он мог включить в круг своей застольной компании. В соответствии со вкусами повелителя, эта компания надимов-собеседников или сотрапезников состояла из людей образованных, литераторов и ученых, обладавших изысканными манерами и умевших вести себя в обществе (адибов). Они развлекали халифа дружеской бесе-

дой, а также доставляли ему необходимую информацию о положении дел и состоянии умов в Империи.

Аль-Ма³мун был весьма веротерпим по отношению к неисламским конфессиям. “Любая община, любого вероисповедания, — говорил он, — пусть даже она будет состоять всего из десяти человек, имеет право избирать себе собственного духовного владыку, и халиф признает его”.

Около 815 года халиф собирался дать находившимся “под покровительством” конфессиям полную свободу во всех связанных с культом вопросах, однако, под давлением исламского духовенства, он вынужден был отказаться от осуществления своих планов. Тем не менее, нарушение единства в исламе, которому аль-Ма³мун способствовал своей промутазилитской политикой, привело к оживлению христианских общин Ирака и Ирана. Впервые со времен Хосрова I в провинциях Фарс и Кирман намечилось возрождение зороастризма, носители которого были включены в число “людей книги” (“ахл аль-китаб”), таким образом, им было предоставлено “покровительство” и они стали “ахл аз-зимма” наравне с христианами и иудеями.

Однако некоторый расцвет языка пехлеви, на котором зороастрийские жрецы писали свои сочинения и которому способствовала политика аль-Ма³муна, вскоре угас. Иранские интеллектуалы перешли на арабский язык, а городское простонародье и сельские жители обратились к более примитивным формам национального языка, который арабы именовали “дари”. Позднее, в X веке, иранские национальные чувства приняли форму “культурного национализма” (шу³убия), что привело к поразительному расцвету иранской историографии, эпоса и лирики, возникших на основе разговорного языка дари, в то время как зороастризм стал забываться, и носители его сохранились лишь за пределами Ирана, в частности в Индии.

Хотя аль-Ма³мун был всецело занят внутренними делами, мешавшими ему вести активные военные действия против Византии, у него в руках оказалось оружие, которое он с успехом использовал. Византийский военачальник славянского происхождения, некий Фома Капподокийский, бежавший к нему из Анатолии, был хорошо принят, и в 820 году аль-Ма³мун устроил ему при помощи патриарха Антиохии коронацию и, снабдив деньгами и солдатами из пограничных провинций, отправил обратно в Анатолию завоевывать себе престол. Фома сумел поднять мятеж по всей византийской Анатолии, объявил себя икоборцем, защитником бедноты и вообще всех обиженных режимом жителей и в 821 году осадил Константинополь. После трехлетней войны (821-823) император Михаил II Занка (820-829), опираясь на союзников болгар, сумел прорвать осаду, Фома бежал, был схвачен и казнен.

Благоприятная обстановка складывалась для аль-Ма³муна и позднее. В 826 году Абдаллах ибн Тахир очистил сирийскую границу от последних приверженцев аль-Амина, а в следующем году изгнал из Египта эмигрантов из Андалусии. Последствием этого явилось предпринятое андалусцами в 826 году завоевание Крита, а в 827 году номинальный вассал халифа, аглабидский эмир захватил Сицилию, в чем ему помог бежавший в Тунис командующий византийским флотом Ефимий. Таким образом, оба острова перешли в руки мусульман. При императоре Феофиле (829-842) аль-Ма³мун попытался вторгнуться в Центральную Анатолию, поскольку Феофил был всецело поглощен войной в Сицилии.

В течение трех последних лет жизни аль-Ма³мун вел упорную войну с византийским императором, причем оба они вынуждены были в это же время противостоять своим идейным противникам внутри страны: Феофилу пришлось бороться с икоборцами, а аль-Ма³муну — с противниками му³тазилитского калама.

Аль-Ма^омуна беспокоили также и волнения в Египте, которые начались задолго до его вступления на престол и не прекращались с 829 по 832 год. Недовольных фискальной политикой коптов трудно было держать в повиновении, и для наведения порядка аль-Ма^омун направил в Египет своего брата аль-Му^ттасима. Аль-Му^ттасим не сумел справиться с коптами, и в 832 году аль-Ма^омун вынужден был лично возглавить карательную экспедицию.

Перед смертью аль-Ма^омун назначил правителя Египта аль-Му^ттасима своим преемником, хотя военачальники хорасанской армии настаивали на том, чтобы преемником халифа стал его сын Аббас. Однако последний уговорил хорасанцев признать выбор отца и присягнул аль-Му^ттасиму. Аль-Ма^омун завещал брату проводить ту же политику в отношении калама, которая, как ему казалось, могла удовлетворить всю мусульманскую общину и способствовать усилению авторитета халифа в вопросах исламской догматики.

Новому халифу аль-Му^ттасиму (833-842) пришлось столкнуться с проблемой, связанной с армией. Раннемусульманская армия состояла из бедуинов, которые незадолго до завоевательных походов восприняли ислам и вели священную войну, за участие в которой они получали компенсацию не столько в виде жалования, сколько в форме военной добычи. Окончание внешних завоеваний привело к тому, что эти ресурсы оказались исчерпанными и появилась необходимость в образовании оплачиваемой армии, функционирующей не по принципу племенных или религиозных обязанностей. К тому же весьма подвижная и боеспособная армия эпохи завоеваний не располагала техническими средствами, которые имелись на вооружении византийского и сасанидского войска, в частности, не имела осадного оружия.

Еще в последние годы правления Омейядов назрела необходимость реформ, их сумели осуществить Аббасиды. Новая династия пришла к власти, опираясь на хорасанскую армию, и хотя аль-Ма'мун после событий 818 года вынужден был отказаться от открытого выражения проиранских симпатий, хорасанцы продолжали оставаться важной политической и военной силой в государстве.

С этого времени появилась профессиональная армия, солдаты которой были поименованы в специальных списках (диванах), то есть в списках лиц, получавших за службу вознаграждение. Исключением были лишь мусульманские добровольцы (гази) и арабы-бедуины, которые вели войну на границах Анатолии или в Центральной Азии и жили за счет добычи от набегов и пожертвований благочестивых верующих. Новая армия овладела всеми военными науками своего времени, получила осадную технику, научилась пользоваться арбалетами, овладела "греческим огнем".

Но наступило время, когда придворная гвардия из хорасанцев стала докучать халифам своими претензиями. Вместе с тем, ее рекрутирование становилось все более трудным, по мере того как восточные провинции обретали автономию. Так, в Хорасане укрепилась и полностью господствовала добившаяся независимости династия Тахиридов. Глава династии Абдаллах ибн Тахир, сменивший в 829 году на посту правителя своего брата Тальху, хотя и проявлял себя внешне как лояльный слуга халифа, фактически ему не подчинялся. Власть Абдаллаха ощущалась далеко за пределами Хорасана, даже в Багдаде, где один из Тахиридов, еще со времени войны аль-Ма'муна с аль-Амином, занимал пост начальника полиции и где Тахириды возвели себе великолепный дворец, служивший символом их господства в городе.

Чтобы противостоять возросшему влиянию хорасанцев в самой столице, аль-Мутасим обратился за помощью к тем же,

к кому прежде обращался аль-Ма³мун — к тюркам и дайлами-там. Еще аль-Ма³мун начал формировать из тюрков специальную халифскую гвардию, которая при нем достигла численности в четыре тысячи человек.

Многие гвардейцы были в прошлом военнопленными, захваченными в ходе почти непрерывных войн халифской армии с кочевниками-степняками в Мавараннахре за Аму-Дарьей (Джайхуном). Этих пленных частично отправляли в Багдад в качестве ежегодной военной дани халифу, а частично продавали на невольничьих рынках Средней Азии и Ирана, где их покупали правительственные чиновники для службы в армии. Кроме тюрков и наемников-дайламитов, в число принятых на военную службу бывших рабов попадали также молодые люди, захваченные в странах Восточной Европы и Северной Африки.

Отобранные молодые рабы — мамлюки, или “гуламы” (“юноши или слуги”), воспитывались при дворе в специальных школах, а затем зачислялись в гвардию халифа, которая, таким образом, пополнялась опытными тюркскими наездниками и стрелками из лука. Некоторые из них в прошлом сражались в отрядах внука омейядского правителя Хорасана Насра ибн Сайяра — Рафи^с ибн Лайса. Берберы, дайламиты, выходцы из славянских стран и темнокожие африканцы служили в пехоте. На новую преторианскую гвардию аль-Му^тасим мог вполне положиться. Он не без основания считал, что войско будет более надежным, если его укомплектовать из иноземных наемников и рабов, а не из свободных жителей, вовлеченных в местные социальные и межконфессиональные конфликты.

Гвардейцы были превосходными солдатами и зарекомендовали себя во многих военных предприятиях. О внушающей уважение боеспособности тюркских солдат писал в специаль-

ном трактате “Использование тюрок” ученый и литератор аль-Джахиз (775-868). Всей гвардией командовали тюркские эмиры, которые управляли также халифским двором и почтовым ведомством. Тюркские кавалерийские части располагались в казармах в Багдаде и использовались для усмирения народных беспорядков в столице. Им было запрещено вступать в брак с местными жительницами, и для них специально привозили женщин из восточных областей Халифата. Пешие гвардейские части из наемников-дайламитов (жителей Дайлама, нагорной части Гилана к юго-западу от Каспийского моря) также располагались по признаку землячества.

С возвышением тюркской гвардии бывшая основа халифской армии — хорасанцы, как до них — арабы, утратили свое военное значение и постепенно из армии халифа вовсе исчезли. Гвардейцы относились к жителям Багдада с высокомерием и часто занимались грабежами и вымогательством. Тюрки, как до них хорасанцы, стали причиной постоянных беспорядков в столице.

Желая избавиться от власти Тахиридов в Багдаде и испугавшись беспорядков, возникших в столице из-за произвола военщины, аль-Мутасим решил покинуть “Город мира” и перенести свою резиденцию в более безопасное место. Для этого он избрал большой участок земли на берегу Тигра к северу от Багдада и начал строить новый город — Самарру, который почти столетия (с 836 по 892 год) служил резиденцией халифов и столицей империи. Подобно тому, как это делал аль-Мансур при строительстве Багдада, аль-Мутасим приказал собрать архитекторов и строителей, равно как и необходимые материалы, со всех концов Халифата. Достаточно сказать, что мрамор везли из Египта и Анатолии. Позднее, преемник аль-Мутасима — аль-Мутаваккил продолжал отстраивать этот город.

Аббасидские правители вообще имели слабость к строительству новых резиденций, которые должны были символизировать их могущество, а к тому же избавляли их от соседства беспокойных багдадцев. Даже Харун ар-Рашид, имя которого в средневековом арабском фольклоре всегда связывали с Багдадом, не любил жить в столице и на многие годы переселился в Ракку, город, основанный еще аль-Мансуром на берегу Евфрата в Верхней Месопотамии.

По приказу аль-Му^тасима в Самарре, как прежде при аль-Мансуре в Багдаде, были сооружены дворцы халифа и его семьи, членов двора и глав администрации, казармы и большая мечеть. Город не был круглым, как Багдад, но тянулся вдоль Тигра. И поныне развалины города и минарет главной мечети поражают воображение путешественников своим величием.

Но, убежав от своих багдадских подданных в Самарру, халиф вскоре оказался в тяжелой зависимости от военачальников придворной гвардии. Командиры тюркских, иранских и других отрядов боролись за влияние на правителя, что со временем стало создавать хаос в управлении государством.

Хотя беспорядки, периодически вспыхивавшие в Багдаде при аль-Му^тасиме, провоцировались не столько религиозно-догматическими спорами, сколько бесчинствами гвардейцев, насильственное введение му^тазилитского калама в качестве официальной идеологии усиливало неприязнь жителей столицы, как суннитов, так и шиитов, к халифу и его окружению. Сам аль-Му^тасим не вполне разделял му^тазилитские убеждения своего брата, но не хотел отступить от его политики, опасаясь религиозного раскола в государстве. По совету брата, аль-Му^тасим поручил дальнейшее проведение религиозных реформ великому кади Ахмаду ибн Аби Ду^аду (умер в 854 г.).

Ибн Аби Ду^ад еще при аль-Ма^амуне начал энергично преследовать улемов-традиционалистов, однако при нем выдвигав-

шиеся против Ахмада ибн Ханбала обвинения еще не имели практических последствий. Теперь знаменитый факих был арестован, допрошен Ибн Аби Ду^адом, а потом избит и брошен в тюрьму, за то что категорически отказался признать му^тазилитский калам. В результате авторитет Ахмада ибн Ханбала в народе возрос, и, опасаясь новых народных волнений, власти вынуждены были его освободить в обмен на обещание не вести никакой пропагандистской деятельности.

Трагичнее сложилась судьба другого защитника традиционных верований Ахмада ибн Насра аль-Хуза^и. В отличие от Ибн Ханбала, который не позволял себе публичных высказываний против власти, аль-Хуза^и подстрекал жителей к открытому мятежу. В 846 году он был схвачен, лично допрошен новым халифом аль-Васиком, но не пожелал отказаться от своих убеждений, после чего его казнили, а голову выставили для всеобщего обозрения.

В отличие от брата, аль-Му^ттасим прибегал в управлении государством к помощи вазира, ведавшего важными государственными делами и казной. Период между 833 и 847 годами наполнен постоянной борьбой за политическое влияние между вазиром Ибн аз-Заййатом и главным судьей Ибн Аби Ду^адом, в которую были втянуты их многочисленные помощники и клиенты. С другой стороны, именно в это время возрастает активность тюркских военачальников, прибивавших к рукам власть не только в Самарре, но и во всех центральных областях Халифата.

Восстание Бабека

С первых же дней после восшествия на трон аль-Му^ттасиму пришлось одновременно вести войну на два фронта: с грандиозным и многолетним восстанием хуррамитов под руковод-

ством Бабека и Мазьяра в восточных провинциях империи, а также с Византией, чей правитель, воспользовавшись трудным положением, в котором оказался Халифат из-за внутренней нестабильности, активизировал военные действия на его границах.

Для осуществления своих карательных и военных планов аль-Му^тасим избрал в 835 году тюркского военачальника Афшина. Военные способности Афшин проявил еще при халифе аль-Ма^змуне, во время подавления коптских волнений в дельте Египта в 831-832 годах и беспорядков на религиозной почве в самом Багдаде. Теперь Афшин стал во главе всей халифской армии. Этим было положено начало выдвижению тюркских военачальников на главенствующую роль в политической жизни государства. Само имя военачальника "Афшин" исторически было титулом правителя или князя небольшого эмирата в Мавараннахре в Ошрусане (горной области между Самаркандом и Ходжентом), находившегося в подчинении у правителя Хорасана. В прошлом Афшин был буддистом и перешел в ислам незадолго до того, как поступил на халифскую службу.

Хуррамитские волнения в восточных областях Халифата не прекращались на протяжении всего VIII и первой половины IX века, но самым крупным из них было восстание Бабека (перс. Папака). Оно началось в Азербайджане еще при аль-Ма^змуне в 816 году. Его первоначальным успехам способствовало неустойчивое положение империи в период борьбы между аль-Амином и аль-Ма^змуном и в последующие годы. Восстание Бабека продолжалось свыше двадцати лет (816-837). В нем приняли участие разные слои общества: иранцы и турки, крестьяне и феодалы, зороастрийцы и вновь обращенные мусульмане. Оно было направлено против арабского господства и сопровождалось захватом земель арабских землевладельцев. Во взглядах Бабека,

объявившего себя воплощением хуррамитского имама, восходящего к дому Абу Муслима, сложное сочетание зороастризма, манихейства и гностических верований причудливо дополнялось шиитско-исмаилитскими тезисами об эманации божественной благодати и переселении душ.

Бабек заключил союз с некоторыми армянскими феодалами, вступил в переписку с византийским императором Феофилом (829-842), объявив себя христианином, и обещав обратиться в христианство своих сторонников. Багдадские противники Бабека и его последователей обвиняли их в проповеди “общности жен”. Видимо, положение женщин у хуррамитов было более свободным, чем это допускали исламские законы, кроме того, у них дозволялась шиитская практика браков на время (“завадж аль-мут‘а”).

Аль-Ма‘муну так и не удалось справиться с восстанием хуррамитов. В свое время он подготавливал большую военную экспедицию против них во главе с Абдаллахом ибн Тахиром (828-845), собравшим для этой цели армию в Джибале. Однако Абдаллах ибн Тахир был вынужден неожиданно возвратиться на родину в Хорасан из-за смерти брата, правителя области, пост которого он собирался занять. Поэтому аль-Ма‘муну пришлось поход отложить и переключить все внимание на войну с Византией.

Хуррамиты успешно использовали передышку, и к моменту воцарения аль-Му‘тасима их движение распространилось к югу Азербайджана и охватило огромную область, включавшую часть Хорасана, Табаристан, Джурджан, Дайлам и Хамадан вплоть до Исфахана. В 835 году аль-Му‘тасим снял свои лучшие части с византийской границы и отправил против Бабека во главе с Афшином. Афшин преследовал повстанцев в течение двух лет, пока в 837 году не осадил главную резиденцию Бабека, крепость Базз в горной области Арран на

реке Аракс в Армении. Когда стало ясно, что падение крепости неминуемо, Бабек бежал по подземному ходу и отправился в Византию, но был схвачен в пути. В 838 году Бабека отправили на слоне в Самарру, где жестоко казнили. Вскоре было подавлено и другое восстание хуррамитов в Табаристане во главе с Мазьяром. Теперь аль-Му'тасим получил возможность продолжить войну с Византией.

Граница Халифата с Византией охранялась целой грядой крепостей-городов, которые все вместе именовались "авасим" (от "асама" — "удерживать, защищать"). Среди этих городов особенно большое военное значение имели Тарсус, Малатия, Манбидж, Аднах, Зиберта и Самосата (ар. Сумайсат), о чем свидетельствовал тот факт, что они были выделены в особую административную единицу. Воспользовавшись тем, что аль-Ма'мун и сменивший его аль-Му'тасим были заняты войной с хуррамидами, император Феофил вторгся с войском в пределы Халифата и захватил ряд городов-крепостей, в том числе Зиберту, Сумайсат и Малатию. Аль-Му'тасим двинул против византийцев освободившееся на востоке войско Афшина, который сумел отбросить византийцев в глубь Малой Азии, отбить крепость Аморию, и занять город Анкиру. Однако византийцы сумели остановить дальнейшее наступление халифской армии в сторону Константинополя и, в свою очередь, вынудили ее отступить к Тарсусу, чем поход Афшина и закончился.

Победы на востоке и поход на запад укрепили позиции Афшина в его собственном эмирате Ошрусане, формально находившемся под контролем правителя Хорасана Абдаллаха ибн Тахира. Теперь, добившись военных успехов, Афшин стремился уменьшить влияние Тахиридов, как в своем эмирате, так и в самом Багдаде. Для этого он стал оказывать всяческую поддержку борющемуся за независимость правителю Та-

баристана. Расположенный на южном побережье Каспийского моря Табаристан находился под опекой Абдаллаха ибн Тахира, который нес ответственность за спокойствие в этой области перед халифской властью. В 838-839 гг. Абдаллаху удалось, после жестоких боев, подавить мятеж правителя Табаристана, схватить его союзника Афшина, привести его в Самарру и учинить над ним суд.

Любопытно, что тахиридский правитель сумел перевести обвинение против своего соперника в религиозную плоскость, что свидетельствовало о реальном присутствии в политической борьбе религиозного элемента. Афшина, в прошлом буддиста, обвинили в вероотступничестве, в сношениях с Бабеком и поддержавшим движение хуррамитов правителем Табаристана Мазьяром. Ему вменяли в вину, что он, якобы, предлагал Бабеку свергнуть халифа и возвести на трон его самого, а соучастникам заговора обещал сохранить их власть над некоторыми областями Халифата. Афшин был заключен в тюрьму, а в 841 году убит.

Аль-Мутасима на халифском престоле сменил его сын от рабыни-гречанки аль-Васик (842-847). Аль-Васик продолжал политику отца и дяди в области исламской догматики и покровительствовал му'тазилитам. При нем особенно возросло преследование инакомыслия, активизировалась михна, которая с новой силой обрушилась на традиционалистов. В это время му'тазилиты полностью захватили власть в качестве придворных теологов и господствовали в Багдаде, Самарре и Басре, где на собраниях религиозных деятелей в главной мечети города разыгрывались целые баталии по догматическим вопросам. Великий аль-Джахиз в "Книге о скупых" с большой иронией рисует картины этих схоластических споров.

Центр консервативной теологии в это время перемещается на восток. Видимо, желая найти опору среди духовенства, хора-

санские Тахириды стали покровительствовать традиционалистам, а их двор в Нишапуре стал центром консервативной суннитской теологии: туда стекались устрешенные деятельностью михны суннитские улемы. Таким образом, Тахириды в лице Абдаллаха ибн Тахира и сменившего его сына, Тахира II (845-862) были готовы защищать законность власти Аббасидов против Алидов и других врагов династии, но не разделяли му'тазилитской идеологии.

Разумеется, и в Багдаде в среде духовенства была значительная оппозиция му'тазилитскому каламу. Но большинство богословов, подобно Ахмаду ибн Ханбалу, даже если они и не принимали новую доктрину, старались открыто не выражать своих враждебных чувств по отношению к правящей династии, а многие умеренные традиционалисты, такие как Ибн Кулаб (умер в 854 г.), даже готовы были примириться с официальной догматикой, для чего разработали компромиссную теорию о "сотворенности" Корана, делая различие между содержащимся в нем словами Аллаха, которые, по их мнению, были извечны в качестве атрибута, пребывающего в самом божественном бытии, и человеческим их выражением, существующем во времени. Таким способом они пытались осторожно увязать не защищенную логическими доводами буквалистскую интерпретацию Корана с концепцией му'тазилитов.

Примерно в это же время произошел раскол в среде шиитов-зайдитов. Близкие в прошлом по своим догматическим взглядам к му'тазилитам, ныне они утратили единство. Внук Зайда ибн Али — Ахмад ибн Иса, последний претендент на имамат, был по приказу Харуна ар-Рашида, узнавшего, что его материально поддерживали Бармакиды, брошен в Багдаде в тюрьму. Однако он сумел бежать в Басру, где в своих сочинениях стал нападать на му'тазилитов. Напротив, другой лидер умеренных шиитов, аль-Касим, брат Мухаммада

ибн Табатаба, принадлежавший к хасанидской ветви Алидов, в отличие от хусайнида Зайда ибн Али, оставаясь зайдитом по своим убеждениям, в своем мировоззрении был близок к му'тазилитам.

Социально-экономическое состояние халифата в VIII-XII веках

Арабские завоевания сыграли важную объединяющую роль в социально-экономической жизни вошедших в состав исламской империи стран Востока. Политическое объединение разрозненных в прошлом областей и стран повлекло за собой образование единой экономической общности и способствовало, по крайней мере на первом этапе, значительному развитию производительных сил. Это объединение привело к широкому экономическому и культурному общению регионов, различавшихся как уровнями экономического развития, так и традиционными формами жизни, а также видами производимой сельскохозяйственной и ремесленной продукции, открыло большие возможности для обмена опытом и повсеместно способствовало развитию земледелия, ремесла и торговли.

Вместе с тем, известная унификация политической жизни не только не привела к утрате местной экономической специ-

фики или к разрыву с былыми формами хозяйства, но, напротив, способствовала углублению традиций и явилась дополнительным стимулом для расширения экономических связей, при которых каждая из областей Империи вносила свою лепту в общую хозяйственную жизнь.

Арабские завоевания происходили в двух формах: бедуинской миграции и военной колонизации. Бедуины не получили права селиться на обрабатываемых землях, ибо завоеватели понимали, что это привело бы к разрушению экономики страны. Весьма часто сами племенные вожди, когда они получали поместья в награду за подвиги в войне, отказывались от земли, ибо не хотели обеспечивать ее обработку. На протяжении некоторого времени племена еще продолжали кочевать на тех землях, которые по характеру местности оставались свободными и не культивировались, что обеспечивало взаимовыгодный обмен между земледельцами и кочевниками-скотоводами.

Как и до арабского завоевания, главной отраслью производства оставалось основанное на искусственном орошении земледелие. Исламский средневековый мир расположен в субтропической зоне, и жизнь в безводных пустынях и степях имела свою специфику. Земледелие, основанное на ирригации, достигло наибольшего развития в Ираке, особенно в его нижней части (Саваде), и в Египте, вдоль Нила, особенно в Дельте. Нил в Египте и Евфрат с Тигром в Месопотамии, благодаря разветвленной системе искусственного орошения, давали возможность собирать два урожая в год. Проблема воды была жизненно важной, и жители стран востока задолго до возникновения ислама, сумели развить широкую сеть каналов и знали машины для подъема воды на необходимый для орошения уровень. Обычай диктовал справедливое распределение воды, и государство оказывало поддержку обще-

ственным работам для содержания системы орошения на должном уровне, не прекращавшемся даже во время войн и восстаний.

Способы обработки земли были достаточно примитивными. Для выращивания огородных и садовых культур использовалась лопата, а на полях — легкий средиземноморский плуг. Практиковалась очередность в высевании культур на полях, чему порой мешала частая смена землепользователей из-за ежегодного перераспределения земли между членами общины. Как в больших земельных владениях, так и в малых, способ обработки земли был одинаков. Существовали и ветряные и водяные мельницы.

Ко времени прихода к власти Аббасидов оросительная система во всех областях Халифата, особенно в Ираке, пришла в упадок, и первые аббасидские правители направили немалые усилия на улучшение системы искусственного орошения, строительство каналов, плотин, водохранилищ, шлюзов и гидравлических колес, движимых рабочим скотом.

Основными культурами в сельском хозяйстве были зерновые: пшеница — главный продукт питания людей, и ячмень — основной корм для животных. В садах и на огородах выращивались овощи всех видов, бобовые растения и специи, культивировались все виды фруктовых деревьев, а на границе с пустыней — финиковые пальмы. Большое распространение получило выращивание винограда и слив. Были также большие плантации сахарного тростника, а из технических культур — хлопка и льна. Из отдаленных областей Азии на Ближний Восток были занесены разнообразные виды цитрусовых.

О том, какое значение придавалось сельскому хозяйству в странах арабского Востока, свидетельствует специальная литература. Одним из трудов подобного рода было сочинение иракца Ибн Вахшии (IX в.) “Китаб аль-фалаха ан-набатия” (“Наба-

тейское сельское хозяйство”), посвященное сельскому хозяйству Месопотамии. В этом трактате сочетались сведения, почерпнутые автором из народных обычаев земледельческого труда и позаимствованные из древних источников. Аналогичные сочинения появлялись также в Иране, Андалусии и даже в Йемене, что свидетельствует об особом интересе богатых людей к эксплуатации их поместий и разведению загородных садов. В этих трактатах исламские авторы продолжали традиции древних писателей Греции и стран востока.

По мусульманским представлениям землей владеет Аллах. Она как бы дается в дар тем, кто ее обрабатывает и пользуется ее плодами. Поэтому арабы-завоеватели сохранили в покоренных провинциях бывшие формы собственности, и старые владельцы земли получили право пользоваться принадлежавшими им в прошлом земельными участками при условии, что они будут их обрабатывать и исправно платить налоги.

Конфискации в пользу казны подлежали лишь бывшие владения византийских императоров и членов правящей в Византии династии, земли погибших во время войны противников завоевателей, а также выморочные земли, оказавшиеся бесхозными в результате бегства их владельцев. Эти земли считались собственностью государства — “савафи”. Часть земель переходила в собственность халифа и членов его рода, а также мусульманской знати, имевшей особые заслуги в служении новой вере или отличившейся в ходе священной войны.

Из казенных земель государство жаловало частным лицам наделы в форме отдельных селений или даже целых районов с жившими на этих землях крестьянами во временное или пожизненное пользование с обязательством нести военную службу. Это было условное частное землевладение — “икта”. Понятие “икта” иногда сближают с европейским феодальным пожалованием и переводят как “феодалное помес-

тье или лен". Но вернее будет переводить "икта" как "передача прав на присвоение части налогов с данного селения или района", то есть поземельного налога — "хараджа".

Таким образом, пожалование "икта" официально не меняло положение крестьянина, который, как и прежде, должен был платить налоги либо правительственным сборщикам, либо владельцу "икта" — "мукта". Передача права на сбор налогов ("икта аль-истиглал") практиковалась в центральных областях Халифата при Аббасидах и позднее, в период господства Бувайхидов и Сельджукидов.

В результате поземельный налог, который служивый человек взимал с определенной земли в свою пользу, превратился в феодальную ренту. Новый владелец ("мукта") нес ответственность за обработку полученных владений ("кати"а" мн. "ката"и). "Икта" предоставлялась либо на время службы, либо пожизненно. Благодаря обычаю наследования должностей, "икта" со временем стала фактически передаваться по наследству.

При Аббасидах государственная собственность на землю преобладала в центральных областях Халифата, в первую очередь в Ираке и в Египте, где имелись крупные оросительные системы. Налоги с земель "савафи" собирались специальными сборщиками и частично шли в казну. Таким образом, крупное феодальное землевладение в Халифате сочеталось с мелким крестьянским землепользованием.

Существовали также земли, находившиеся в частном владении ("мульк"). Это были земли халифа и членов его рода, а также высокопоставленных персон, получавших поместья в собственность за заслуги в "священной войне" или в поддержке правящей династии. Частное землевладение было широко распространено в восточных областях Халифата, в первую очередь в провинциях Ирана. Владельцы "мульков" могли

свою землю продавать, дарить, передавать по наследству. Земли “мульк” обрабатывались издольщиками. Крупные землевладельцы, собственники “мульков” и владельцы “икта”, сдавали землю в аренду феллахам-крестьянам либо на условиях издольщины (“музараа”), либо, чаще, уплаты в денежной форме. В зависимости от природных условий рента иногда достигала размеров половины урожая.

Существовали и другие типы соглашения между землевладельцами и арендаторами. На землях с плантациями из фруктовых деревьев, требующих искусственного орошения (“мусакат”) доход делился пополам между землевладельцами и арендатором. Существовала также форма “мугараса”, при которой арендатор разводил фруктовый сад и отдавал владельцу половину урожая.

Трудно выявить соотношение больших и малых земельных владений, но социальная иерархия несомненно существовала. Наравне с крупными поместьями на протяжении всей средневековой истории существовали небольшие земельные владения, часто принадлежавшие горожанам в прилежавших к городу районах. Теоретически ислам не признавал никаких привилегий, за вычетом тех, которыми пользовалась родня Пророка — Алиды и Аббасиды. Все мусульмане считались равными, что должно было укрепить чувство солидарности между верующими, подобно тому, какое в доисламский период было между всеми членами племени.

В исторических хрониках нашло отражение враждебное отношение крестьян-феллахов к владельцам больших поместий. Однако следует отметить, что труд в сельской местности, за вычетом некоторых областей (например, Нижнего Ирака) был свободным, и рабы использовались главным образом в домашнем хозяйстве, а на сельскохозяйственных работах рабский труд использовался мало. Как правило, на землях всех категорий

землевладельцы не вели своего господского барщинного зернового хозяйства, а взимали феодальную ренту, продуктовую или денежную, с пользователей земельными участками.

В отличие от Европы, владельцы пожалованных угодий в странах мусульманского востока жили в городах, а не в усадьбах своих поместий. Поэтому не выделялись особые земли, которые образовывали бы собственное владение помещика и обрабатывались бы барщинным трудом. Непосредственной связи между землевладельцами и держателями земли не было, и ренту, в основном денежную, собирали для владельцев специальные чиновники, сборщики налогов, о произволе которых свидетельствуют средневековые историки.

Следует особо отметить, что в отличие от раннесредневековой Европы, в странах Халифата феодальные поместья никогда не играли решающей роли в экономической жизни государства. При скудости культивируемых земель город с его ремеслами и торговлей был главным источником доходов казны, а поскольку денежная оплата была обычной формой вознаграждения за военную и гражданскую службу, халиф постоянно нуждался в средствах для содержания чиновников и солдат-наемников.

Значительная часть земельного фонда Халифата находилась в руках различных религиозных учреждений: мечетей, медресе, благотворительных организаций, а позднее — суфийских братств. Имущество религиозно-благотворительных учреждений не отчуждалось, поэтому, стремясь обезопасить свои владения от посягательств властей, или избавиться от непосильных налогов, многие владельцы земель передавали их в вакф, то есть завещали для религиозно-благотворительных целей.

Владельцы вакфов или вакуфного имущества продолжали пользоваться завещанными землями и обязаны были отдавать лишь часть своих доходов в пользу того или иного религиоз-

ного учреждения. Так они защищали себя и своих наследников от феодального произвола и одновременно выражали свои религиозные чувства.

Со временем имущество, переданное под покровительство религиозных учреждений, разрослось, и вакфы приняли форму огромных ведомств, что привело к серьезным изменениям в социальной жизни общества. Появился значительный слой людей, живших за счет вакуфного имущества. Этих людей объединяла общая забота о сохранении их коллективной собственности. Поэтому руководители религиозных учреждений, искали защиты у военачальников наемной гвардии и, поддерживали тех ее лидеров, которые им покровительствовали.

В свою очередь, многие военачальники, стремясь заручиться поддержкой обладавших авторитетом в среде простонародья религиозных руководителей, покровительствовали им в надежде на их помощь в борьбе за власть с другими военными группировками и чиновничеством. В результате, по мере развития феодальных отношений, зажиточные горожане оказывались все менее защищенными от произвола военщины, а союз военных главарей и религиозных руководителей становился все более прочным. Этот союз сыграл весьма отрицательную роль в культурной и экономической жизни мусульманского мира в период позднего средневековья.

Со всех земель со времени арабского завоевания взимался поземельный налог — “харадж”. Земли, находившиеся во владении членов семьи Аббасидов, земли “ката’и” и вакуфные земли налогом в казну не облагались. Все, что владелец собирал с арендаторов, превращалось в ренту в его пользу, либо в пользу религиозных учреждений. На государственных землях “харадж” собирался с крестьян специальными сборщиками. Все категории собственности мусульман, включая земли “икта” облагались налогом “ушр” (десятина).

Система налогооблажений, видоизменявшаяся в зависимости от местных условий, была главным свидетельством подчиненного положения иноверцев в мусульманском государстве. В некоторых областях, например в Сирии, налог на иноверцев первоначально взимался со всей общины в размере установленной завоевателями суммы, которую собирали сами жители, и сборщиков не интересовало, с кого какая часть налогов причиталась.

Все иноверцы платили подушный налог “за покровительство” (“джизью”), который всегда взимался в денежном выражении. Первоначально “харадж” и “джизью” рассматривали как единую, собираемую с иноверцев подать. Со времен Омейядов “джизью” собирали только с иноверцев, а “харадж” продолжали взимать и с вновь обращенных в ислам. Во многих провинциях Халифата (в Иране, Ираке и в несколько иной форме в Египте), земли оставались хараджными и при Аббасидах, вне зависимости от того, кто на них жил — мусульмане или иноверцы. Поскольку вся община несла коллективную ответственность за собранную сумму, по меньшей мере за поземельный налог, то получалось, что обращение отдельных лиц в ислам в обложении налогом не предусматривалось, и вновь обращенные уплачивали “харадж” наравне с немусульманами. Это толкало жителей к бегству в города Ирака и Египта, где они фигурировали уже как мусульмане, что приводило к быстрой урбанизации провинций и наносило ущерб как земледелию, так и казне.

Создававшаяся ситуация вынудила администрацию проводить на практике различие между налогом на землю, взимаемым в зависимости от религиозной принадлежности, и подушным налогом, который в случае обращения заменялся “закатом”, что способствовало переходу в ислам целых сельских общин. В городах “обращение” носило более индивидуальный характер.

В отличие от Западной Европы, в средневековом мусульманском мире почти вся экономическая и культурная жизнь была сосредоточена в городе. В городах обитали халифы и султаны, а также провинциальные наместники и военачальники, отсюда велось управление империей, рассылались сборщики налогов и сюда стекались все богатства.

Степень урбанизации в разных провинциях Халифата была различна. Мусульманское законодательство не знало города как некой автономной административной единицы. Хотя город часто располагался на месте селения или города поздней античности (например, Багдад возник вблизи древнего Ктесифона), в нем не сохранялись индивидуальные особенности его предшественника. В отличие от городов-коммун Центральной Италии XI-XII веков, располагавших известной независимостью в рамках слабоцентрализованного европейского государства, мусульманский город не обладал никакой автономией. Мусульманское государство было слишком сильным и централизованным, чтобы город мог добиться какой-либо самостоятельности. Существенным препятствием для этого служило и то обстоятельство, что город был местопребыванием феодального правителя, в то время как в Европе бароны и рыцари жили в своих поместьях и замках.

Большинство арабов-завоевателей осело в городах, мало кто из них предпочел жизнь в сельской местности. Гарнизонные лагеря завоевателей (Куфа, Басра, Фустат, Кайраван и др.) довольно быстро превратились в большие города, причем изначально их правители стремились отделить арабов-завоевателей от местных жителей и этим обеспечить большую надежность военной оккупации.

Значительная часть жителей городов (за исключением Багдада) обитала в них еще до прихода арабов-завоевателей. Однако вскоре туда устремилось местное сельское население, которое

привлекала возможность трудиться, обслуживая придворных и армию в качестве ремесленников и торговцев, и перспектива обогащения за счет разных видов деловой активности. Это привело к культурному взаимовлиянию, и вскоре пришельцы усвоили местные культурные традиции, а аборигены овладели языком завоевателей и стали принимать участие не только в общей экономической, но и в культурной жизни. Бедуины Аравии, принадлежавшие раньше к разным племенам, стали смешиваться с горожанами и перенимать их образ жизни.

В результате племенные традиции из реального культурного фактора превратились в среде арабов-горажан к VIII веку в далекие от социальной действительности сентиментальные воспоминания, в то время, как традиции коренного населения все более воспринимались арабами-завоевателями. Одним словом, шел процесс взаимной культурной ассимиляции пришельцев и местного населения. Обе категории сближались, хотя религиозный барьер еще долго служил разъединяющим фактором. Дамаск при Омейядах и Багдад в VIII-X веках, равно как и Каир в XI веке, по культурной жизни и деловой активности смело могли соперничать с Константинополем и на много превосходили современные им европейские столицы.

Социально-экономическая структура города и сельских поселений сильно различались. В областях, подвергшихся интенсивной урбанизации, владельцами сельских поместий были горожане, снабжавшие город сельскохозяйственной продукцией. Для отдельных горожан, равно как и для государства в целом, земля оставалась важным источником богатства, и преуспевающие купцы стремились вкладывать в нее свои доходы.

В VIII-XII веках в городах процветали традиционные для стран Ближнего и Среднего Востока ремесленные промыслы. Каждая из провинций славилась своими особыми ремесленными изделиями, и между ними был налажен широкий обмен.

Существовало различие между свободными ремесленниками и государственной промышленностью, особенно в Египте, где на протяжении всей истории страны государство сохраняло контроль над ремеслами и торговлей. Под контролем государства находилось производство оружия и военных кораблей. Свободные ремесленники обязаны были поставлять государству всю или часть производимой ими продукции. В других областях Халифата деятельность ремесленников носила более свободный характер, но и в этом случае государство вело над ремесленным производством неусыпное наблюдение.

Особое развитие в странах мусульманского востока получило текстильное производство: прядение, изготовление тканей из льна, хлопка, шелка и шерсти. Сирийские ремесленники специализировались на изготовлении тканей из шелка, ремесленники городов Египта и иранской провинции Фарс славились своими льняными тканями. Производство шелковых тканей получило повсеместное развитие также и в иранских городах Хузистана и Фарса, особенно в Ширазе, Исфахане и Рее, причем ремесленники этих городов изготавливали также превосходные шерстяные ткани и ковры, а производство хлопчатобумажной материи получило широкое распространение на востоке империи в городах Мерв, Нишапур и Кабул. Во всех городах Халифата выделялись тонкие и прочные сукна. О высоком качестве работы мусульманских мастеров свидетельствует тот факт, что арабские названия многих сортов тканей и изделий из них проникли в европейские языки.

Текстиль был не единственной процветающей областью ремесленного производства ювелирное ремесло процветало во всех провинциях Халифата. В разных городах Халифата изготавливались превосходные кожаные товары, седла, украшенные дорогими тканями, металлическими бляхами и даже драгоценными камнями. Сирийские ремесленники славились

во всем мире пришедшим из Индии искусством изготовления особенно прочных сортов стали. Они делали знаменитые дамасские мечи и кинжалы, щиты, кольчуги, панцири и шлемы, а также различные виды металлической посуды: чаши, кувшины и блюда с дорогой инкрустацией. Города Фарса были знамениты парфюмерными изделиями (изготовлением благовоний, цветочных эссенций, масел и мыла).

На протяжении многих столетий технология ремесленных производств почти не изменялась. В средние века как и в древности традиции ремесленного производства передавались из поколения в поколение, что и обеспечивало сохранность навыков. Каждый ремесленник работал в окружении учеников и подмастерьев. В начале IX века новшеством явилось производство бумаги. Это искусство было завезено около 800 года из Китая в Самарканд и в середине IX века утвердилось в городах Ирака, Сирии, а позднее и Египта, вытеснив папирус, выделкой которого славились египетские мастера. Производство бумаги быстро распространилось по странам Средиземноморья и достигло Западной Европы.

Многочисленные свободные ремесленники разных специальностей сами распоряжались своей продукцией и продавали свои изделия на местных рынках. Однако в некоторых отраслях ремесла сложилась сложная иерархия. Так, богатые, торговавшие тканями купцы (“баззаз”) нанимали ткачей и прядильщиков и организовывали торговлю, а конкретным сбытом их продукции занимались мелкие торговцы, а иногда и рабы.

Ближний Восток не слишком богат минеральными ресурсами, но для потребностей средневекового человека их в основном было достаточно. Железная руда встречалась реже, чем медная, и необходимое для производства оружия железо приходилось частично ввозить в центральные области Халифата. Серебро добывалось в Центральной Азии и в Иране, а

идушее на чеканку монет золото — в Нубии. Добыча золота и чеканка монеты были государственной монополией. Восточный Иран и Северная Индия были богаты драгоценными камнями. В каменоломнях Ирака находился в изобилии и добывался необходимый для строительства материал, а в Иране широко использовался изготовлявшийся там кирпич. Египет располагал большими залежами квасцов, идущих на производство красок и составлявших одну из важных статей египетского экспорта. Жемчуг вылавливался со дна Персидского залива, а кораллы добывались в Красном море. Разработки соляных месторождений интенсивно велись в Египте, причем на многих этапах средневековой истории добыча соли и ее продажа за пределы страны составляли государственную монополию.

Возникновение единого исламского государства способствовало образованию общего внутреннего рынка, простиравшегося от Испании на Западе и до западных границ Индии на Востоке. Купеческие караваны двигались по всей этой огромной территории, не встречая на пути таможенных барьеров или каких-либо иных препятствий. Лишь с IX века, по мере распада Халифата на отдельные независимые области со своими правящими династиями, начали возникать некоторые трудности для осуществления международных и внутренних коммерческих предприятий.

Законность доходов от торговли никогда не ставилась под сомнение в исламе. Ведь многие сподвижники Пророка были торговцами, да и сам Пророк принимал участие в торговых операциях. Особенно ревностные в вере, склонные к аскетизму люди задумывались над вопросом о пределах дозволенного в обретении материальных благ путем торговли, но для большинства мусульман торговля, как и всякое профессиональное занятие, никогда не считалась чуждым правоверию.

На всех этапах истории Халифата, особенно начиная с IX века, торговля повсеместно процветала в исламском мире.

Арабские завоевания привели к некоторому изменению направления торговли сельскохозяйственными продуктами, и, если прежде продукты питания направлялись из Египта в Константинополь, то теперь их отправляли в священные города Аравии или в соседние области империи. Таким образом, сельское хозяйство не пострадало от изменения политической карты Ближнего и Среднего Востока.

Широкие торговые отношения между провинциями Халифата и интенсивный культурный обмен привели к росту старых и образованию новых, лежавших на торговых путях, центров товарного производства и торговли — больших городов с сотнями тысяч жителей, по своим размерам на много превосходивших средневековые города Европы. Крупнейшими среди них были в Ираке — Багдад, Куфа и Басра, в Сирии — Дамаск и Антиохия, в Египте — Фустат и Александрия, в Северной Африке — Кайраван и Фес, в Иране — Шираз, Исфахан, Рей, в Хорасане — Нишапур и Мерв, в Мавараннахре — Самарканд и Бухара.

С ростом внутренней и международной торговли купец становится все более важной и заметной фигурой в жизни города. Ему противостояло хищное и безответственное сословие чиновников и наемников-гвардейцев, военачальники которых, иногда в союзе с духовенством — знатоками юридических наук и мусульманского права, все более оттесняли на второй план торговую аристократию. Любопытно, что в средневековых хрониках жизнеописания улемов, чиновников и военачальников занимают значительное место, в то время как биографии крупных торговцев встречаются довольно редко. Тем не менее, именно расцвет торговых отношений оказал решающее влияние на экономическое развитие стран Хали-

фата до его распада в конце IX и в начале X века, и масштабы торговых сделок в мусульманском государстве на много превосходили торговые операции в средневековой Европе.

Существовали какие-то корпоративные формы организации. Торговцы находились под государственным контролем, подобно гильдиям позднесредневековой Европы, и их ассоциации играли существенную роль в общественной и частной жизни своих членов. Позднее некоторые такие ассоциации стали облекаться в религиозную форму суфийских братств, что позволяло им противостоять враждебным силам, готовым посягнуть на их имущество и саму жизнь. Торговцы гордились принадлежностью к определенной корпорации. При уплате налогов военной администрации эти ремесленные и торговые корпорации могли совместно противостоять феодальному произволу. Члены ремесленно-торгового объединения (“синф”) коллективно выплачивали налоги, а при собирании их устанавливали справедливые, равные для всех правила. В них шла какая-то совместная культурная жизнь с праздниками, шествиями и молениями.

Были специальные, назначавшиеся полицией и исполнявшие свои обязанности под наблюдением судий (кадиев) чиновники, которые несли ответственность за соблюдением правил торговли. Первоначально их именовали “главами рынка”. Со временем их функции расширились и их стали называть “мухтасибами”, то есть чиновниками, ответственными за “хисба” (букв. “счет, расчет” и “воздаяние на небесах”), то есть обязанными поощрять “хорошее” и препятствовать совершению “дурного”. Они должны были следить за соблюдением всех правил общественной морали, профессиональной этики и за поведением мусульман. Им вменялось в обязанность контролировать правильность мер и весов, дабы уберечь потребителей от обмана, а в голодное время — от незаконного повышения цен. В XI веке

на арабском Востоке появились специальные руководства, определявшие функции “мухтасибов”.

В среде торговцев четко различались два слоя: мелкие торговцы и купцы (“таджир”, мн. “туджар”), занимавшиеся крупной коммерцией. Все ввозимые иноземные товары размещались в специальных складах, “фундуках”, и после уплаты пошлины государству передавались для продажи в руки местных мелких торговцев. Крупным купцам обычно не разрешалось самостоятельно выходить на внутренний рынок.

Через области Халифата проходили международные трансконтинентальные торговые пути, соединявшие страны Средиземноморья и Южной Европы с Индией и Дальним Востоком. На этих путях были расположены большие города, служившие перевалочными и обменными пунктами для крупной оптовой торговли. К сожалению, о масштабах торговых операций мы можем судить лишь косвенно и главным образом по данным из обширной географической литературы и из многочисленных полуфольклорных описаний дальних заморских путешествий. При Аббасидах одним из главных центров международной торговли был Багдад, уступивший в XI веке пальму первенства Каиру.

Большое развитие в Халифате получила морская торговля. Главными портами для заморских торговых операций служили Басра и Сираф. Торговые корабли отправлялись из Басры (точнее из басрийского порта Обуллы) в Персидский залив или из Сирафа с заходом в Оман и Аден на побережье Аравии к берегам Восточной Африки и к острову Занзибар. Двигаясь на Восток, они достигали Индии, Малайи, островов Индонезии и Китая (Кантон). Со своей стороны, индийские и китайские купцы время от времени посещали порты Халифата, а чаще прибывали на Цейлон или к портам Малайского архипелага, где встречались с мусульманскими купцами и об-

менивались с ними товарами. После беспорядков в Китае в конце IX века, сопровождавшихся мусульманскими погромами в Кантоне, эти промежуточные места встречи стали играть важную роль.

Торговля со странами Европы приняла широкие размеры лишь с XI века, а торговле с Византией постоянно препятствовали войны. Тем не менее торговые операции с Византией не прекращались никогда. Существовали и широкие торговые связи с хазарами (в столице которых Итиле находилась мусульманская колония), тюркскими кочевниками и Русью.

Привозимые в Багдад заморские товары частично раскупались халифом и придворной аристократией, но большая их часть отправлялась в порты Сирии и Египта и предназначалась для продажи в христианские страны Средиземноморья, а остальные шли по суше и морем в Константинополь, а оттуда развозились по странам Восточной Европы и в византийскую Италию. Часть товаров перевозили по суше в города Мавараннахра, знаменитого центра международной торговли, и далее по шелковому пути в Китай. Из Европы в мусульманские страны ввозились изделия из кожи, пушнина, лесоматериалы для кораблестроения, железо для изготовления оружия. По Индийскому океану также доставлялось тиковое и каштановое дерево, использовавшееся при строительстве кораблей, а из Африки особенно ценные породы дерева и слоновая кость. Процветала и работоторговля. Рабов привозили из Черной Африки, особенно с острова Занзибар (ар. "Зандж"), Восточной Европы и тюркской Центральной Азии. Не последнюю роль в торговле живым товаром играли венецианские работоторговцы.

Европа ввозила из стран исламского мира не только предметы роскоши, специи и продукты питания (например, финики и соль), но и товары, необходимые для фабричного произ-

водства, например квасцы из Египта. Как для европейских, так и для мусульманских купцов смысл торговли состоял в игре на различии цен в странах востока и запада. Проблемы завоевания рынков или конкуренции в средние века не было. Баланс импорта и экспорта товаров постоянно сохранялся, и все расчеты велись в наличных деньгах.

В торговле мусульманского востока участвовали купцы всех религиозных и национальных групп: мусульмане, христиане, евреи и зороастрийцы. Так, в торговых операциях в Индийском океане ведущая роль принадлежала персам и арабам, а за пределами Индийского океана доминировали евреи и христиане, перевозившие свои товары на кораблях мусульман. Торговля со странами запада по традиции находилась в основном в руках южно-итальянских и венецианских купцов и евреев из Испании и Южной Франции, прославившихся своей предприимчивостью. Обширные сведения о еврейской торговле между странами запада и востока содержатся в материалах каирской генизы (места хранения в синагоге документов священного и светского содержания).

В X-XI веках отсутствие прочной власти в Халифате и войны в его восточных провинциях, а также торговая политика Фатимидов и усиление итальянских городов способствовали изменению торговых путей в Индийском океане. Важным центром на пути между морями Красным и Средиземным стал Йемен. Торговые пути с Южной Италией пошли через Магриб, а в VIII-IX веках — через Испанию. Через Испанию везли главным образом наиболее ценные предметы и продукты небольшого веса: специи (особенно перец), благовония, наркотические вещества, драгоценные камни и жемчуг, а также привозимые из Китая тонкие ткани из шелка.

Во время Крестовых походов торговлю по Средиземному морю контролировали в основном христианские купцы, а с

Африкой и Азией вплоть до португальских открытий — мусульманские. Операции совершались в Египте, который служил перевалочным пунктом для товаров, и в Сирии, причем мусульманские и еврейские купцы держали в своих руках торговлю Азии со странами Средиземного моря.

Ремесленники и торговцы одной профессии обычно располагались, как и в европейских городах, в отдельном квартале, причем средневековый мусульманский город развивался как конгломерат закрытых, а порой даже враждебных друг другу районов, иногда разделенных стенами с запиравшимися на ночь воротами, а иногда пустошами или руинами разрушенных сооружений.

Некоторые кварталы заселялись по национальному или религиозному признаку. Например, квартал аль-Карх в Багдаде был населен почти только шиитами. Исключение составляли поставщики предметов питания, которые проживали в больших городах во всех кварталах. В центре города, близ большой мечети, обычно располагались поставщики текстильных товаров с центральными складами, большими лавками и крытым базаром. Тут же обычно сидели менялы и золотых дел мастера. Около городских ворот находились рынки для торговли с кочевниками, а также “фундуки” или каравансарай для хранения товаров и торговли с иноземными купцами.

По обе стороны улиц обычно сооружались дома без окон, в которых горожане держали свою собственность, здесь же находились их семьи. Обитателей дома нельзя было увидеть снаружи, единственная открытая для воздуха его часть была обращена ко внутреннему дворику или к проходу на крышу, где жители проводили жаркие южные ночи.

Разумеется, в каждом городе были какие-то формы хозяйственной администрации, в функции которой входило наблюдение за исправностью проезжих дорог, источниками водо-

снабжения и очистки города от мусора. Была и полиция, которая наблюдала за благонаравием горожан, порядком и охраняла покой жителей.

Богатый горожанин жил в окружении большого количества слуг и имел одного или нескольких невольников. Рабы в основном использовались для домашних услуг в качестве ремесленников, но почти никогда не работали в сельском хозяйстве. Арабский средневековый фольклор полон рассказов о нерадивости рабов и их своенравии, к которому хозяева часто относились с известной долей юмора. На службе у халифата или иных высокопоставленных персон они могли достичь высокого положения. Именно так происходило со многими тюркскими и африканскими рабами, из которых комплектовались отряды придворной гвардии. Иногда их назначали управляющими имениями, а иногда их судьба трагично складывалась, их кастрировали и помещали евнухами в гаремы. Дети от рабынь-наложниц и их хозяев обычно получали свободу, так же как и сами рабыни после смерти их господ.

Смешанные браки и внебрачные отношения рабовладельцев с их рабынями возможно объясняют сравнительно слабое распространение расовых предрассудков в средневековом исламском обществе, да и сами халифы часто были плодами подобных связей.

Глава 6

Арабы и халифат во второй половине IX века

Аль-Мутаваккил Восстановление суннитского правоверия

Во второй половине IX века во внутренней жизни Халифата наметился решающий перелом. В 847 году взбунтовавшиеся гвардейцы убили аль-Васика, и власть перешла в руки ставленника тюркских военачальников, брата аль-Васика — Джа'фара, вступившего на трон под именем аль-Мутаваккила (847-861). Уже в первый год своего правления аль-Мутаваккил был вынужден коренным образом изменить религиозную политику своих предшественников и, в отличие от Ма'муна и его преемников, больше не оказывать покровительства философам и богословам-мутакаллимам. Небольшая группа мусульманских интеллектуалов, которую традиционная часть исламского общества постоянно подозревала в ереси, была не в состоянии оказать сколько-нибудь серьезную поддержку предшественникам аль-Мутаваккила, и тем приходилось опираться на

преторианскую гвардию сперва в Багдаде, а позднее, после 836 года, и в самом халифском дворце в Самарре. Гвардейцы вскоре осознали, что халиф не обладает реальной силой и предпочли считать своими лидерами не его, а того или иного из своих военачальников.

Аль-Мутаваккилу пришлось учесть опыт своего предшественника и считаться с тем, что авторитет халифской власти в государстве упал, а чиновники и военачальники, борясь за власть, все больше вмешиваются в государственные дела. Понимая, какую опасность для правящей династии и для него самого представляют неуправляемые и склонные к политическим авантюрам тюркские гвардейцы, аль-Мутаваккил стал лихорадочно искать способ избавиться от их насильственной опеки и попытался найти опору в консервативных кругах общества. Поэтому в последней судорожной попытке восстановить утраченное положение династии халиф решил принять сторону популярной в народе консервативной теологии и отверг насаждавшуюся его предшественниками элитарную мутазилитскую догматику, к которой ни он, ни его преемники больше никогда не возвращались.

Халифы аль-Мансур и Харун ар-Рашид всячески стремились сохранить известное равновесие между требованиями исламского фундаментализма и теми разнообразными культурными традициями, которые превносились в жизнь Халифата интеллектуалами из числа вновь обращенных мусульман. Так они рассчитывали сохранить мир в империи и укрепить свою власть. Аль-Ма³мун нарушил это равновесие, выступив в поддержку сравнительного узкого круга приверженцев греческой философской мысли и попытавшись основать исламскую догматику на непонятных для широкого круга верующих рационалистических философских основах. Тем самым он нарушил неустойчивый баланс сил и вызвал против себя гнев традиционали-

стов. Аль-Мутаваккил же, вместо того, чтобы восстановить этот баланс, попытался переориентироваться на традиционный ислам в его самых крайних формах и истребить всякое проявление религиозного свободомыслия, надеясь таким образом укрепить пошатнувшуюся власть аббасидской династии и предотвратить неизбежный распад империи. Разумеется, успеха эта политика принести не могла.

Аль-Мутаваккил решительно осудил один из главных му'тазилитских тезисов о "сотворенности" Корана, равно как и вообще всю рационалистическую теологию — "калам", и запретил какие-либо дискуссии по поводу символа веры. Для пропаганды традиционного вероучения он призвал некоторых факихов консервативного толка публично отвергать в своих проповедях все положения доктрины му'тазилитов и других сторонников тезиса о "свободе воли". Он приказал в торжественной обстановке произвести перезахоронение праха Ахмада Ибн Насра аль-Хуза'и, казненного по приказу халифа аль-Васика за отказ признать му'тазилитскую доктрину, а через некоторое время сместив главного кади Ахмада Ибн Аби Ду'ада, велел заточить его в тюрьму, где он и умер в 854 году. По совету Ахмада ибн Ханбала на пост главного судьи был назначен традиционалист Ибн Ахтам. Сам же Ахмад ибн Ханбал от предложенного ему поста судьи отказался, сославшись на возраст, и в 855 году умер.

Рационалистическое направление в исламе после 847 года стало предметом интересов и занятий лишь небольшого числа исламских интеллектуалов. В результате суннитский ислам оказался на долгое время лишенным каких-либо рационалистических подходов, которые отныне были присущи лишь шиитским теоретикам.

Гонения на му'тазилитов отразились и на положении Алидов. Со времени непродолжительного союза аль-Ма'муна с

Али ар-Рида, столь трагически завершившегося для последнего, Алиды не пользовались благосклонностью властей, однако репрессиям не подвергались. А при аль-Мутаваккиле их стали жестоко преследовать. В 850 году аль-Мутаваккил приказал собрать в Самарре всех проживавших в Багдаде Алидов, присоединить к ним вызванных из Египта членов рода и сослать их в Медину. Некоторые, находившиеся в Египте, Алиды пытались уклониться от исполнения этого приказа, за что были жестоко наказаны. Позднее, сменивший аль-Мутаваккила халиф аль-Мунтасир (861-862) отправил в Египет специальный указ, запрещавший остававшимся там Алидам арендовать государственные земли, покидать пределы египетской столицы, ездить верхом на лошадях, держать более одного раба, давать в суде свидетельские показания. И хотя этот указ никогда не исполнялся, он может служить примером отношения аль-Мутаваккила и его преемников к мусульманской аристократии.

В 851 году аль-Мутаваккил открыто выразил свое враждебное отношение к шиитам. По его приказу шиитская святыня, могила Хусайна в Кербеле, была осквернена, и халиф запретил паломничество к ней. Десятый шиитский имам аль-Хади был насильственно перевезен из Медины в Самарру, где в 868 году и умер. Халиф распорядился наказывать смертью всякого, кто осмелится оскорблять сподвижников Пророка и первых трех праведных халифов. Он старался общаться только с яркими ненавистниками Али. Рассказывали, что один из них имел обыкновение всячески поносить четвертого праведного халифа. Кривляясь и паясничая, он засовывал под одежду подушку и, обнажив лысый череп, пускался в пляс, припевая: "Вот идет лысый пузан, халиф правоверных", имея в виду Али.

Приняв решение возвратиться к консервативной версии ислама, аль-Мутаваккил стал преследовать сторонников других

философско-религиозных учений, в первую очередь христиан-несторичанцев, которых изгнали из диванов. Дружеский и просвещенный диалог между исламом и христианством сменился ожесточенной полемикой. От времени аль-Мутаваккила сохранились два сочинения, содержащие нападки на иноверцев, в первую очередь христиан: труд уроженца Мерва, перешедшего в ислам христианина Абдаллаха ат-Табари (не путать с известным арабским историком Ибн Джариром ат-Табари), написавшего в 855 году по просьбе аль-Мутаваккила “Книгу о религии и империи” (Китаб ад-дин ва-д-даула), заслужившую одобрение халифа, и трактат аль-Джахиза “Отвержение христиан”. Основываясь на истолковании соответствующих мест в Коране, эти авторы обвиняли христиан и иудеев в том, что они исказили священные книги, и объясняли, как они это сделали. Однако при этом мусульманские писатели вынуждены были признать, что проповеди Мухаммада явились завершением иудео-христианского откровения.

В ответ на высказанные в этих сочинениях обвинения, христиане, со своей стороны, указывали, что ни в Ветхом, ни в Новом Заветах не было никаких указаний на пришествие нового пророка. Таким образом, полемика, связанная с толкованием священных текстов, приняла идеологический характер. В этих спорах исламские теологи высказывали не только свои взгляды на роль и место Иисуса Христа, но оперировали множеством трансформированных в ближневосточном фольклоре легенд. Это обстоятельство, равно как и путаница в Коране по поводу двух Марий (сестры Моисея и матери Иисуса Христа), давало христианам обильный материал для аргументации в спорах с их противниками. Многие темы антихристианской полемики со временем стали постоянными, и такие позднейшие теологи, как Ибн Хазм (умер в 1064 г.) и аль-Газали (умер в 1111 году), обладавшие глубочайшими познани-

ями в области догматики враждебной стороны, могли цитировать священные книги иудеев и христиан столь же свободно, как и Коран.

Позднейшие суннитские и шиитские историки трактовали действия аль-Мутаваккила в первую очередь как результат его личных религиозных убеждений. В действительности его побуждало к ним политическое положение в стране. Это хорошо понимал аль-Джахиз, который был не столько профессиональным теологом, сколько писателем и эссеистом. Как он справедливо отмечал, источник религиозного ожесточения аль-Мутаваккила и его нетерпимости следовало искать в первую очередь в самой исторической ситуации, в частности в положении халифа, зажатого между своим ближайшим советником аль-Фатхом ибн Хаканом, верховным кади — традиционалистом Ибн Ахтамом и тюркскими эмирами, в результате чего он быстро утрачивал остатки политической власти в империи. Аль-Джахиз обратил внимание и на социальный аспект ситуации. Он отметил, что христиане более образованы и богаты, ездят на охоту, играют в поло и носят более красивую одежду, что производит впечатление их превосходства и, тем самым, унижает мусульман. Это и создает условия для религиозных конфликтов. Аль-Джахиз доказывал, что для подобного чувства униженности у мусульман нет никаких оснований и что их религиозное превосходство совершенно очевидно.

В 853 году аль-Мутаваккил издал указ о восстановлении старинных дискриминационных мер против христиан и иудеев, обычно в последние годы не применявшихся. Было предписано надзирать за соблюдением правил в отношении поведения и одежды иноверцев. Иноверцам было запрещено занимать какие бы то ни было должности в администрации и изучать в школах арабский язык, что должно было, по мнению халифа,

воспрепятствовать их проникновению во властные структуры и отделить их от мусульман. Установленной еще при халифе аль-Махди михне были приданы другие функции. Теперь михна должна была не только преследовать мусульман, которых подозревали в манихействе, зороастризме или в том, что они исповедуют учение “дахрия” (так именовалась секта, члены которой верили в извечность материального мира (“дахр”)), но также следить за деятельностью религиозных меньшинств.

В Египте, где еще со времен Омейядов практиковались различные строгости и ограничения в отношении христиан, ситуация еще более обострилась. Особенно тяжелым оказалось положение коптских христиан в IX веке, когда началась интенсивная миграция бедуинских племен в страну. Центры коптского христианства, монастырские общины и обители в пустыне подвергались жестокому разграблению, и монахи вынуждены были превращать свои монастыри в крепости, а власти не принимали никаких мер, чтобы их защитить. В результате такой политики Египет все более исламизировался, а христиане были сведены до положения бесправного религиозного меньшинства.

Отказавшись от религиозной политики своих предшественников, аль-Мутаваккил продолжал их строительную деятельность. Грандиозный дворец в Самарре, созданию которого халиф уделял столь большое внимание, дорого обошелся казне. Однако, опасаясь за свою жизнь, аль-Мутаваккил однажды решил вовсе покинуть свою резиденцию и приказал соорудить к северу от Самарры новый город, названный по его имени “Джаффария, где построил дворец, мечеть и казармы, стоившие казне, по свидетельству хронистов, много денег.

Не доверяя окружавшим его людям, аль-Мутаваккил оказался одним из немногих аббасидских халифов, пытавшихся управлять страной без официально назначенного вазира. Фун-

кцию его ближайшего помощника и советника выполнял славившийся своей образованностью, преданный халифу и опытный администратор аль-Фатх ибн Хакан, которого часто, вероятно не вполне справедливо, арабские историки называли интриганом и доносчиком. В окружении аль-Мутаваккила было много тюркских военачальников, занимавших высшие посты в придворной иерархии, и аль-Фатх ибн Хакан в значительной мере противостоял их влиянию, за что, возможно, и заслужил неприязнь многих своих современников.

Аль-Фатх ибн Хакан принадлежал к знатной тюркской семье из Ферганы. Его отец возглавлял тюркских солдат из Мавараннахра, составлявших личную гвардию халифа аль-Мутасима. Аль-Фатх попал к аббасидскому двору в возрасте шести лет в роли товарища по детским играм будущего халифа. Поэтому он воспитывался вместе со своим сверстником аль-Мутаваккилем и позднее стал его другом и помощником во всех государственных делах. Сначала аль-Мутаваккил назначил его надзирающим за строительными работами в Самарре, а в 856 году правителем Египта, сместив с этого поста своего собственного сына, впоследствии халифа аль-Мунтасира, чего тот никогда не мог простить ни отцу, ни его другу.

Просвященный помощник аль-Мутаваккила был большим меценатом, в его дворце часто бывали ученые, писатели и поэты, в том числе аль-Джахиз и знаменитый поэт, аббасидский панегирист аль-Бухтури (821-897), филолог и историк ас-Саблаб (815-904) и другие. В доме у аль-Фатха была обширная библиотека, которую любили посещать ученые и теологи из Басры и Куфы. Он был страстным, “книголюбом”, и легенда повествует, что всякий раз, даже тогда, когда он выходил по какой-либо причине из-за стола халифа, он извлекал из рукава или из туфли какую-либо рукопись и читал ее до тех пор, пока не

возвращался к столу. Сочинял он и стихи и прозу. Погиб аль-Фатх трагически, пытаясь своим телом заслонить от кинжала убийцы своего друга и покровителя.

Аль-Мутаваккил, как и другие аббасидские правители его времени, очень серьезно относился к поддержанию своего авторитета путем строгого соблюдения внешней атрибутики. В соответствии с древнеиранскими обычаями торжественные аудиенции во дворце давались в форме установленного церемониала, который лишней раз должен был подчеркнуть величие халифской власти. Праздники халифской семьи отмечались во дворце с необыкновенной пышностью. Одним из впечатляющих, отмеченных историками торжеств был праздник, устроенный халифом в связи с днем обрезания его любимого наследника аль-Мутазза.

Создавая придворную гвардию из наемников и рабов, халифы преследовали цель получить военную силу, обязанную своим возвышением лично им, чуждую местному населению и готовую безжалостно подавлять любые мятежи и волнения в империи. Но щедро оплачиваемая гвардия гулямов со временем настолько усилилась, что стала диктовать свою волю самому халифу и сделала его игрушкой в своих руках. Армия наемников стоила дорого. А между тем возможности для ее содержания сократились, и, как сообщают источники, стоимость жизни в IX веке значительно возросла. Некоторые военачальники стали требовать, чтобы им было предоставлено право прямого управления провинциями, где они могли бы содержать свое войско за счет увеличения собираемого с жителей налога. Недовольство армии вылилось в целую серию государственных переворотов.

Жертвой дворцовых заговоров пал сам аль-Мутаваккил, которого, не без содействия одного из его сыновей, будущего халифа аль-Мунтасира гвардейцы убили в его собственном

дворце. Таким образом, смерть аль-Мутаваккила была делом рук тех самых гвардейцев-тюрок, которые, убив его брата, привели его к власти.

Аль-Мутаваккил назначил своим преемником не старшего сына аль-Мунтасира, а младшего отпрыска от любимой фаворитки, греческой наложницы — аль-Му^стазза, что вызвало недовольство эмиров. Тюркские военачальники решили поддержать аль-Мунтасира, предварительно заручившись его обещанием управлять государством, строго сообразуясь с их интересами, а аль-Му^стазза заточили в тюрьму. Однако вскоре между новым халифом и гвардейцами возникла ссора. Аль-Мунтасир, видимо, не сумел, или не захотел выполнять их волю и спустя шесть месяцев был ими убит.

Смерть аль-Мутаваккила положила начало целому десятилетию кровавых смут и дворцовых переворотов, во время которых тюркские эмиры назначили и низвергали халифов. Эта чехарда была результатом борьбы за власть, которая разыгралась между различными придворными и гвардейскими кликами. За десять лет с 861 по 870 год на престоле сменилось четыре халифа, из которых по крайней мере трое умерли насильственной смертью. Это были аль-Мунтасир (861-862), аль-Му^ста^син (862-866), аль-Му^стазз (866-869) и аль-Мухтади (869-870).

Свергая аль-Мунтасира, тюркские военачальники, видимо, решили действовать более осмотрительно и не доверять обещаниям претендента на престол. Они возвели на трон сына аль-Му^стасима — аль-Му^ста^сина. Но этот выбор не был сделан ими единодушно. Часть военачальников сочла, что новый халиф не обладает нужными им качествами и отказались его поддержать. Противники аль-Му^ста^сина изгнали его из Самарры в Багдад, вызволили из тюрьмы аль-Му^стазза и провозгласили его халифом. Таким образом, возникло двоевла-

тие, один халиф находился в Багдаде, а другой — в Самарре. В 865 году тюркские сторонники аль-Му^ттазза двинулись на Багдад.

С полным основанием опасаясь грабежей со стороны приближавшегося тюркского войска, имевшие богатый и горький опыт междоусобиц горожане решили оказать сопротивление. Осада города сторонниками аль-Му^ттазза продолжалась около года (865-866), причем оборону возглавили тахиридские эмиры, стоявшие во главе полиции. Они сумели объединить вокруг себя горожан всех конфессий и соорудить прочные защитные укрепления. За время осады и боев предместья города сильно пострадали. Некоторые районы были совершенно разрушены. В конце концов багдадцы вынуждены были капитулировать. Аль-Муста^тин отрекся от престола, но это его не спасло, и он был убит.

Но и аль-Му^ттаззу не было суждено долго оставаться у власти. Утратив за три года правления благорасположение тюркских гвардейцев в Самарре, он был схвачен, избит, его заставили отречься от престола (это было необходимо для придания видимой законности переходу власти к другому члену правящей династии), а затем убит.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю жителей Багдада, и отсутствие в городе стабильной власти оказали влияние и на положение дел в провинциях. Все десятилетие было временем беспрецедентного произвола провинциальных эмиров и чиновников, полностью вышедших из под контроля центральной власти и облагавших жителей вверенных им владений огромными налогами в свою пользу, что давало им возможность создавать свою собственную армию. Разумеется, в сложнейшей обстановке, государственная казна ничего из провинций не получала.

После убийства аль-Му^ттазза и шестимесячного правления его преемника аль-Мухтади (869-970) на престол

вступил брат аль-Му^ттазза, другой сын аль-Мутаваккила — аль-Му^ттамид, которому суждено было продержаться у власти более двадцати лет (870-892). Молодой халиф был слабой фигурой, может быть это и обеспечило ему долгое царствование. С самого начала он считал за лучшее разделить управление государством на две части, что, символически, положило начало будущему распаду империи. Своему сыну Джа^ффару он пожаловал западные провинции, включавшие Ифрикию, Египет и Сирию, а эмиром Ирака, Ирана и Аравии он назначил своего брата аль-Муваффака, который стал фактическим правителем всего востока и которому через некоторое время неспособный руководить государством халиф, возможно вопреки собственной воле, полностью доверил всю власть, избрав для себя резиденцией Самарру, откуда редко выезжал.

В качестве регента аль-Муваффак (умер в 891 г.) вскоре стал фактически неограниченным правителем Халифата. Энергичный и деятельный руководитель, он поставил перед собой задачу укрепить авторитет центральной власти, добиться восстановления порядка в провинциях и подчинения их Багдаду. Он начал с того, что навел порядок в самой столице, где в условиях государственной смуты бесчинствовал плебс, грабивший имущество зажиточных горожан. Кроме того, на его долю выпала тяжелая задача по ликвидации восстания занджей и война с Саффаридами, династией, захватившей власть в восточных провинциях империи.

Восстание занджей

Потребность в рабах в общественном производстве стимулировала весьма оживленную работоторговлю. Особенно интен-

сивно использовался труд рабов в Нижнем Ираке. Крупные землевладельцы владели здесь поместьями, на которых выращивался сахарный тростник и хлопок и где шла большая работа по осушению болот и проведению каналов, предназначенных для искусственного орошения. На плантациях трудились исключительно чернокожие рабы, привозимые арабскими и персидскими купцами с восточного побережья Африки и с острова Занзибар (ар. "Зандж"), откуда и произошло их наименование "занджи". Часть плантаций принадлежала государству. Условия работы были каторжными. Надсмотрщики обращались с рабами жестоко, а полуголодное существование и болотная лихорадка убивали их сотнями. Особенно большое скопление рабов на плантациях было в районе Басры и в иранском Хузистане.

В 869 году вспыхнуло большое восстание занджей. Некий Али ибн Мухаммад, утверждавший, что он ведет свое происхождение от Али и Фатимы, провозгласил себя халифом в районе, занятом повстанцами, приказал молиться за него в мечетях как за суверенного государя и даже чеканить монеты с его именем. Он объявил себя "скрытым имамом", собрал в окрестностях Басры около 15 тысяч рабов и объявил, что явился, чтобы улучшить их положение и сделать их владельцами имущества и рабов. Арабские средневековые историки с презрением отвергали "алидскую генеалогию" Али ибн Мухаммада и мало что сообщали об идеологии, которая стояла за волнениями занджей. Занджи не создали особой секты и поэтому их действия не нашли отражение в трудах арабских ересеографов.

Историк ат-Табари довольно подробно описывает ход восстания, но почти ничего не говорит об его идейном содержании. Рабы плохо разбирались в идейных основах, на которых покоились проповеди Али ибн Мухаммада, как правило они его

даже плохо понимали, ибо арабского языка не знали. Из источников следует, что Али проповедовал некую крайнюю форму хариджизма, родственную азракизму, согласно которой смерть предопределялась всем, в том числе и другим мусульманам, и даже их семьям, отвергавшим хариджитское понимание ислама.

В средневековом исламе хариджизм был удобным ярлыком для описания всякого социального движения и даже для чистой анархии. Недовольство безграмотных занджей было вызвано социально-экономическими, а не идеологическими или тем более теологическими причинами. Они были голодны, озлоблены и охотно шли на самый страшный разбой. Они не ставили себе целью создание свободного от рабства утопического общества, а просто ненавидели своих мучителей и, покинув плантации, предавались грабежам городов и деревень Южного Ирака. При этом они либо не могли, либо не хотели обосновываться в тех областях, которые грабили. Действия халифа против занджей в столь же малой степени были мотивированы идеологическими соображениями, как и действия самих занджей.

В 869 году занджи захватили и разграбили Оболю и Абадан. Последовательно нанеся поражение нескольким выступившим против них правительственным отрядам, они распространили свою власть по всему Хузистану и овладели Ахвазом. В 869 году занджи впервые попытались овладеть Басрой, но, не сумев этого сделать, подвергли страшному опустошению окрестности, убивая землевладельцев и захватывая добычу и оружие. В 871 году им удалось наконец ворваться в Басру, где они, по свидетельству историка аль Мас'уди, убили многих жителей и сожгли большую часть города.

Повествуя о бедствиях, которые обрушились на жителей Басры, современник событий знаменитый арабский поэт Ибн ар-Руми (836-896) писал в одной из своих поэм:

Сколько отцов увидело самого дорогого из сыновей поднятым на острие недремлющего (копья)!
Сколько младенцев было раньше срока отнято от груди острым мечом!
Сколько девушек, девственность которых охраняла печать Аллаха, они (занджи) открыто обесчестили, не бледнея (при этом от стыда).
Сколько целомудренных женщин, сорвав с их лица покрывало они увели в плен.
Они пришли утром — и сколько вытерпел народ от них за день, как будто прошла тысяча лет.

Взятием Басры руководил некий аль-Мухаллаби, один из сподвижников Али ибн Мухаммада. В проповедях азракитского характера и молитвах, которыми сопровождалась грабежи, он проклинал Аббасидов как деспотов и тиранов.

Историк аль-Мас'уди сообщает, что занджи обратили в рабство и увели из города много жителей. По его словам они продавали на рынках арабских женщин знатного происхождения — алидок и курайшиток. Каждый из грабителей владел десятками женщин, находившихся у него в качестве рабынь-наложниц. Постепенно руководители занджей превратились в крупных землевладельцев и рабовладельцев. Обладая большими богатствами и неограниченной властью, они объявили свою деспотию идеальным государственным устройством.

Занджи отрезали Багдад от Персидского залива и этим разрушили морскую торговлю с заморскими странами. В 879 году занджи захватили город Васит и, таким образом, отрезали пути, ведущие из Багдада к Персидскому заливу и прервали нормальный ход речной и морской торговли с заморскими странами (в первую очередь с Индией), приносившей казне большие доходы. Продвигаясь на север, занджи стали угрожать самому Багдаду. Нарушение традиционной торговли по рекам Ирака пошло на пользу главному торговому сопернику Багдада

— правителю Египта Ибн Тулуну, ибо торговые корабли стали избегать беспокойный район Персидского залива, и купцы предпочитали доставлять свои товары к Средиземному морю через порты Красного моря.

Оценив всю опасность сложившейся ситуации, аль-Муваф-фак отправил войско во главе со своим сыном, будущим халифом аль-Му^ттадидом, которое изгнало занджей из Васита.

Подавление восстания занджей заняло полтора десятилетия. Занджи храбро сражались, ибо им нечего было терять, а их главари проявили немалое военное умение. Они не пытались долго удерживать захваченные города, понимая, что это невозможно, но, подвергнув их разграблению, уходили в Нижний Ирак, где находили недоступные убежища в болотах. Они создали укрепленные базы на островах Шат аль-Араба между каналами и густыми зарослями камыша, где расположили свои жилища, склады и куда свозили награбленную добычу. Отсюда же они совершали набеги на купеческие караваны и нападали на речные суда. Халифская армия, отборные части которой состояли из кавалерии, была непригодна для войны в местных условиях, и солдат приходилось пересаживать на лодки, а повстанцев выгонять из болот под градом стрел. При этом на сторону занджей часто переходили чернокожие солдаты из отрядов правительственных войск.

Сначала аль-Му^ттадид пытался справиться с ситуацией сам, однако несколько отправленных им против занджей карательных экспедиций оказались мало эффективными. Дело усложнялось тем, что в 875 году у занджей появился новый союзник в лице правителя Сиджистана Йа^ккуба ас-Саффара (о ас-Саффаре и Саффаридах будет сказано ниже), который возымел честолюбивые намерения захватить власть в Халифате и двинулся с войском на Багдад. Однако здесь в дело вмешался энергичный аль-Муваф-фак. Войско ас-Саффара было разгром-

лено на пути в Багдад, а отряд его наместника в Хузистане, пытавшийся предпринять совместные наступательные действия с занджами, был разбит под Сусом в 876 году. Только теперь аль-Муваффах получил возможность начать массированные операции против занджей. Сперва в 880 году он отправил в поход отряд во главе с собственным сыном, но когда тому не удалось добиться реального успеха, сам в 883 году возглавил армию.

Войско аль-Муваффаха в сопровождении многочисленной речной флотилии из мелких судов, барок и лодок стало медленно продвигаться по протокам и каналам к убежищам занджей. Аль-Муваффах оказался неплохим стратегом и, вместе с тем, умелым дипломатом. Его войско брало укрепленные лагеря занджей штурмом один за другим и, вместе с тем, он сманивал повстанцев хорошим обращением с пленными и обещаниями помиловать всех, кто добровольно выйдет из болот. Наконец, ему удалось пробиться к самой большой крепости и резиденции Али ибн Мухаммада, и он предложил вождю восстания капитулировать и принести присягу халифу в обмен на помилование. Али отказался. Началась длительная осада. В крепости голодали. Наконец в 883 году она пала, Али был убит, а регент с войском возвратился в Багдад, где ему была организована торжественная встреча и где он за победу над занджами удостоился почетного имени ан-Насир ли-дин Аллах (Победитель во имя веры Аллаха).

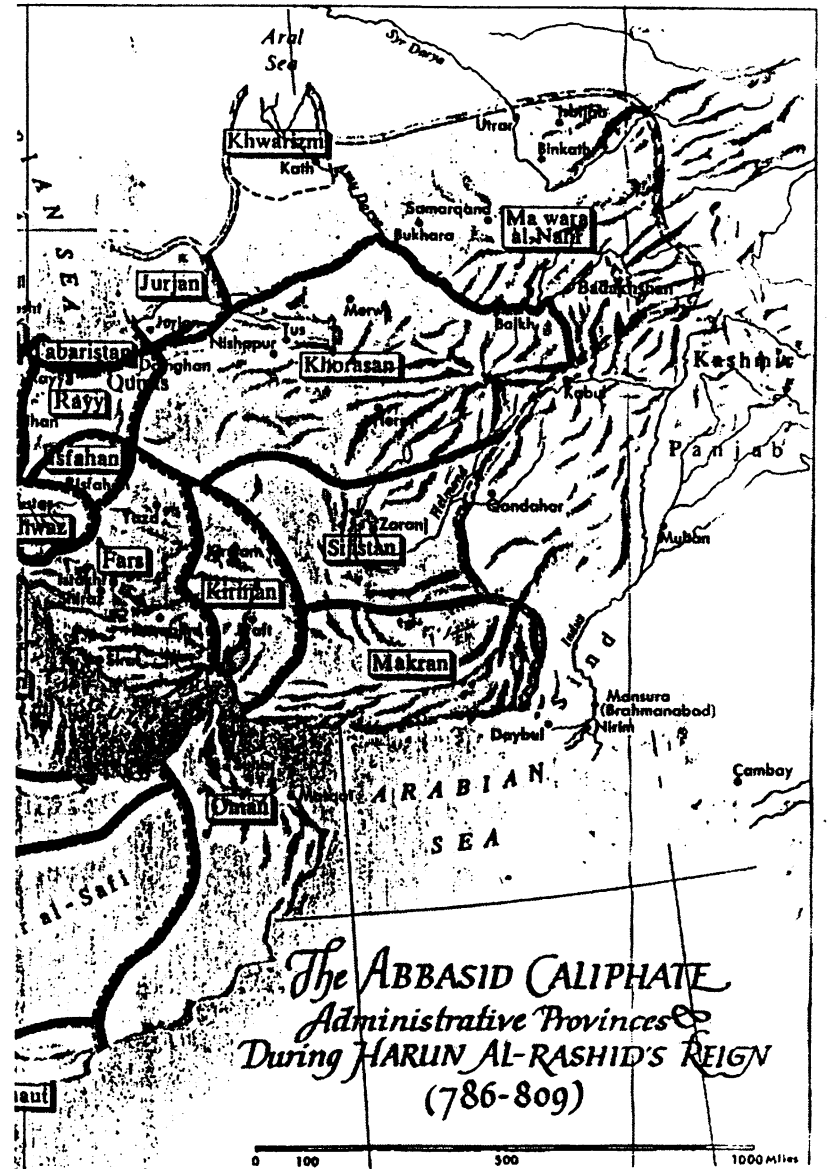
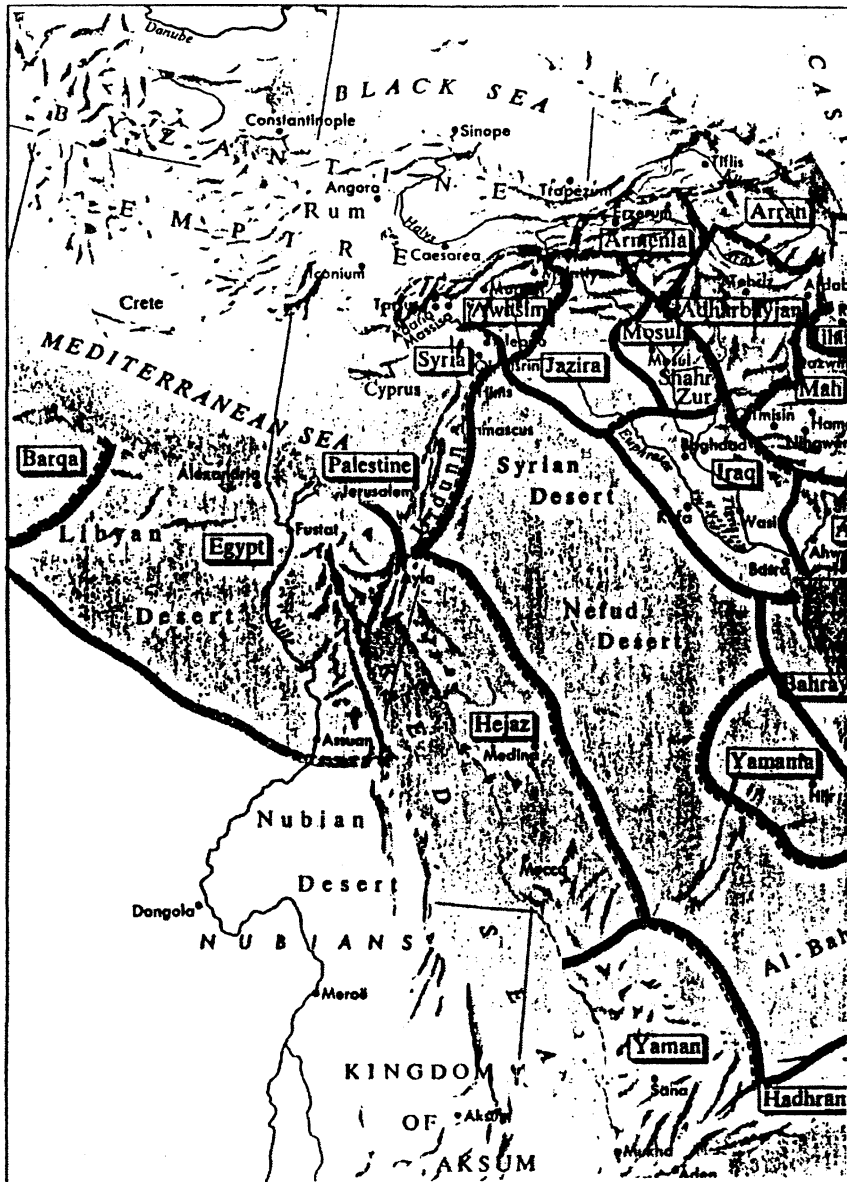
Триумфальная победа аль-Муваффаха над занджами не устранила, естественно, опасности местного сепаратизма, но на несколько десятилетий задержала окончательный распад государства.

Фактический правитель мусульманской империи при бес сильном халифе, аль-Муваффах был требовательным и жестким руководителем. Он не пользовался большой любовью у

подданных Халифата, которых он безжалостно облагал все новыми налогами. Однако жители Ирака были ему благодарны за ликвидацию занджской опасности. Своей главной целью аль-Муваффах положил любыми путями сохранить целостность государства, но добиться этого в полной мере ему не удалось. Его главной опорой продолжали оставаться тюркские военачальники, которых он щедро вознаграждал, пытаясь при этом опереться также и на служивую бюрократию, на мавали и на христианских чиновников, чье влияние при нем заметно возросло. Все они, разумеется, в первую очередь преследовали свои клановые интересы. За спиной халифа аль-Мутаида стояла богатая шиитская верхушка, также обладавшая в стране значительным экономическим и политическим влиянием. Конфликт социальных и религиозных групп часто приводил в Багдаде к различным заговорам, с которыми аль-Муваффах, играя на противоречиях сторон, безжалостно расправлялся. Аресты, конфискации имущества и даже убийства в период его правления были обычным делом.

Распад арабо-мусульманской империи (халифата) в IX-X веках

Во второй половине IX века и первой половине X века в Халифате возросли центробежные тенденции, и началась его постепенная дезинтеграция. Существование многонациональной империи, объединяющей территории с различным экономическим уровнем развития и различными языковыми и культурными традициями населяющих их народов, всегда непрочны и возможно лишь на протяжении ограниченного отрезка времени. Известный швейцарский востоковед Адам Мец (1869-1917) писал "Существование мировых империй всегда обусловлено наличием гениального властелина или особо жесткой касты и во всех случаях противоестественно". Исламское государство не избежало общей участи. Единство этого пестрого образования держалось в первую очередь на военном могуществе центральной власти, как только это могущество было утрачено, начался постепенный распад.

После победы арабов-мусульман общемуусульманская империя (Халифат) сформировалась как единое государство с достаточно четко обозначенной территорией. Повсеместно, в разросшейся до огромных размеров мусульманской общине высшим выразителем коллективной религиозной и политической воли была признана халифская власть, которая со второй половины IX века начала ослабевать. В результате династийных междоусобных войн, начало которым положил конфликт аль-Амина с аль-Ма³муном, и не прекращавшейся борьбы между гражданской администрацией, представленной вазирами и чиновниками с одной стороны, и военачальниками, командирами отрядов наемников и военных клик с другой, начался распад империи на ряд провинций, управлявшихся местными династиями.

В создавшихся условиях правитель империи — халиф, был вынужден разделять власть с местными элитами. Формально подчиняясь центральной власти, провинциальные лидеры фактически отказывались признавать светскую власть халифа над управляемыми ими территориями и уплачивать налоги в общегосударственную казну. А в случаях, когда амбиционные местные правители обладали достаточной военной мощью и, к тому же, могли опереться на господствовавшие в их провинциях культурные и религиозные традиции, они отказывались признавать халифа и как религиозного лидера. Огромная территория распадавшейся исламской империи возвращалась в состояние до арабского завоевания. Вновь образовывались обособленные государства, ограниченные естественными географическими пределами, в том виде, в каком они, за исключением коротких промежутков времени, пребывали на протяжении многих столетий своей истории.

Смуты и дворцовые перевороты в столице Империи привели к утрате правящей в Багдаде династией остатков авто-

ритета и влияния как в западных, так и в восточных провинциях Халифата, чему сопутствовали ожесточенные войны между удельными князьями, выходцами из возникавших местных династий. Появилось множество авантюристов из разных слоев общества, которые, объединяя вокруг себя бедноту обещаниями покончить с местной анархией, произволом государственной власти и защитить жителей от разбойников и вымогателей, захватывали бразды правления в свои руки. Очень часто такие движения бедноты принимали форму религиозных войн, особенно если государство оказывалось бессильным им противостать.

Арабы и Халифат в первой половине X века

В 891 году умер брат безвластного халифа аль-Му^тамида (870-892), фактический руководитель государства жесткий и деятельный аль-Муваф^фак, который перед смертью сумел добиться провозглашения своего сына от рабыни-гречанки тем, чем он формально был сам — “вторым наследником” халифа после сына аль-Му^тамида. Однако молодой человек проявил большую ловкость и добился утверждения “первым наследником”, и когда аль-Му^тамид умер, именно он, а не законный наследник, сын халифа, занял трон под именем аль-Му^тадида (892-902). Это произошло не в резиденции аль-Му^тамида в Самарре, а в Багдаде, куда его предшественник перед смертью перевел столицу, и с той поры Багдад оставался столицей Халифата до монгольского завоевания в 1258 году.

Аль-Му^таид вступил на престол в трудное для государства время. Многие провинции империи вышли из подчинения багдадской власти, а казна была пуста. Правда, с помощью опытного вазира Убайдаллаха ибн Сулаймана и военна-

чальника из числа вольноотпущенников Бадра, аль-Муṭтадид сумел подавить восстание в Табаристане и восстановить контроль над провинцией Фарс, где некий Абу Дулаф пытался образовать независимое княжество, а также пресечь попытки византийцев воспользоваться тяжелым положением Халифата и проникнуть в его пределы. Но главной проблемой для него оставалось тяжелое экономическое положение страны. Аль-Муṭтадид прежде всего попытался найти средства для уплаты жалования правительственным чиновникам и, что было для него особенно важно, наемникам с их военачальниками, без которых его власть в государстве была бы эфемерной, как о том свидетельствовал пример многих его предшественников.

С конца IX века багдадским правителям приходилось постоянно балансировать между различными враждебными друг другу религиозными и политическими силами, и аль-Муṭтадид проявлял в этом отношении несомненную ловкость. В начале правления он, в подражание аль-Мутаваккилу, попытался опереться на суннитских традиционалистов и даже в угоду им запретил распространение всяких трудов по “каламу”, а также пошел на уступки ханбалитам в некоторых юридических вопросах. Однако позднее, под влиянием финансовых проблем, он вынужден был смягчить свою политику в отношении мавали и шиитов.

Еще предшественники аль-Муṭтадида завели обыкновение привлекать на государственную службу образованных людей из числа перешедших в ислам христиан. Например, аль-Муваффах принял на службу некоего Саида ибн Махлада из христиан-несториянцев, который потянул за собой множество катибов из числа его бывших единоверцев. И хотя через некоторое время Саид ибн Махлад был отстранен от должности за какие-то провинности, традиция привлечения на государственную службу иноверцев сохранялась. Особенно часто их ис-

пользовали тюркские эмиры, не страдавшие чрезмерным религиозным пуританизмом и ценившие опытных катибов.

Аль-Му^стадид также стал назначать шиитов на высокие должности в государстве и, как сообщают источники, даже имел намерение предать официальному проклятию память ненавистного шиитам Муавии, полагая, что этим жестом он привлечет шиитских лидеров на свою сторону. Но приближенные отсоветовали ему пойти на этот шаг из страха спровоцировать беспорядки среди суннитских жителей столицы. Такая политика аль-Му^стадида в значительной степени была продиктована финансовой ситуацией, поскольку главы шиитских кланов владели огромными богатствами, и халиф вынужден был, для укрепления своего экономического и политического положения, искать с ними компромисса. Поэтому шииты начинают играть все большую роль в жизни государства. И хотя в прошлом они вели интриги против аль-Муваффака в пользу его брата, халифа аль-Му^стамида, ныне, при сыне аль-Муваффака, они были прощены и при этом нередко становились влиятельными чиновниками и даже вазирами.

Так, нуждаясь в опытной финансовой администрации и стремясь положить конец шиитско-суннитским конфликтам в стране, аль-Му^стадид в 892 году назначил одного из шиитских лидеров, члена богатейшего рода Фурат — Ахмада Ибн аль-Фурата — главой казначейства, для чего ему пришлось предварительно освободить того из тюрьмы, куда он был заточен по приказу аль-Муваффака. Ахмад Ибн аль-Фурат был отличным финансистом и у него были большие связи в восточных провинциях империи, и халиф полагал, что он мог благотворно повлиять на ход происходивших там событий.

Исторические хроники рисуют аль-Му^стадида в весьма неприглядном виде. С одной стороны он изображается как невероятный скряга и садист, а с другой — как человек, не

жалевший государственных денег на свои удовольствия и придворные развлечения и тешивший свое тщеславие возведением в Багдаде замечательных архитектурных сооружений. Аль-Мас'уди сообщает о чудовищных пытках, которым по приказу аль-Му'таида подвергались его жертвы. О смерти халифа (в 902 г.), по свидетельству того же аль-Мас'уди, ходило много слухов, в частности в народе говорили, что он был отравлен одной из его рабынь.

Трон аль-Му'таида унаследовал его двадцатидвухлетний сын аль-Муктафи (902-908). Молодой халиф, в отличие от отца, оказался деятельным лидером и за годы своего шестилетнего правления добился, хотя бы на короткий срок, известной стабилизации положения в стране и нормального функционирования государственной машины. Для того, чтобы покончить с открытым казнокрадством и другими злоупотреблениями высших чиновников, он назначил на пост вазира жесткого и решительного человека аль-Касима ибн Убайдаллаха.

Отдавая себе отчет в том, что одной из главных причин отсутствия порядка в государстве было безответственное поведение военщины, аль-Касим прежде всего отстранил от должности гвардейского военачальника — тюрка Бадра. В результате этого решительного акта влияние тюркских эмиров на государственные дела было на какое-то время ослаблено, и проведение всех военных мероприятий оказалось под контролем вазира, который в качестве помощника и советника халифа возглавил как военную так и гражданскую администрацию, иными словами сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти. Деятельность всех ведомств и диванов, всех высших финансовых чиновников в Багдаде и в провинциях на время оказалась под строгим контролем центра, где были собраны все государственные документы, деловая переписка и инструкции, что обеспечивало нормальное поступление в казну

налогов. Одним словом, на короткий срок в империи был налажен нормальный государственный порядок.

Во главе финансового ведомства при аль-Муктафи, как и при его предшественнике аль-Мутадиде, по-прежнему оставались шиитские чиновники, к которым халиф был вынужден постоянно обращаться за финансовой помощью и которые обворовывали казну и присваивали себе значительную часть государственных доходов. Зная о нечистоплотности шиитских банкиров и финансистов, аль-Касим потратил немало сил, чтобы добиться смещения Ахмада Ибн аль-Фурата с поста руководителя финансового ведомства, а когда в 904 году Ахмад Ибн аль-Фурат умер, его брата — Али Ибн аль-Фурата, но так и не сумел добиться своей цели. Смерть аль-Касима в том же 904 году помешала ему до конца разоблачить финансовые махинации братьев, а сменивший его в качестве вазира аль-Аббас то ли не сумел, то ли не захотел продолжать расследования, и Али Ибн аль-Фурат (855-924) продолжал сохранять свой пост управляющего всеми финансами государства.

Некоторых успехов в упрочении власти династии аль-Муктафи достиг в Сирии и Египте, где до того бесконтрольно хозяйничали Тулуниды. Этому способствовали неудачи Тулунидов на военном поприще. Еще в последнее десятилетие IX века в Халифате появилась новая страшная сила — одна из крайних шиитских сект — карматы (о карматах будет сказано ниже). Карматы закрепились в Аравии и Бахрейне и совершали набеги на города и селения Южного Ирака и Сирии. Правившие Египтом и Сирией Тулуниды не смогли оказать карматам существенного сопротивления, и только войско аль-Муктафи в 903 году сумело изгнать их из Сирии. Воспользовавшись слабостью Тулунидов, аль-Муктафи в 905 году отправил войско сначала в Сирию, а затем в Египет. Столица Египта — Фустат была занята, а последние, уцелевшие чле-

ны династии Тулунидов были высланы в Багдад. Таким образом, на время две важнейшие провинции Халифата были возвращены под власть Аббасидов.

Успехи багдадской власти оказались недолговечными, и после смерти в 908 году аль-Муктафи аббасидская империя вновь вошла в период глубочайшего политического и экономического кризиса. Умерший в возрасте 28 лет аль-Муктафи не успел сделать каких-либо распоряжений о наследнике, и вновь началась борьба за власть, на этот раз между его родичами. Дети халифа были еще слишком малы для того, чтобы претендовать на трон, а брату аль-Муктафи — Джа'фару едва исполнилось 13 лет. Был однако еще один претендент, сын бывшего халифа аль-Му'тазза — Ибн аль-Му'тазз, который всю жизнь провел в заточении, так как его, как возможного соперника, опасался правящий халиф. Ибн аль-Му'тазз прославился своими трудами по филологии и был замечательным поэтом. Он несомненно был достаточно квалифицированным и образованным человеком, чтобы исполнять обязанности главы исламского государства, однако по-видимому это обстоятельство более всего пугало вазира и его многочисленных секретарей, которым представлялось, что при малолетнем Джа'фаре у них будет больше возможностей для политического и экономического контроля над страной. Шииитские банкиры рассчитывали, что Джа'фар будет в большей мере покровительствовать шиитам, чем взрослый, сложившийся человек, с четко выраженными просуннитскими симпатиями.

Сторонников Ибн аль-Му'тазза возглавлял периодически назначавшийся на пост вазира Али ибн Иса, полагавший, что только Ибн аль-Му'тазз способен искоренить коррупцию в государстве и спасти его от распада, а сторонников Джа'фара — все тот же Али Ибн аль-Фурат, которого поддержала не только шиитская "партия", но и многие чиновники, опасавши-

еся сильного правителя. В 908 году малолетний Джа^сфар, под именем аль-Муктадир (908-932) был избран халифом, а для контроля над его деятельностью были поставлены опекуны. Всеми этими действиями руководил аль-Аббас, который теперь был назначен вазиром, а своим ближайшим помощником избрал Али Ибн аль-Фурата.

Но приверженцы Ибн аль-Му^ттазз тоже не дремали. Они составили тайный заговор, во главе которого стояли суннитские секретари. Заговорщики сумели схватить аль-Аббаса и убить его, лишь по чистой случайности расправы избежал сам аль-Муктадир. Ибн аль-Му^ттазз был провозглашен халифом. Однако ему удалось продержаться на троне всего один день 17 декабря 908 года. Позднее он даже получил прозвище "однодневного халифа". На следующий день он был предан некоторыми из своих бывших сторонников, схвачен и убит, а халифат аль-Муктадира восстановлен. Правой рукой халифа и вазиром стал Али Ибн аль-Фурат, который принялся яростно преследовать противников аль-Муктадира. Многие из числа тех, кому покровительствовал Али ибн Иса, были наказаны. Тогда же был схвачен знаменитый мистик аль-Халладж, который позднее, в 922 году был обвинен в связи с карматами и казнен.

Халиф аль-Муктадир правил более двух десятилетий (908-932). Это было время крайней нестабильности центральной государственной власти. Сначала халифа-мальчика опекал регентский совет, состоявший из его матери, одного из его дядей и нескольких высокопоставленных лиц из числа придворных. Вазирам предоставлялась почти абсолютная свобода действий во всех государственных сферах. Однако, поскольку их положение в значительной мере определялось политической расстановкой сил в Багдаде, сложившейся в результате борьбы различных придворных групп, за годы правления аль-

Муктадира сменилось 14 вазиров, хотя некоторые из них, такие как Али Ибн аль-Фурат и Али ибн Иса удерживались на этом посту подолгу и занимали его по несколько раз.

Вазиром в Халифате мог стать любой мусульманин, суннит или шиит, в зависимости от того, какие веяния преобладали в тот или иной период. Почти все вазирьы были вновь обращенные, причем некоторые из них приняли ислам незадолго до назначения на столь высокий пост. Несмотря на противоречивые религиозно-политические симпатии и устремления, все вазирьы старались сохранить режим халифской власти, от которого зависело их благополучие и с которым они были связаны даже тогда, когда, подобно шиитам из рода Фурат, считали его незаконным. Вазирьы были людьми весьма опытными, как в административной, так и в финансовой области. Они контролировали поступление налогов с провинций, несли ответственность за подготовку военных экспедиций и вели переговоры с иностранными послами. Обычно они были инициаторами важнейших мероприятий в государстве и часто лишь формально представляли бумаги со своими распоряжениями халифу на подпись. Главнейшей функцией вазиров было наблюдение за состоянием финансов. Без преувеличения можно сказать, что в первые годы правления аль-Муктадира вазирьы держали в своих руках все управление государством.

Следует однако признать, что власть вазиров была велика, но не безгранична, и не случайно они часто оказывались жертвами придворных интриг. Вазир не имел собственной конституированной функции, и все его действия юридически совершались в результате делегирования ему известных полномочий правящим халифом. Непрочность положения вазира обуславливались тем, что он не обладал фактической властью над армией, которую возглавлял эмир-военачальник. В то время как эмир, опираясь на поддержку армии, мог действовать по

своему усмотрению почти совершенно независимо, вазиру приходилось постоянно политиканствовать и добиваться своей цели уговорами, лестью, угрозами и даже подкупом. Всякая его неудача на политическом поприще могла иметь для него трагические последствия, повлечь за собой арест или даже казнь. Не имея в своих руках военной силы, вазиры мало что могли сделать, чтобы воспрепятствовать дезинтеграции государства.

В своей деятельности вафир опирался на многочисленных чиновников-катибов, которые заседали в диванах. Среди них были не только мавали, вчерашние выходцы из христиан, но часто в их среду допускались чиновники, продолжавшие исповедовать другие религии, в частности христианство. Их культурное и интеллектуальное формирование обычно было связано с несторианскими монастырскими школами Месопотамии. Все они трудились с большой энергией, стараясь как можно добросовестней исполнять свои обязанности, дабы угодить главному чиновнику государства — вазиру. Со временем они составили устойчивую социальную группу, со своей профессиональной этикой и культурными интересами. Еще при поздних Омейядах появились первые пособия, предназначенные для начинающих катибов и включающие не только узко профессиональные инструкции и наставления, но и правила хорошего поведения, приличествовавшего образованному человеку, “адибу”. При Аббасидах, число подобных сочинений возросло.

За вафират соперничали, периодически сменяя друг друга, четыре лидера различных религиозно-политических группировок. Во главе шиитской партии стоял способствовавший выдвижению аль-Муктадира на пост халифа, волевой, богатый и корыстный Али Ибн аль-Фурат, трижды занимавший должность вазира и, в конце концов, казненный в результате интриг своих политических противников в 924 году. В годы

своего вазирства он собрал вокруг себя чиновников-шиитов, с помощью которых управлял всеми финансами государства.

Главным соперником Ибн аль-Фурата был просвещенный суннит, умеренный, прагматичный и деловой администратор Али ибн Иса (умер в 946 г.). Часто, из страха рассердить халифа и потерять должность, он не противился расходам на содержание двора и этим наносил казне значительный ущерб. В поисках все новых источников доходов, Али ибн Иса по всякому поводу вводил внеочередные налоги, чем снискал себе всеобщую нелюбовь жителей. Как человек образованный и гуманный, он неодобрительно относился к разжигаемым ханбалитами антишиитским страстям и старался проводить умеренную в отношении шиитов и иноверцев политику.

Третью группировку представлял религиозный суннитский консерватор, тюрок аль-Хакани (умер в 926 г.), поддерживавший ханбалитскую часть законоведов и активно преследовавший шиитское население Багдада. К своим служебным делам, в отличие от Али Ибн аль-Фурата и Али ибн Исы, он не испытывал большого интереса, и годы его вазирства были не лучшими с точки зрения государственного управления. Аль-Хакани имел обыкновение назначать чиновников и вскоре их снимать, что, по свидетельству современников, объяснялось его алчностью, ибо в его время существовало правило, по которому всякий новый чиновник давал определенную сумму в качестве взятки за назначение на должность.

Наконец, четвертую группу представлял амбиционный и беспринципный Ибн Муक्ла (умер в 941 г.). Он был выходцем из низов, очень рано, еще в шестнадцатилетнем возрасте выдвинулся, стал чиновником и достиг высокого положения при поддержке Ибн аль-Фурата. Он трижды занимал пост вазира при первых трех халифах столетия и был готов приспособиться к любым правителям. Рожденный в бедности, он

за годы своего вазирата разбогател, владел роскошным дворцом в Багдаде и, если это диктовалось политической обстановкой, спешил выдать себя за решительного антишиита.

Хотя вазирь при аль-Муктадире были людьми весьма опытными, старавшимися взять под свой контроль поступление налогов с провинций, однако их чиновники постоянно встречали на местах противодействие, а иногда и прямое неповиновение со стороны местных властителей-эмиров, в свою очередь добивавшихся права, в качестве представлявших халифа наместников, собирать с подвластных их территорий налоги в свою пользу. Например, так поступал правитель Азербайджана Ибн Аби-с-Саджа, присваивавший боольшую часть собранных налогов; а богатые Хорасан и Мавараннахр, перешедшие под управление Саманидов (819-1005), и вовсе перестали пересылать налоги в казну. Али Ибн аль-Фурат дважды отправлял армию в Фарс, первый раз, чтобы помочь Саффаридам захватить эту область, а второй раз, чтобы добиться от новых правителей этой области регулярной присылки дани в Багдад. Положение с доходами было столь неблагоприятным, что вазирам иногда приходилось вносить в казну свои личные деньги, дабы покрыть образовавшийся дефицит.

Неустойчивый баланс государственной власти, на котором держалась династия Аббасидов, оказался нарушенным в 924 году. Непосредственной причиной этого было зверское нападение карматов на караван с паломниками, двигавшийся из Багдада в Мекку. Власти проявили слабость и не смогли обеспечить безопасность паломников, и всеобщее возмущение жителей Багдада было столь велико, что аль-Муктадир вынужден был лишить вазира части его полномочий, передав всю полноту власти тюркскому военачальнику Му²нису. Занимавший в то время в третий раз пост вазира Али Ибн аль-Фурат вынужден был лично призвать на помощь Му²нису,

которого он незадолго до этих событий изгнал из столицы. Таким образом, представленная вазирами гражданская власть окончательно капитулировала перед военной.

Получив в свои руки почти неограниченные права, эмир Му^нис поспешил прежде всего расправиться со своими главными соперниками. Он отстранил от решения государственных вопросов высших чиновников, включая вазира, и более не обращал внимания на приказы самого халифа. Его неоднократные успехи в войне с Фатимидами (о Фатимидах будет сказано ниже), пыгавшимися овладеть Египтом, принесли ему имя “аль-Музаффар” (“Победоносный”). Он сумел также без большого труда защитить Багдад от карматских набегов.

Укрепив свой авторитет военными победами, Му^нис решил, что ему открыт путь к достижению высшей власти в государстве. В 929 году он тайно принял участие в дворцовом заговоре, сопровождавшемся народными волнениями в столице. Аль-Муктадир на короткий срок был отстранен от власти, бежал из города и на престол был возведен его брат. Однако на этот раз аль-Муктадиру удалось вернуться в Багдад и удержаться на престоле. Но в 932 году Му^нис открыто выступил против халифа. Заговор удался, халиф снова бежал из Багдада и погиб в сражении с заговорщиками. Торжествуя победу, Му^нис, по совету влиятельных шиитов из семейства Наубахт, назначил халифом брата аль-Муктадира — аль-Кахира (932-934).

Однако и правление Му^ниса оказалось недолговечным. Опасаясь своего могущественного тюркского военачальника, пришедший к власти аль-Кахир поспешил от него избавиться и, взойдя на престол, приказал его казнить. Сменивший аль-Кахира ар-Ради (934-940) в 936 году доверил высокий пост “амира аль-умара” могущественному правителю Васита и

Южного Ирака хазару Ибн Ра'ику, который попытался восстановить порядок в центре империи. Он отправил своего помощника тюрка Баджкам в Хузистан для того, чтобы привести в повиновение местного правителя Абу Абдаллаха аль-Бариди. К этому времени реальная власть халифа распространялась лишь на небольшую область, прилегавшую к Багдаду. Баджкам сумел овладеть Хузистаном и вынудить аль-Бариди бежать, что дало ему силы свергнуть своего бывшего начальника Ибн Ра'ика и, в свою очередь, в 938 году получить пост "амира аль-умара". Впрочем, через два года, Ибн Ра'ик при новом халифе аль-Муттаки (940-944) сумел восстановить свое положение в Багдаде, а Баджкам был в 940 году свергнут и убит.

Так, последние годы первой половины X века прошли в непрерывной борьбе за власть между различными военачальниками, а бессильные халифы вынуждены были все время маневрировать, чтобы хотя бы номинально оставаться на своем посту. Аббасидское государство пришло в полный упадок и было неспособно противостоять новым завоевателям. Знаменитый арабский философ аль-Фараби (умер в 950 г.), покинувший столицу около 942 года и наблюдавший, как различные силы боролись за власть при беспомощном халифе, писал: "Не следует порядочному человеку оставаться в испорченном обществе, у него нет иного выбора, кроме эмиграции (хиджра) в добродетельное государство, если таковое существует в его время. Если же такого нет, тогда он чужак в этом мире, несчастен в жизни, и для такого человека смерть предпочтительней жизни".

Итак, после нескольких лет относительного спокойствия, в начале X века аббасидская империя вновь вошла в полосу глубочайшего политического кризиса. Утрата Аббасидами всех восточных и западных провинций империи, набеги карматов и

укрепление власти в Северной Африке Фатимидов, неоднократным попыткам которых проникнуть в Египет до сих пор с большими трудностями удавалось противостоять, внутренние неурядицы, борьба военачальников за власть и вспыхивавшая временами религиозная вражда между суннитами и шиитами в самой столице — все это окончательно подорвало авторитет халифской власти и открыло путь для господства в столице случайных авантюристов. Аббасидская империя, оставшаяся единой почти полтора столетия, распалась на ряд самостоятельных провинций.

Дезинтеграция Халифата

Чтобы представить себе процесс распада империи необходимо несколько вернуться назад, в VIII-IX века, и проследить историю входивших в Халифат регионов.

Одним из первых добился независимости от багдадских властей правитель Египта Ахмад ибн Тулун. Отец Ахмада и его отчим еще в начале IX века были присланы из Бухары в числе невольников, составлявших часть провинциальной подати. Оба они выдвинулись на военной службе; отчим был назначен еще халифом аль-Мутаззом аббасидским наместником в Египте, а Ахмад был отправлен вместе с ним в качестве помощника. По замыслу халифа, Ахмад ибн Тулун должен был представлять в провинции финансовые интересы центральной власти.

Ахмад оказался энергичным и честолюбивым чиновником. Он сумел за короткое время захватить полный контроль над провинцией, сам стал наместником и превратил Египет в независимый эмират Тулунидов (868-905). Это была первая попытка правителя Египта добиться автономии в пределах Халифата.

В 877 году нуждавшийся в средствах для подавления восстания занджей аль-Муваффах потребовал от египетского наместника увеличения податных платежей в казну. Требование это было вполне законным, однако Ахмад ибн Тулун ответил на него высылкой из страны халифского финансового чиновника и продолжал, как и прежде, за вычетом небольших, отправляемых в Багдад, сумм, весь остальной доход от налогов с египтян оставлять в своей казне. Это было недопустимое, с точки зрения аль-Муваффаха неповиновение. К тому же регент был обеспокоен переносом торговых путей с Индией в Красное море из-за блокады занджами традиционного пути через Персидский залив и видел в Ахмаде торгового соперника, посягнувшего на коренные интересы центральной власти. Отношения египетского правителя и багдадского регента осложнялись еще и тем, что Ибн Тулун демонстративно поддерживал слабого халифа, фактически отстраненного от какого бы то ни было участия в управлении страной его братом, открыто высказывавшим халифу свое пренебрежение.

В 878 году аль-Муваффах отправил в Египет целую армию, которую сопровождал специальный посланник, имевший инструкцию сместить эмира-сепаратиста. Армия потерпела неудачу, и Ахмад ибн Тулун, воспользовавшись тем, что основные силы аль-Муваффака были заняты войной с занджами, вторгся в Сирию и Палестину и присоединил их к своим владениям. При этом он мотивировал свои действия необходимостью противостоять проискам Византии, ответственность за оборону границ с которой он нес и прежде в качестве правителя Египта.

Ахмад ибн Тулун создал в Египте профессиональное войско из тюрок, берберов и суданцев, опираясь на которое он чувствовал себя полностью независимым. Собирая обширные подати с богатой провинции, он имел возможность не только оплачивать службу наемников, но и поощрять сельское хо-

зайство и торговлю, которые при нем процветали. Большое внимание уделял он ирригационным работам, построил к северу от Фустата новый город, где расположил гарнизон, соорудил знаменитый кафедральный храм, не уступавший главной мечети в Самарре, начал чеканить монеты, на которых рядом с именем халифа, ставил и свое имя. Страной он правил как жесткий, но просвещенный самодержец, и позднейшие египетские историки и хронисты считали время его правления “золотым веком египетской истории”.

Не довольствуясь властью над Египтом, Сирией и Палестиной, Ахмад ибн Тулун начал вмешиваться в придворные интриги Багдада. В 883 году он даже пытался лишить аль-Муваффака власти и предложил аль-Му^ттамиду план побега, дабы тот получил возможность избавиться от опеки брата. Незадачливый халиф двинулся было из Самарры в путь, но был перехвачен в дороге отправленным регентом отрядом и водворен обратно в Самарру. Позднее Ибн Тулун собрал в Дамаске группу улемов, которые по его подсказке объявили, что халиф аль-Му^ттамид — пленник брата и не обладает свободой действия. Впрочем, это решение не имело никаких последствий.

В 884 году на вершине своей славы Ахмад ибн Тулун умер и, как это становилось обычаем в автономных провинциях Халифата, пост эмира унаследовал его двадцатилетний сын, Хумаравайх (884-896). Новый эмир, как и его отец, правил самовластно и еще в меньшей мере считался с регентом аль-Муваффаком. К этому времени аль-Муваффак сумел справиться с восстанием занджей и мог себе позволить новую попытку подчинить непокорную провинцию. Узнав о смерти Ибн Тулуна, он двинул в Египет армию, но потерпел новое поражение. В результате он оказался вынужденным узаконить наследственную власть Тулунидов и признать Хумара-

вайха и его потомков правителями Египта и Сирии на условии уплаты ими дани. Имя аль-Муваффака должно было упоминаться в пятничной молитве “дабы, — как говорилось в соглашении, — страна не попала в руки неверных и шиитов”, а следующий халиф, сын аль-Муваффака, дабы закрепить отношения с Тулунидами, женился на дочери Хумаравайха.

В последние десятилетия VIII века перестают подчиняться багдадским властям и провинции Северной Африки. К сожалению, мало что известно о взаимоотношениях арабских завоевателей и коренного населения этой отдаленной области на начальном этапе арабского господства. По всей видимости, завоеватели проявляли здесь большую жестокость чем в восточных провинциях. Возможно, это объясняется тем, что в Магрибе они нашли не общество с организованными и налаженными связями, но разрозненные племена, которые не считали цивилизованными и потому высокомерно третировали. Отсюда та враждебность, с которой берберы встречали арабов в 740 году и позднее.

Восстание берберских племен против арабских пришельцев началось в Танжере и довольно быстро распространилось по всей Северной Африке. Посылаемые Омейядами для их усмирения отряды терпели поражения и сильно потрепанные возвращались в Андалусию. За одно десятилетие арабы почти полностью утратили власть в этой западной провинции и сумели удержаться только в отстроенных ими лагерях, из коих самым значительным был Кайраван, окруженный со всех сторон враждебными племенами.

Постепенно в провинциях Северной Африки начал распространяться ислам. На первых порах исламизация Магриба носила поверхностный характер. Берберы продолжали сохранять свои традиционные верования, хотя и увязывали их в какой-то мере с новым вероучением. Тем не менее, со време-

нем ислам в Северной Африке распространился повсеместно, с самого начала приняв форму хариджизма. Нет сведений о том, каким образом и кем хариджитская доктрина была занесена в Северную Африку, но ее эгалитарный характер попал на благоприятную, патриархальную почву берберского племенного общества, тем более, что эта доктрина предполагала оппозицию к ненавистным, сначала омейядским, а потом и аббасидским правителям. Постепенно вся Северная Африка оказалась хариджитской, что способствовало распространению и укоренению ислама, ибо по своим основным доктринам хариджизм мало чем отличался от учения суннитских традиционалистов. В результате в районе Тахарта появились первые магрибинские исламские теологи.

Хариджизм сыграл в Северной Африке особую роль, придав традиционному стремлению берберов к самоограничению оттенок исламского пуританизма и ригоризма. Суннитские теологи создали в Кайраване знаменитую религиозную школу, которая способствовала распространению ислама на всем протяжении IX и X веков.

В VIII-IX веках на территории Северной Африки образовалось три независимых или полунезависимых от Багдада княжества: Идрисидов, Рустамидов и Аглабидов, в границах которых берберские племена вели весьма обособленную и почти независимую жизнь. Вокруг этих княжеств существовало множество племенных сообществ, стремившихся избежать чьего бы то ни было господства и продолжавших вести традиционный, сохранившийся на протяжении многих веков, образ жизни. Ислам лишь в минимальной степени затронул их верования, обряды и обычаи. Между этими племенами и племенными группами постоянно существовала известная враждебность, уходившая корнями в отдаленное прошлое, но никогда не перераставшая в открытые войны.

Следует отметить, что на раннем этапе распространения ислама в Северной Африке хариджитский эгалитаризм сосуществовал с особым почитанием потомков Пророка и членов его семьи. Видимо берберским неوفитам импонировала судьба преследуемых на востоке Алидов, в этом, как и в склонности к хариджизму, проявилась их враждебная позиция по отношению к центральной власти. Поэтому многие Алиды, для которых жизнь на востоке как при Омейядах так и при Аббасидах по политическим причинам стала невозможной, находили убежище в Магрибе и даже сумели завоевать авторитет и возглавить в религиозном отношении отдельные берберские племена. Наиболее известным среди них был основатель династии Идрисидов Идрис ибн Абдаллах, внедривший в западной части Магриба шиитскую доктрину.

Еще во времена правления Харуна ар-Рашида хасанид Идрис ибн Абдаллах, правнук Хасана, сына халифа Али, принявший активное участие в восстании Алидов в Хиджазе в 786 году, бежал сначала в Египет, а оттуда в Марокко, где при поддержке нескольких берберских вождей, согласившихся признать его своим главой, в 789 году основал в северной части страны независимый шиитский эмират. Династия Идрисидов правила в Марокко до 905 года, когда страна была завоевана исмаилитской династией Фатимидов. При Идрисе I (789-793) и сменившем его Идрисе II (793-828) исламская культура стала быстро распространяться среди только что обращенных в ислам берберских племен, которые сумели сочетать старинный уклад жизни с исламской верой и практикой. Отделенный большим расстоянием от аббасидских центров эмират жил своей жизнью и не испытывал почти никакого давления со стороны багдадских властей.

При первых двух эмирах в Марокко, на месте старого римского города, был выстроен Фес, который быстро рос,

привлекая к себе множество мусульман из Андалусии и Ифрикии. Фес был не только столицей идрисидского эмирата, но довольно скоро после основания стал почитаться в качестве “священного города” шиитов, местопребывания многих алидских вождей. Однако вскоре после смерти Идриса II географические особенности Марокко, связанные с разобщенностью отдельных районов страны, и племенная раздробленность эмирата привели к тому, что его многочисленные наследники поделили между собой власть над различными районами, и в середине IX века очередной эмир вынужден был признать себя вассалом фатимидского махди Убайдаллаха, а спустя несколько лет фатимидские войска заняли Фес, и эмират утратил независимость.

Во второй половине VIII века в западной части Алжира образовался независимый эмират Рустамидов (777-909), существовавший без каких-либо доктринальных или династийных конфликтов до фатимидского завоевания в 909 году. Основателем эмирата был некий Абд ар-Рахман ибн Рустам (777-784), судя по имени, человек иранского происхождения. Рустамиды восприняли хариджитскую идеологию, которая была особенно популярна в VIII веке среди берберов Алжира, Южного Туниса и Триполитании. Однако, в отличие от единоверцев на востоке, алжирские хариджиты восприняли более умеренный ибадитский вариант учения, причем Ибн Рустам в 777 году был признан имамом всех ибадитов Северной Африки.

История образования хариджитского эмирата прослеживается в самых общих чертах. Овладев на сравнительно короткий срок Кайраваном, центром арабского господства в Северной Африке и оплотом традиционалистского суннизма, небольшая группа хариджитов-ибадитов бежала затем в Западный Алжир и основала вокруг города Тахарта в 761 году

эмират. Тахарт был расположен на пересечении транссахарских караванных путей, и сложившиеся при Рустамидах обширные торговые связи обеспечили эмирату экономическое процветание.

Тахарт очень быстро стал одним из важнейших экономических и культурных центров Северной Африки. Сюда стекались жители самых разных африканских провинций, среди которых немалую роль играло христианское население Магриба, здесь процветали науки и здесь побывали многие ученые и теологи из Андалусии. Рустамиды, оказавшиеся в окружении идрисидских шиитов на Западе и аглабидских суннитов на Востоке, пытались опереться на помощь кордовских правителей и установили с Андалусией широкие экономические и культурные связи. Смертельный удар эмирату нанесли Фатимиды, которые с установлением власти в Марокко вторглись в Тахарт, и с 909 года княжество Рустамидов утратило независимость.

Большую лояльность по отношению к багдадским властям проявила ифрикийская династия Аглабидов. Еще в 800 году Харун ар-Рашид назначил наместником Ифрикии (совр. Тунис) сына аббасидского военачальника в Хорасане аль-Аглаба — Ибрахима Ибн аль-Аглаба. Ибрахим обязался не только обходиться без материальной поддержки на содержание арабского гарнизона в провинции, но, напротив, уплачивать ежегодно в казну дань в размере 40 тысяч динаров, собираемых с подвластных ему земель в качестве налогов. На этих условиях Ибн аль-Аглаб сумел основать в Ифрикии небольшой полунезависимый эмират со столицей в Кайраване.

Династия Аглабидов правила в Ифрикии более ста лет (с 800 по 909 год), пока не была сметена Фатимидами. Ибрахиму Ибн аль-Аглабу (800-812) пришлось с первых же ме-

саяцев правления столкнуться с большим берберским восстанием, возглавляемым хариджитскими проповедниками, влияние которых было особенно сильным на юге страны. Энергичными действиями ему удалось добиться известного успокоения в провинции, а лояльным отношением к багдадским властям обрести почти полную независимость и право передавать власть по наследству в пределах своей династии. Позднее, придворный историк египетских мамлюков Шихаб ад-Дин Нувайри (1279-1332) особо отметит в своей хронике, что “Ибн аль-Аглаб и его преемники передавали власть в стране кому хотели”.

Одной из главных проблем, постоянно возникавших в эмирате Аглабидов, было поведение арабской армии, гарнизоны которой располагались в Кайраване и в других городах Ифрикии. Арабские наемники, которые, казалось бы, должны были служить опорой правящей династии, по каждому поводу приходили в волнение. Они презирали местное берберское население, притесняли жителей, что создавало постоянные конфликты. Сами жители Кайравана также не испытывали особой любви к правящей династии, которая не только не защищала их от произвола военщины, но облагала все новыми налогами. Оппозицию жителей столицы эмирата подогревали близкие к народу мусульманские теологи — улемы и факихи, пользовавшиеся большим авторитетом. Они обвиняли династию в нарушении исламских предписаний, возмущались нравами, царившими при дворах эмиров и призывали к воздержанию. Нововведения в области налогообложения вызывали недовольство сельских жителей. Аглабиды ввели фиксированный налог взамен прежнего, составлявшего определенную долю урожая и завесившего от него в каждый конкретный год. Это приносило казне постоянный дополнительный доход, но никак не соотнобразовывалось с реальным доходом крестьян. Волнения в армии, которой не всегда платили своевременно жалование,

и выступления жителей Кайравана были столь серьезными, что однажды они вынудили Ибн аль-Аглаба на время покинуть столицу.

Более энергично с солдатскими бунтами справлялся третий эмир аглабидской династии Зийадат-Аллах I (817-833), который сумел поставить в привилегированное положение чернокожих воинов своей гвардии и привлечь их на свою сторону, а также добиться поддержки некоторых берберских племен, которым он делал подарки и давал льготы при налогообложении.

Для поднятия своего авторитета в исламском мире и укрепления стратегических позиций в Средиземноморье Зийадат-Аллах I решил объявить “джихад”, священную войну против “неверных”. С этой целью он построил большой пиратский флот, который начал опустошать берега Южной Италии, Сардинии и Корсики. Это приносило его казне дополнительный доход и, что особенно важно, переключило энергию беспокойной солдатни на грабительские заморские походы. Еще в 827 году он предпринял первый морской набег на принадлежавшую Византии Сицилию, не принеший ему большого успеха. Спустя столетия при эмире Абу-ль-Гаранике Мухаммаде II (863-875) Аглабидам удалось захватить Мальту, и тем самым стать хозяевами всего Центрального Средиземноморья, а к 878 году, при Ибрахиме II (875-902) им удалось окончательно завоевать Сицилию, которая оставалась под властью мусульман до норманского завоевания в конце XI века.

При Аглабидах Кайраван вырос в большой город, центр культурной жизни Северной Африки. Аглабиды всячески поддерживали интеллектуальную жизнь своей столицы. Здесь процветали и исламская теология, и юриспруденция и арабская поэзия. К концу IX века мусульманская школа в Кайра-

ване могла соперничать с любым учебным заведением подобного типа на Востоке. Здесь юрист Абд ас-Салам Сахнун (776-856) разработал основанную на маликитском мазхабе магрибинскую систему права, которая предлагала наиболее строгую интерпретацию шариата, хорошо соответствовавшую склонности берберов к воздержанию и точному выполнению традиционных правил жизни.

Под большим влиянием востока в Кайраване сложился особый тип магрибинской архитектуры, как в самой конструкции архитектурных сооружений, так и в их внутреннем убранстве. Была сооружена знаменитая кайраванская мечеть, построены городские укрепления, водохранилище и проложен водопровод для орошения пригородных садов.

К концу IX века при Ибрахиме II (875-902) и Абдаллахе II (902-903) позиции Аглабидов в Ифрикии пошатнулись. Шиитско-исмаилитская пропаганда прибывшего из Сирии фатимидского проповедника (да'и) Абу Абдаллаха нашла широкую поддержку в одном из самых могущественных берберских племен — кетам. Под водительством Абу Абдаллаха кетамиты захватили Тахарт. Это привело к военному мятежу в Ифрикии, в результате которого власти Аглабидов пришел конец, и последний эмир династии Зийадат-Аллах II (903-909), после безуспешных попыток получить помощь от аббасидского халифа — малолетнего аль-Муктадира (908-932), втянутого в борьбу различных придворных группировок, в 909 году бежал в Египет.

В VIII-IX веках в Северной Африке начинает понемногу распространяться арабский язык. Он стал официальным во всех трех эмиратах, и на нем начали говорить жители городов, в которых располагались арабские гарнизоны. В сельских районах распространение арабского языка шло медленнее, но в северо-восточных районах Ифрикии, где осело довольно много

арабов-колонистов, языковое влияние пришельцев сказалось в большей мере, и на арабском языке заговорили берберские крестьяне прилегающих поселений. Так в VIII-IX веках ислам в Магрибе обрел свою форму, в которой традиционные хариджитские и шиитско-сектанские элементы образовали некий сплав с местными доисламскими традициями, что породило оригинальную и весьма пеструю цивилизацию.

Еще более радикальный характер, чем в Египте и странах Северной Африки, носило сепаратистское движение в восточных областях Халифата. В провинциях, населенных иранскими и тюркскими народами, речь шла не о частичной независимости при сохранении связей, хотя бы формальных, с багдадской властью, а о полной независимости, опиравшейся на исконные национальные и религиозные традиции. В первую очередь добились независимости такие большие и культурные провинции, как Хорасан и Мавараннахр, где сначала у власти оказалась династия Тахиридов, которые уступили позднее власть Саффаридам в Хорасане, а в Мавараннахре с центром в Бухаре — Саманидам. Отделился также Сиджистан, где власть сначала прочно захватили Саффариды, позднее утратившие ее под ударами Саманидов, Караханидов и Газневидов.

Тахириды, подобно позднее Саффаридам и правившим в Бухаре Саманидам, претендовали на то, что ведут свое происхождение от иранских сасанидских царей и объявляли себя национальными иранскими властителями, хотя и воспринявшими ислам. Отказ от зороастрийских верований в центральной и южной части Ирана прошел довольно гладко не столько потому, что жители видели какие-либо моральные преимущества новой религии, но скорее потому, что они осознали, что и в рамках ислама можно было придерживаться "иранизма", и исламизация Ирана сама по себе вовсе не означала установления чужеземного господства. В иранских областях был ши-

роко распространен шиизм и популярна легенда о женитьбе Хусайна на дочери последнего члена сасанидской династии.

Еще в 821 году в Хорасане образовался наследственный эмират Тахиридов. Иранский мавла Тахир из дихканской семьи в 810 году оказал помощь аль-Ма²муну, поддержав его в борьбе с аль-Амином. За это он, после взятия Багдада, был сначала назначен правителем города, а затем наместником восточных провинций Халифата. Тахир был наделен самыми широкими полномочиями в Хорасане и Мавараннахре, а его сын Абдаллах ибн Тахир получил такую же власть в Сирии, Египте и в самом Багдаде, где он занял пост главы городской полиции. После смерти отца и старшего брата Тальхи, Абдаллах (828-845) возглавил династию в столице Тахиридов — Нишапуре, в то время как другие члены рода заняли высокие государственные посты в провинциях Халифата и в самом Багдаде, где они по традиции возглавляли полицию в должности “сахиб аш-шурта”.

Тахириды правили Хорасаном, не деля ни с кем власть, и в Нишапуре пользовались полной самостоятельностью, хоть и продолжали регулярно отправлять подати в Багдад. В счет податей они посылали также тюркских рабов, захваченных в плен во время войны со степняками, — эти рабы впоследствии образовали костяк невольничьей армии халифа. Будучи приверженными ортодоксальному суннизму, они применяли строгие меры по отношению к шиитским проповедникам (ду²‘ат), действовавшим в прикаспийских районах. Благосклонное отношение к окрепшим сословиям иранских и арабских землевладельцев на подвластных им территориях восточных провинций обеспечило им поддержку военной и земледельческой знати. Одновременно они пользовались и репутацией защитников интересов простого люда. Тахириды всячески поощряли развитие сельского хозяйства и оказывали покровитель-

ство ученым и поэтам. Но в 860 году у правившей на протяжении полувека в Хорасане династии Тахиридов неожиданно появился грозный соперник. Во второй половине IX века в соседней с Хорасаном на юге провинции Сиджистан образовался поначалу небольшой эмират Саффаридов, которому суждено было просуществовать более шестисот лет (867-1495). Основателем саффаридской династии был некий Йа'куб ибн Лайс (867-879) по профессии медник ("ас-Саффар"), что дало наименование всей династии. Входивший в прошлом во владения Тахиридов Сиджистан стал центром возникшей обширной империи, в которую вошел почти весь Иран за исключением его северо-западной части.

В IX веке Сиджистан служил прибежищем для всякого рода недовольного люда и различных сектантов, особенно хариджитов, разгромленных и рассеянных омейядскими наместниками в центре империи. Иногда эти сектанты занимались грабежом, что вызывало волнения среди жителей, требовавших наведения в провинции порядка. Не исключено, что и сам Йа'куб ас-Саффар в прошлом был хариджитом. На первых порах Йа'куб был, по-видимому, начальником местной полиции, в задачу которой входила защита населения от действовавших в области разбойничьих банд, в том числе и многих хариджитских, которые, пользуясь анархией в стране и бессилием власти, творили всяческие бесчинства. Ядро отрядов Йа'куба первоначально состояло из местных жителей-добровольцев, принадлежавших ко всем слоям общества и выступавших под лозунгом защиты суннитского правоверия в Сиджистане. Но позднее армия Йа'куба разрослась за счет полуразбойничьего элемента, в том числе и за счет притока хариджитов. В 867 году Йа'куб ас-Саффар, опираясь на свое войско, установил полный контроль над Сиджистаном и прилегающей гератской провинцией.

Первыми жертвами армии Саффаридов стали соседние с Сиджистаном провинции Кирман и Фарс на западе, еще в основном языческий Афганистан на востоке и владения Тахиридов в Хорасане. Имея базу в Сиджистане, Йа'куб совершил набег на Шираз и захватил Балх. В 873 году его пестрая, но хорошо вознаграждаемая за счет захваченной добычи армия напала на Хорасан и изгнала из Нишапура последнего Тахирида, Мухаммада (862-873). Халиф аль-Му'тамид сначала отказался признать победу этой весьма сомнительной полуразбойничьей армии, но это уже не могло остановить Саффаридов. Йа'куб вторгся в Табаристан, разграбил Рей, а на обратном пути в Сиджистан ворвался в Шираз и увез с собой найденные в городе сокровища.

Разгром династии Тахиридов и захват Саффаридами бывших тахиридских владений вынудил халифа аль-Му'тамида и его брата аль-Муваффака попытаться ужиться с этой грозной силой. В 875 году они признали Йа'куба эмиром Сиджистана, Хорасана, Табаристана, Кирмана и Фарса, то есть по сути почти всех восточных провинций Халифата. Они были даже готовы доверить ему находившееся ранее в руках Тахиридов военное командование в самом Багдаде. Но на Йа'куба их предложение не произвело никакого впечатления, он явно жаждал большего. Понимая, что аль-Муваффак всецело поглощен войной с занджами, Йа'куб вознамерился захватить Багдад. Нависшая над городом угроза вынудила аль-Муваффака принять экстерные меры. Отозвав преследовавшую занджей армию, он сумел при ее помощи в 876 году разбить уже захвативших город Васит Саффаридов и отбросить их на восток. В это время предводители занджей делали Йа'кубу какие-то предложения о совместных действиях, но это не изменило ситуацию. Саффариды были разбиты, и аль-Муваффак получил возможность продолжать многолетнюю кровавую войну с восставшими рабами в Южном Ираке.

В 879 году Йа'куба ас-Саффара сменил его брат Амр ибн Лайс ас-Саффар (879-901). Как и его покойный брат, Амр продолжал господствовать в восточной части Халифата, поскольку аль-Муваффах не имел достаточно сил, чтобы его свергнуть. Но и Амр оказался бессильным завоевать Ирак и вынужден был, хотя и неохотно, заключить мир с халифом. Однако тщеславный и воинственный характер, а также погоня за добычей, подвигли его на новую авантюру. Амр решил завоевать Мавараннахр, находившийся номинально еще в руках уцелевших Тахиридов, но фактически уже давно подпавший под полный контроль иранской династии Саманидов (819-1005). Основателем этой династии был землевладелец (дихкан) из района Балха на севере Афганистана, по имени Саман-худа. Он принял ислам, а четверо его внуков завербовались в армию халифа аль-Ма'муна в Хорасане, за верную службу получили в 819 году каждый по городу и стали правителями Самарканда, Ферганы, Шаши и Герата. В 875 году все владения рода Саманидов (Бану Саман) в Мавараннахре и Хорасане слились в единый эмират Саманидов, и халиф аль-Мутамид назначил наместником всей этой богатой территории саманида Насра I ибн Ахмада (864-892).

Если Тахириды и Саманиды, в армиях которых было много землевладельцев и богатых горожан, защищали традиционное общественное устройство и суннитское правоверие от социальных беспорядков, то саффаридские предводители сами действовали разбойничьими методами. Пестрая по составу и объединенная лишь грабительскими устремлениями, эта армия оказалась бессильной в сражении с Саманидами. Саманидский эмир Исмаил ибн Ахмад (892-907) дважды разбивал армию Саффаридов и даже захватил Амра в плен. Державшаяся лишь на военных успехах империя Саффаридов распалась. За победу над Саффаридами халиф аль-Мутадид

пожаловал Исмаилу наместничество в Хорасане, которым прежде правили Тахириды и Саффариды. В руках Саманидов оказался Сиджистан, область Хорезма, им подчинились также некоторые области Афганистана.

Утрата багдадскими халифами власти в восточных областях Халифата и образование там самостоятельной государственности оказались благотворными для иранских провинций. Между Средней Азией и Ираном с одной стороны, Поволжьем, Восточной Европой и Византией с другой, установились широкие торговые и культурные связи. Саманиды обеспечивали безопасность проходивших через Среднюю Азию торговых путей и вели успешную борьбу с набегами тюркских кочевников. Через территорию саманидского государства шел основной поток тюркских рабов, которых поставляли в армии эмиров и халифа.

Саманиды, как до них Тахириды и Саффариды, претендовали на происхождение от древнеиранских сасанидских царей. Они сделали свой двор в Бухаре центром традиционной арабской учености и вместе с тем очагом возрождавшейся литературы на новоперсидском языке. В Бухаре Фирдоуси (934-1020) сочинил свое знаменитое "Шах-наме", писали свои стихи Дакики (ум. ок. 980 г.) и Рудаки (ум. ок. 941 г.). Однако с середины X века начинается упадок саманидского государства. В различных его областях из военного и землевладельческого сословия возникают сильные группы, противостоящие правителям Бухары, пытавшимся добиться централизации власти. Ослаблению династии способствуют также борьба между различными претендентами на власть и дворцовые перевороты в Бухаре. Все это ослабляет государство и делает его сравнительно легкой добычей новых завоевателей — Караханидов и Газневидов. В конечном итоге саманидское государство постигла та же участь, что и другие восточ-

ные сатрапии. Для того, чтобы держать в повиновении местную знать, крупных землевладельцев-дихкан, сепаратистские устремления которых привели к фактической утрате Бухарой власти над важнейшими провинциями эмирата, Саманидам пришлось создавать гвардию из тюркских рабов — гулямов. К концу X века военачальники этой тюркской гвардии превратились в крупных феодалов и перестали подчиняться своим хозяевам, что ослабило государство и привело к его завоеванию новыми, вышедшими на историческую арену, силами.

Караханидская династия тюрков-степняков принадлежала к тюркской кочевой народности карлуков. В середине X века эти вчерашние язычники приняли ислам и организовались в кочевое государство, которое начало угрожать слабеющей империи Саманидов. В 992 году караханидский предводитель Бугра-хан вторгся в Мавараннахр, занял Бухару, а спустя несколько лет в 999 году поделил власть над распавшейся саманидской империей с правителем государства Газневидов Махмудом (998-1030). Караханидам достался Мавараннахр, а Газневидам — Хорасан. Караханидское государство существовало более двухсот лет (992-1211) пока в 1211 году Мавараннахр не был завоеван Хорезмшахом.

Образование государства Газневидов происходило по классической для средневековых восточных сатрапий модели. После смерти очередного саманидского эмира Абд аль-Малика I (954-961) командовавший саманидскими войсками в Хорасане тюркский раб Алп-Тегин попытался передать власть в государстве удобному ему правителю. Попытка эта потерпела неудачу, и Алп-Тегину с частью его армии пришлось удалиться в Газну в Афганистане. Здесь, на окраине саманидской империи от имени Саманидов после смерти Алп-Тегина правил ряд военачальников-тюрков, пока к власти не пришел Себюк-Тегин (977-997). Его сын, предприимчивый и реши-

тельный Махмуд (998-1030) объявил себя полностью независимым от Саманидов правителем и прославился как фанатичный “сокрушитель неверных”. В качестве защитника и распространителя ислама он вторгся в Индию, а на севере установил границу с владениями своих соперников Караханидов по Аму-Дарье. Кроме Хорасана он овладел Хорезмом и отнял у Бувайхидов Рей и Хамадан.

Империя Махмуда Газневидского к моменту его смерти была одним из обширнейших государств на востоке с самой боеспособной армией того времени. Переняв от иранцев их традиции государственного управления и культуры, султан Махмуд полностью порвал с языческой тюркской средой, из которой вышла его династия. При его преемнике и сыне Мас’уде (1031-1041) империя Махмуда, в значительной степени державшаяся на его политическом таланте и железной воле, стала распадаться. В начале Газневиды утратили западные провинции империи — Хорасан и Хорезм, их захватила новая, подымавшаяся тюркская династия Сельджуков (1038-1194), основатель которой Тогрыл I (1038-1063) провозгласил себя в Нишапуре в 1038 году султаном. Вся середина XI века прошла в борьбе Газневидов с Сельджуками за Сиджистан и Западный Афганистан. Под ударами Сельджуков газневидская империя стала слабеть, пока в 1186 году столица династии Газна на была завоевана Гуридами, местной династией Центрального Афганистана.

Таким образом, восточные провинции арабо-мусульманской Империи (Иран, Средняя Азия, Афганистан и другие) окончательно вышли из состава общемусульманского аббасидского государства и зажили своей самостоятельной жизнью. Прерванная арабским завоеванием история этих стран как самостоятельных национальных образований с этого времени возрождается и развивается независимо от арабского запада.

Глава 8

Халифат под властью Бувайхидов (945-1055 гг.)

В середине X века на слабеющую власть Аббасидов обрушился новый сокрушительный удар, от которого им уже никогда не удалось оправиться. Восточные провинции Халифата вместе с Ираком и Багдадом были завоеваны иранскими горцами — Бувайхидами.

К юго-западу от Каспийского моря располагалась горная область Дайлам, населенная воинственной народностью иранского происхождения. Горцы-дайламиты на протяжении IX и X веков обычно нанимались к разным местным правителям-эмирам и даже к халифу на военную службу и отличались воинским упарством и жестокостью. Один из дайламитских военачальников Мардавидж ибн Зийар (927-935), опираясь на многочисленное дайламитское войско, сумел овладеть большей частью Северного Ирана, включая Табаристан, Гилан и Джибаль с такими крупными городами как Рей, Исфахан и Хамадан, и основать династию Зийаридов, правившую в этих

областях до последнего десятилетия XI века. По-видимому Мардавидж планировал предпринять поход на Багдад, но был убит в 935 году тюркскими наемниками, входившими в его иранское ополчение.

Среди горцев-дайламитов особой воинственностью отличался клан Бувайхидов, родоначальником которого был некий Абу Шаджжа Бувайх. Его три сына — Али, Хасан и Ахмад — служили у одного из прикаспийских эмиров, но потом сформировали собственную армию из земляков, опираясь на которую распространили свою власть на провинции Западного Ирана. Старший из трех братьев, Али, присвоивший себе титул Имад ад-Даула (932-949), овладел провинцией Фарс, Хасан (Рукн ад-Даула, 947-977) захватил Джибаль, а третий брат — Ахмад (Му'изз ад-Даула, 936-949) стал правителем Кирмана. Таким образом, в состав государства Бувайхидов вошел весь запад и юг Ирана с провинциями Фарс, Хузистан и Кирман и с городами Рей, Исфахан и Хамадан.

В 945 году Му'изз ад-Даула вступил в Багдад, не встретив особенно сильного сопротивления со стороны городских властей, и с той поры, на протяжении последующего столетия, Аббасиды, еще до того утратившие власть над придворной гвардией, полностью перешли под опеку и надзор бувайхидских эмиров. Арабская империя фактически прекратила свое существование, и Ирак с восточными областями распавшегося Халифата вошел в состав государства Бувайхидов. Халиф был вынужден дать Му'изз ад-Дауле высший военный титул "эмира эмиров" ("амир аль-умара"), и Бувайхиды сосредоточили в своих руках всю политическую власть. За столетие господства Бувайхидов в Багдаде сменилось пять халифов (аль-Мустакфи (944-945), аль-Мути^c (946-974), ат-Та^и (974-991), аль-Кадир (991-1031) и аль-Ка^им (1031-1075), но все они были игрушками в руках бувайхидских эми-

ров, хотя формально Бувайхиды управляли от их имени, что выражалось в упоминании очередного халифа в главной багдадской мечети во время пятничного богослужения и в чеканке его имени на монетах на первом месте.

Бувайхиды покровительствовали шиитам, но, тем не менее, сохранили за халифом авторитет духовного главы в сфере суннитского ислама. При этом халифам приходилось смотреть сквозь пальцы на возросшее влияние шиитов даже в самой столице. Как и большинство дайламитов, Бувайхиды были шиитами умеренного толка (исна'шарийа). Они ввели на подвластных им землях традиционные шиитские праздники. Именно при их содействии произошла систематизация и формализация шиитской теологии, до этого носившей несколько расплывчатый и скорее эмоциональный характер. Их шиизм несомненно был в какой-то мере проявлением иранского национализма, что нашло выражение в их вымышленной генеалогии, якобы восходящей к Сасанидам, и введении традиционного древнеиранского титула "шаханшаха".

Арабский историк и философ Мискавайх (умер в 1031) в своем сочинении "Опыт народов" ("Таджариб аль-умам") дает убийственную характеристику членам этой династии в период завоевания Багдада. Бувайхиды, по его свидетельству, были до такой степени чужды арабской культуре, что Му'изз ад-Даула, уже будучи правителем Багдада, когда давал арабам аудиенцию, нуждался в переводчике. Он также говорит об их скупости и жадности сообщая популярную в то время легенду, согласно которой при них была специальная змея, указывающая основателю династии, где спрятаны деньги и ценности. Му'изз ад-Даула был груб со своими вазирами и чиновниками, а вазира аль-Мухаллаби наказывал даже побоями. Заносчивый и самоуверенный он совершенно бесцеремонно обходился с находившимся в его власти халифом. По

свидетельству Мискавайха, халиф аль-Мути^с жаловался, что Бувайхиды не оставили ему ни власти, ни денег, и что мирские дела ему вовсе не подвластны. Замечательный поэт и путешественник Абу Дулаф аль-Хазраджи (середина X века) в своей знаменитой “Сасанидской поэме”, повествующей о нищих-бродягах (бану Сасан) причисляет к этому сословию “пленника Му‘изз ад-Даула — халифа правоверных аль-Мути^с”.

Как это уже не раз бывало в истории средневекового исламского общества, где отсутствовала регулируемая законом устоявшаяся династийная традиция престолонаследования, между Бувайхидами второго поколения началась междоусобица. В ходе этой борьбы выдвинулся сын Хасана Рукн ад-Даули — Адуд ад-Даула (949-983). Это был единственный правитель и деятель государственного масштаба в династии. При нем империя Бувайхидов достигла наибольшего могущества, ее территория простиралась от берегов Каспийского моря до Кирмана в Иране и Омана в Аравии. Он проводил активную внешнюю политику. На западе Адуд ад-Даула сумел захватить часть владений Хамданидов в Джазире, на востоке успешно боролся с Зийаридами в Табаристане и с Саманидами в Хорасане. Однако он сохранял нейтралитет в отношениях с Фатимидами в Северной Африке и Египте, чему способствовал его шиизм. Посольство Адуд ад-Даули было принято в Константинополе.

Энергичный и предприимчивый правитель, Адуд ад-Даула прославился и как полководец и как опытный государственный деятель. Он принимал меры для поощрения сельского хозяйства, строил плотины, проводил каналы и создавал искусственные водоемы. При нем был введен строго фиксированный налог с крестьян, что значительно пополнило казну. Чтобы контролировать жизнь государства, он упорядочил служ-

бу связи, а нерадивых чиновников строго наказывал. С этим была связана система шпионажа и доносительства, которую он повсеместно поощрял. При нем дороги были очищены от разбойников, а паломникам больше не приходилось платить дань бедуинам “за покровительство” при прохождении караванов по пустыне. Для защиты Медины от набегов он приказал возвести вокруг города стены.

Свою столицу — Шираз Адуд ад-Даула расширил и украсил замечательными сооружениями архитектуры. Он построил величественный дворец с библиотекой, в которой, по свидетельству современников, хранились рукописи по всем отраслям знаний. Багдад с его вечно беспокойными жителями Адуд ад-Даула не любил, считал его лишь придатком к своей престольной провинции. В этом, вероятно, сказывались его иранские симпатии, что, однако, не помешало ему отдать приказ о восстановлении наполовину разрушенного города, строить в нем мечети и мосты через каналы, сооружать крытые рынки. Он обязал зажиточных людей платить за ремонт пришедших в упадок плотин, расчистку каналов и восстановление садов. По его приказу в Багдаде был сооружен прекрасный госпиталь, при котором открылась медицинская школа.

Образованный как в иранских, так и в арабских науках, Адуд ад-Даула с уважением относился к ученым и учености, в молодые годы у него были хорошие учителя. По сообщению историка Ибн аль-Асира(1160-1233) он назначал щедрое содержание богословам, юристам, филологам, врачам и математикам. Он любил поэзию, и филолог ас-Са‘алиби цитирует множество его стихов. Обществу своих военачальников Адуд ад-Даула предпочитал общество поэтов, щедро их вознаграждал, особенно благоволил он к великому поэту аль-Мутанабби, в результате тот за время пребывания в Ширазе так обогатился, что уезжал в сопровождении огромного каравана,

перевозившего его имущество. При этом он был чужд какой бы то ни было религиозной нетерпимости, поэтому при его дворе пользовались почетом ученые и поэты всех исламских направлений и сект.

Впервые в истории ислама Адуд ад-Даула стал носить титул “шаханшаха” (царя царей), воспринимаемый арабами как ирано-зороастрийский. Титул этот сохранился и за его преемниками. Как и другие бувайхидские правители, Адуд ад-Даула был скуповат и прижимист, любил деньги, жители его большого государства страдали не только от старых, но и от вводимых им новых налогов, а его заботы о наведении порядка в сельском хозяйстве были связаны исключительно с желанием сделать его более доходным.

После смерти Адуд ад-Даула усиливается процесс дальнейшей феодализации государства, и при его преемниках империя распадается на ряд уделов. Между его сыновьями начинается борьба, общепризнанного главы династии больше нет, и бувайхидское государство становится добычей новых завоевателей.

Аш'аризм

Еще при халифе аль-Мутаваккиле в 851 году му'тазилиты были официально осуждены, а старое, основанное на традиции суннитское “правоверие” снова признано государственным исповеданием. В изменившихся исторических условиях, когда в результате влияния греко-эллинистической научной и философской мысли уровень культуры в кругах образованной исламской интеллигенции значительно возрос, теологи-консерваторы, знатоки хадисов оказались в затруднительном положении. Им надо было как-то ответить на вызов му'тазилитских теологов, опиравшихся на доводы логики и разума. А между тем

у “людей сунны” разработанной догматики не было. Факихи привыкли довольствоваться ссылками на Коран и хадисы, которые не содержали ответов на интересовавшие образованную часть исламского общества вопросы. Борьба с му‘тазилитами и свободомыслящими философами требовала новой, теперь уже “ортодоксальной” догматики.

Создателем традиционалистического богословия стал теолог Абу-ль-Хасан аль-Аш‘ари (873-935), школа и учение которого позднее получили наименование “аш‘аризма” или “позднего калама”. В прошлом аль-Аш‘ари был учеником главы басрийских му‘тазилитов аль-Джубба‘и (ум. В 915 г.), но позднее покинул своих единомышленников и стал ревностным сторонником и защитником исламских традиционалистов, причем о своем разрыве с му‘тазилитами он публично объявил в 912 году в Басрийской мечети.

В отличие от прежних факихов, аль-Аш‘ари защищал суннитское правоверие не только ссылками на Коран и хадисы, но, используя в полемике приемы му‘тазилитов, выдвигал доводы, основанные на логике и философии. Стараясь придерживаться взглядов наиболее консервативных теологов, особенно Ибн Ханбала он при этом приспособлял метод му‘тазилитов для подкрепления и оправдания правоверия и в некоторых вопросах в какой-то мере воспринял взгляды му‘тазилитов. Поэтому по ряду проблем аль-Аш‘ари и его ученики занимали компромиссную позицию между му‘тазилитами и традиционалистами. Так, в вопросе о божественных атрибутах они придерживались мнения, что атрибуты и тождественны и нетождественны сущности Творца. Они обвиняли му‘тазилитов в том, что те, отрицая извечность божественных атрибутов, приходят к отрицанию самого Творца, хотя, по их мнению, Творец обладает атрибутами, а каковы они на самом деле — для человеческого ума непостижимо.

Вопрос о “сотворенности” или “несотворенности” Корана аш‘ариты также решали на основе компромисса. Они говорили, что сущность Корана извечно пребывает в Аллахе, а конкретная его словесная форма была создана во времени и потому допускает символично-аллегорическое толкование. Именно так они воспринимали коранические выражения “рука Аллаха”, “лицо Аллаха”, но при этом считали, что эти слова надо понимать в соответствии с их телесным значением, что они обозначают реальные атрибуты Аллаха, природа которых людям неизвестна. Возможность увидеть Аллаха в будущем мире — реальность, но человек не в состоянии понять, как это произойдет. Тем самым, отвергая учение му‘тазилитов о том, что Аллах не имеет атрибутов, аль-Аш‘ари также категорически отвергал и грубый антропоморфизм старых теологов “ташбих Аллах ила халкихи” (“уподобление Бога творению его”). Аль-Аш‘ари утверждал, что представление о “руках” и лице Аллаха есть “ташбих” лишь тогда, когда сознательно уподобляют их человеческим рукам и лицу. Но, если верить в “лицо и руки Аллаха” и его “восседание на престоле”, не пытаясь объяснить себе эти слова Корана, верить “би ла кайф” (без “как”, то есть не задавая себе вопросов и не требуя объяснений), то такая вера правильна и лишена антропоморфизма. Аш‘ариты считали, что “ташбих” ведет к язычеству, ибо уподобляет Аллаха человеку, а отрицание внешних атрибутов Аллаха делает представление о нем таким абстрактным, что логически ведет к атеизму.

Именно в период господства Бувайхидов в первой половине XI века идеологическая борьба в исламской теологии получила окончательное, теперь уже официальное завершение. Утратившим реальную власть аббасидским халифам хотелось хотя бы в области исламской апологетики утвердить свое значение и этим явить исламскому миру свое величие. В 1017 году халиф аль-Кадир (991-1031) специальным приказом, угрожая

наказанием за неповиновение, потребовал от му^тазилитов полного отказа от их учения. Тех, кто отклонялся от традиционного ислама, объявляли еретиками, предавали проклятию с минбаров мечетей, высылали и даже казнили. В том же году он составил “Послание”, которое можно было бы назвать мусульманским “символом веры”, в главных положениях основанное на принципах ханбалитской ортодоксии и подписанное влиятельными богословами-традиционалистами ханбалитского толка, “дабы можно было видеть, кто же неверующий”, и его обнародовали в торжественной обстановке в халифском дворце в Багдаде. Этот документ получил наименование “ар-Рисала аль-кадирийя” и стал первым текстом такого рода в истории ислама, имевшим официальное значение. Это событие ознаменовало завершение становления мусульманского схоластического богословия. Позднее, уже при халифе аль-Ка^аиме (1031-1075), основные положения этого документа были снова подтверждены.

Появление “Послания” связано с желанием не только окончательно осудить му^ттазилитизм, но и пресечь деятельность фатимидских проповедников, которые проникали в шиитские районы Багдада и вели исмаилитскую пропаганду. Оно содержало критику шиизма во всех формах, му^ттазилитизма и даже аш^аризма, который рассматривался как опасный для традиционного ислама компромисс с му^ттазилитами. Отныне всякая пропаганда шиитских и му^ттазилитских доктрин запрещалась, и под влиянием ханбалитов на первый план в качестве главного долга истинно верующих мусульман выдвигалось почитание сподвижников Пророка.

“Человеку необходимо знать: Аллах един, нет у Него товарищей, не породил Он никого и никем Он не порожден, нет равного Ему, Он не брал себе ни товарища, ни сына и нет у Него соправителя в царствии Его. Он первый, который был извечен, и Он последний, который никогда не избудет. Он

властен над всем и ни в чем не нуждается. Пожелает Он что-либо, Он говорит: “Будь” и это станет. Нет божества, кроме Него, вечно живого, ни сон Его не одолевает, ни дремота. Он дарует пищу, но сам в ней не нуждается. Он один, но не чувствует себя одиноким, и нет у Него друзей... Он сам сотворил и годы и время, и день и ночь, и свет и тьму, и всех родов тварей, и всякую вещь — живую, мертвую и неизменную... Он создал престол, хотя тот ему и не нужен, и Он восседает на нем, как пожелает... Он правит небом и землей и правит тем, что на них есть, и тем, что живет на суше и в воде, и нет правителя кроме Него... Он содержит людей, делает их больными и исцеляет их, заставляет их умирать и дарует им жизнь... Он говорит словами, но не при помощи сотворенного органа, подобного органу речи творений Его.

Следует также знать: Слово Аллаха не сотворено. Он произнес его и открыл его посланнику своему через Гавриила. Гавриил, услышав его от Него, повторил его Мухаммаду, Мухаммад сподвижникам своим, а они — общине. И повторение слова существами человеческими не есть сотворенное, ибо это само слово, произнесенное Аллахом, а оно не было сотворено... Тот же, кто утверждает, что оно было сотворено в каком бы то ни было состоянии, тот неверующий, кровь которого разрешается пролить, после того, как он будет приведен к покаянию.

Следует также знать: вера — это слово, дело и разум... Вера может становиться и больше и меньше, больше — путем повиновения, а меньше — путем ослушания... Человек не ведает о том, что записано у Аллаха и что лежит у него под печатью, а посему говорим мы: “он верующий, если пожелает Аллах, или я надеюсь, что я — верующий”. Нет иного пути к спасению, кроме надежды... верой он достигнет того, что скрыто от него в будущем. С чистыми намерениями должен он покорно исполнять законы и в избытке совершать добрые дела...

Следует любить всех сподвижников Пророка, ибо они лучшие из созданий после посланника Аллаха. А самый лучший из всех и благороднейший после посланника Аллаха — Абу Бакр, за ним Умар, за ним Усман, потом Али... Кто поносит Айшу — нет тому доли в исламе, а о Муавии следует говорить только хорошее... Не следует обвинять в неверии кого-нибудь, если он упустил что-нибудь из законных установлений веры, исключая, конечно, предписанную молитву. Ибо тот, кто без причины не совершает молитвы, тот неверующий, даже если он не отрицает обязанности молитвы... Упущение прочих дел не делает неверующим, если даже быть столь дерзким, что не признавать обязанности их совершения. Такова вера верующих по обычаю и общине (ахл ас-сунна ва-ль-джама^а). Кто придерживается этой веры, тот стоит у истоков чистой истины, под правильным руководством и на правильном пути. В отношении его можно питать надежду, что он будет спасен от адского пламени и войдет в рай, если Аллаху это будет угодно”.

Так завершилась борьба традиционалистов со всякими проявлениями инакомыслия. Однако му^ттазилитские теории так широко внедрились в сознание образованной части общества, что главные идеи му^ттазилитов — отрицание антропоморфизма, учение о сотворенности Корана и свободе воли — и далее имели широкое хождение в исламском мире, особенно среди шиитов зайдитского толка.

Шиизм и шиитское сектанство

Исмаилиты и карматы

Образовавшаяся еще в годы правления “праведных” халифов “партия Али” со временем обрела характер особого шиитского направления, расколовшего исламскую общину. Различие между основной массой мусульман — суннитов (ахл ас-сунна ва-ль-джама‘а) и шиитами состояло в отношении к имамату и имаму — руководителю исламской общины. В то время как для суннитов имам (халиф) — духовный и светский глава, формально избираемый из числа курайшитов членами уммы, для того, чтобы регулировать жизнь общины согласно шариату и следить за выполнением божественных установлений, шииты признавали право на имамат только за семейством Мухаммада, то есть за Али и его потомками. Имам шиитов — наследник миссии Мухаммада, первосвященник, непогрешимый в силу проявившейся в нем “божественной эманации”. Для шиитов имамат не может зависеть

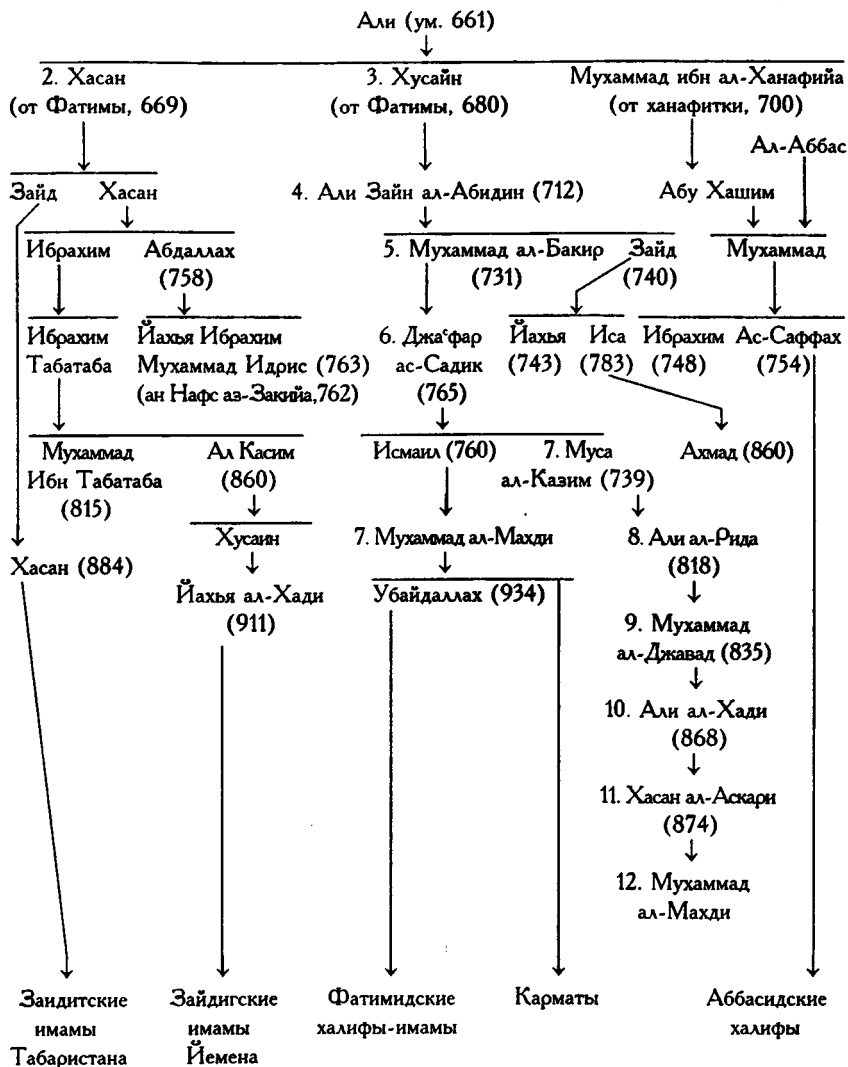
от воли людей, так как заповедан Аллахом и основан на принципе “духовной преемственности”. Таким образом, алидские имамы олицетворяли собой принцип наследственной духовной власти, через которую осуществлялась непрерывность божественного пророчества.

Умеренные шииты-имамиты — основное направление шиитского ислама — признавали последовательное назначение двенадцати имамов (отсюда их наименование “аль-Исна‘ашарийа” — двенадцатники) из рода Али ибн Аби Талиба. После смерти одиннадцатого имама аль-Хасана аль-Аскари в 873 году имамиты считали двенадцатым имамом его малолетнего сына Мухаммада, который, однако, вскоре исчез, скорее всего был убит. Имамиты провозгласили его “скрытым” имамом. Вера в “скрытого” имама стала одним из основных догматов имамитов. Перед “концом света” скрытый имам, “владыка времени” должен вернуться в образе махди (спасителя) и “наполнить мир справедливостью”.

Рассматривая имамат как божественное установление, имамиты отвергали саму возможность выборности имама. По их понятиям имамат есть эманация вечного божественного света в роду потомков Али. Божественная природа имамата предопределяла исключительные качества ее носителей. Большая часть шиитов состояла из имамитов, признававших двенадцать имамов, причем, по их понятию, власть к каждому следующему имаму должна была переходить по наследству от предыдущего по его, выражавшему божественную волю, единоразовому решению. Однако, еще при Омейядах, после смерти пятого имама Мухаммада аль-Бакира в 731 году, в шиитской среде произошел первый раскол.

Основная масса шиитов после смерти Мухаммада аль-Бакира признала шестым имамом его сына Джа‘фара ас-Садика. Однако часть шиитов, недовольная миролюбием и

АЛИДЫ

пассивностью Мухаммада в борьбе против Омейядов, объединилась вокруг его более активного младшего брата Зайда и провозгласила пятым имамом именно его. Зайдиты полагали, что имамом за заслуги перед исламом может быть избран любой человек из рода Алидов. Избранный меньшинством шиитов, Зайд ибн Али возглавил восстание против омейядского халифа Хишама в 740 году и вместе со своими немногочисленными сторонниками погиб в сражении с халифским войском. Хотя восстание, поднятое Зайдом еще при Омейядах, было подавлено, получившее его имя движение шиитов не прекратилось. Зайдиты разработали собственную теологическую доктрину, и хотя в области “теории” они были наиболее умеренными среди шиитов (они, например, соглашались, признать право на халифский престол первых трех “праведных” халифов), политически они были наиболее активными.

Потомкам Зайда и его приверженцам удалось с помощью пропаганды привлечь на свою сторону жителей горных областей юго-западной части побережья Каспийского моря и в 864 году осуществить то, чего не могли добиться другие алидские лидеры шиитов со времен халифа Али. Они образовали свой независимый эмират в Табаристане и Гилане. Этот эмират просуществовал около трехсот лет. Зайдитские эмиры конечно не признавали законности аббасидского правления. Успехам зайдитов в прикаспийских провинциях сопутствовало то обстоятельство, что весь этот район, в силу своей географической труднодоступности, еще к этому времени не подвергся радикальной исламизации, и шиитское сектантство здесь мирно уживалось с суннитским правоверием. Аль-Мутаид старался поддерживать хорошие отношения с лидерами зайдидского государства, что соответствовало его примиренческой в отношении шиитов политике.

Успех сопутствовал зайдитам и в юго-западной части Аравийского полуострова, которую багдадским властям было трудно контролировать. Здесь, на территории Йемена, во времена халифа аль-Му'тадида в 897 году образовалось другое зайдитское государство, которому суждено было просуществовать до XX века.

В середине VIII века в шиитском направлении ислама произошел новый раскол: наряду с умеренными шиитами-имамами, отличавшимися от суннитов лишь учением о наследственном праве Алидов на имамат и признававшими это право за двенадцатью имамами, появляются экстремистские секты, догматика которых далека не только от вероучения и культа суннитов, но и умеренных шиитов. Эти секты получили наименование “гулат” (от глагола “гала” — “проявлять чрезмерность, переходить границы”). Общей чертой этих сект было обожествление халифа Али и его потомков, представление об “инкарнации” (хулул) — “воплощении Божества в человеке”. Верования таких экстремистских шиитских сект представляли собой причудливое переплетение основного шиитского вероучения с домусульманскими древневосточными культурами, восточным христианством, а иногда и с буддизмом.

Самая известная из таких шиитских сект — исмаилиты — возникла еще в VIII веке, но ее философско-догматические основы и организационная структура вполне сложились лишь к концу IX века. Учение шиитов-экстремистов современники возводили к идейному основоположнику шиизма, йемениту из иудеев, Абдаллаху ибн Саба (середина VII века), который обожествлял личность Мухаммада, учил о его грядущем “возвращении” и о назначении им своим заместителем Али. Эта концепция возникла под влиянием легенды о пророке Илии, который после описанного в Библии вознесения на небо якобы не умер, но продолжает жить и должен возвратиться на

землю (в христианстве вернувшимся Илией считается Иоанн Креститель). Позднее крайние шииты развили учение Абдаллаха ибн Саба и дополнили его идеей о передаче божественной искры от одного пророка к другому.

Согласно суннитским источникам, секта исмаилитов возникла в кругу сподвижников шестого шиитского имама Джа'фара ас-Садика (умер в 765 г.). Джа'фар был одним из главных идеологов имамитского шиизма, признававшего последовательную преемственность ведомых Божеством имамов. Преемниками шестого имама Джа'фара имамитские шииты признавали его сына Мусу аль-Казима (умер в 799 г.) и его потомков, вплоть до "сокрытия" около 874 года двенадцатого имама Мухаммада. При назначении седьмым имамом младшего сына Мусы аль-Казима Джа'фар ас-Садик счел необходимым объявить об отстранении от наследования имамата своего старшего сына Исмаила, умершего еще в 760 году при жизни отца. Однако некоторые шииты не согласились с решением Джа'фара, ибо, как они полагали, назначение следующего имама не могло происходить только волевым решением предшественника, но было результатом божественной благодати и, в качестве проявления мудрости Всевышнего, оно могло состояться лишь однажды. Раз Джа'фар сначала назначил преемником Исмаила, изменить это уже нельзя.

Сложилось предание, будто Джа'фар лишил Исмаила бесспорно принадлежавшего тому права наследовать сан шиитского имама из-за пристрастия Исмаила к вину. Однако сторонники Исмаила, не подвергая сомнению само предание, оправдывали Исмаила на том основании, что никакие поступки членов рода имамов, потомков Али, не могут считаться греховными. В действительности отстранение Исмаила было вызвано гораздо более серьезными причинами, чем нарушение им одного из предписаний Корана. Доктрина шиитов-

имамитов давала шиитским лидерам возможность отказаться от идеи захвата власти в Халифате силой, поскольку они считали, что следовало ждать появления “скрытого” имама — махди и все усилия направляли на то, чтобы играть активную роль в жизни общества и занять в нем как можно более высокое положение. Подобная пассивно-примиренческая позиция имама Джа‘фара ас-Садика по отношению к правящей династии Аббасидов вызывала недовольство более радикальной части шиитов, они жаждали более активных действий. По-видимому Исмаил, сторонник крайней шиитской группировки, был лишен своим отцом-имамом права наследовать имамское достоинство за экстремизм.

Предвидя возможное недовольство части шиитов, Джа‘фар ас-Садик счел необходимым широко оповестить о смерти сына Исмаила и выставить его тело в одной из мединских мечетей. Казалось бы, это было серьезным доводом в пользу нового назначения, ибо мертвый не мог наследовать пост живого. Но ревностные приверженцы Исмаила отрицали факт его смерти и утверждали, что он пережил своего отца, приводя свидетельства ряда людей, утвердивших, что они видели его при разных обстоятельствах в последующие годы.

Таким образом, между шиитами-имами и сторонниками Исмаила возник принципиальный спор: следует ли сохранить династийный принцип назначения имама и признать законным лишь назначение Исмаила и его сына Мухаммада ибн Исмаила, или принять принцип назначения имама предшественником по его воле и признать законными назначения Мусы аль-Казима и других имамов из числа двенадцати. Так возникла секта исмаилитов, сторонников Исмаила — отца последнего седьмого имама — Мухаммада ибн Исмаила.

После смерти Мухаммада ибн Исмаила в среде исмаилитов произошел новый раскол. Одни считали Мухаммада ибн

Исмаила седьмым и последним имамом (отсюда наименование секты “семиричники”) и ожидали его возвращения из “укрытия” (эта ветвь позднее получила название “карматы”). Другие признавали имамат одного из сыновей Мухаммада ибн Исмаила и его потомков, “скрытых имамов”, имена которых и их местопребывание якобы было известно только избранным. С начала X века их стали именовать “фатимидскими исмаилитами” — по имени дочери Мухаммада Фатимы.

Из кружка Джа‘фара ас-Садика вышли идеологи шиизма и теоретики исмаилизма. Первым среди них был Абу-ль-Хаттаб (умер в 762 г.), который был известен крайними взглядами, заставившими Джа‘фара отречься от него. Учителем такого же типа был один из приближенных пятого имама Мухаммада аль-Бакира — Маймун аль-Каддах (умер около 796 г.) и его сын, особенно активный деятель и теоретик в кружке Джа‘фара — Абдаллах ибн Маймун (умер в 825 г.). Именно эти три человека были истинными создателями и теоретиками исмаилитского учения.

Конфликт, который возник в кругу преемников Джа‘фара ас-Садика и привел к появлению секты в шиизме, был не просто результатом спора о династийной преемственности имамов, но с самого начала принял идеологический характер. Это понимали в исламской среде еще на рубеже VIII и IX веков. Поэтому суннитские источники, рисуя картину возникшей полемики, концентрируют внимание не столько на вопросе о том, какому имаму раскольники-шииты или имамиты отдают предпочтение, сколько на идеологической стороне спора, на самом принципе избрания или назначения на этот пост.

В основе учения исмаилитов лежала доктрина о том, что священные тексты имели два значения: простое, лежащее на поверхности (захир), и глубинное, скрытое от глаз непосвященных (батин), отражающее подлинную духовную “реаль-

ность” (хакика), содержащуюся в тексте. Чтобы выявить “реальность”, духовный смысл священного текста, Абу-ль-Хаттаб прибегал к методу аллегорического толкования, при котором образы и даже сами буквы Корана давали возможность понять скрытую истину. Под влиянием неопифагоризма исмаилиты пытались выявить символику чисел в Коране. Они высчитывали количество тех или иных букв и путем сложных калькуляций и рассуждений пытались найти в нем указания на права семи имамов на власть. “Ад” они истолковывали как состояние невежества, в котором, по их убеждению, пребывала большая часть человечества, а “рай” — как аллегория совершенного знания, доступного лишь членам их секты.

В соответствии с доктриной двуплановости священного текста исмаилизм предполагал два уровня посвящения: во внешнюю, экзотерическую доктрину “захир” (общедоступное учение, известное рядовым членам секты), и во внутреннюю “батин” (эзотерическую, открывавшуюся только немногим, посвященным членам секты высших степеней). Каждому пункту внешней доктрины соответствовал разъяснявший его тайный смысл пункт внутренней доктрины, то есть внутренняя доктрина рассматривалась как истолкование внешней доктрины. Экзотерическая доктрина мало чем отличалась от имамитского шиизма, кроме пункта о том, что седьмым имамом был не Муса аль-Казим, а Мухаммад ибн Исмаил, после которого (в учении фатимидских исмаилитов) шли “скрытые” имамы, а после них фатимидские халифы-имамы. “Внешняя” доктрина сохраняла в качестве обязательных для всех исмаилитов низших ступеней почти все обрядовые и правовые установления шариата (молитвы, посещение мечетей, посты и т.д.). К “внешней” доктрине относилась и особая система фикха, разработанная шиитским правоведом Ну^сманом (умер в 974 г.).

Исмаилиты сформулировали свою макрокосмическую концепцию, которую именовали “истинной реальностью” (хакика). Это определение представляло собой исламизированную версию гностицизма (религиозно-философского учения первых веков христианства, соединявшего разнородные элементы неоплатонизма и неопифагоризма с христианскими догматическими положениями). Согласно учению исмаилитов, познание “истинной реальности”, иными словами Бога, “хикма” (греч. “гносис”) есть результат “божественного призыва” (дава), который раскрывается обращаемому или уже обращенному исмаилиту по мере прохождения различных стадий испытания. Этот призыв исходит в виде откровения от истинной и целостной “духовной реальности” и обретает материальную или словесную форму.

В учение исмаилитов входило и заимствованное из иудаизма и христианства представление о великой космической драме, в результате которой произошли вселенная и человек, совершилось грехопадение и которая должна завершиться конечным спасением. Согласно эзотерической доктрине исмаилитов, первопричиной всего сущего служит отождествляемый с Аллахом дух (идея), породивший эманационным путем (путем истечения творческой энергии божества) материю. По их представлениям Аллах не имеет ни определенного образа, ни свойств и качеств и поэтому не может быть воспринят человеческим разумом.

Разработанная исмаилитскими теоретиками сложная религиозно-философская система эклектична, многие ее положения заимствованы из учений неоплатоников и гностиков и приспособлены к исмаилитской теологии. Однако элементы неоплатонизма исмаилиты усвоили не из сочинений Плотина, а из их позднейших версий, прошедших обработку у иудейских и христианских авторов. Подобно иудео-христианским

мистикам, исмаилиты восприняли из неоплатонизма понятия единства и множественности бытия видимого мира. В своей космологии они позаимствовали также неоплатоническую эманационную схему, которой они следовали, используя арабскую терминологию. Плотин говорил о двух продуктах эманации: Мировом Разуме и Мировой Душе. Исмаилиты довели количество продуктов эманации до десяти и в их число включили семь низших Разумов, в том числе ангелов, планеты и созвездия, а также живые твари. Появление человека исмаилиты, как и неоплатоники, объясняли творческой способностью Мировой души, которая в своих деяниях стремится к совершенству. Человек появляется на земле для исполнения определенного назначения: восприятия божественной истины, которую проповедуют пророки, а хранят и истолковывают исмаилитские имамы. Отражением Мирового Разума в чувственном мире становится “совершенный человек”, пророк, по терминологии исмаилитов “натик” (“говорящий, разумный”). Отражением Мировой Души в чувственном мире становится помощник пророка — “самит” (“молчащий”). Задача “самита” — разъяснять людям речи и писания пророка путем истолкования их внутреннего смысла (батин).

Подобно стадиям эманации в горнем мире, жизнь человечества отмечена семью пророческими циклами или степенями на пути к совершенству. Натиков было шесть: Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус Христос и Мухаммад. Соответственно их самитами были у Моисея — Аарон, у Иисуса — апостол Петр, у Мухаммада — Али. Седьмой натик появится перед концом света. Он совместит функции “говорящего” и “молчащего”. Это будет махди — имам “воскресения из мертвых”, и его имя будет Мухаммад. Карматы, не признававшие новых имамов после Мухаммада ибн Исмаила, считали, что это будет именно он.

Согласно учению исмаилитов, за каждым пророческим циклом, за натиком следовали имамы (имамы своего времени). Конец мира наступит, когда человечество посредством натиков, самитов и имамов достигнет совершенного познания. Тогда исчезнет зло, которое есть неведение, и мир возвратится к своему первоисточнику — Мировому Разуму.

У фатимидских исмаилитов существовала разветвленная организация и семь степеней посвящения. Высшая политическая власть и духовное руководство принадлежало незначительному числу верховных учителей, якобы обладавших особенными способностями, позволявшими им понимать и воспринимать истинную суть вещей и явлений видимого мира и проникать умственным взором в мир невидимый. Для высших степеней исполнение законов шариата было необязательно. Совершенного познания можно достигнуть только путем признания “имамы своего времени”, то есть сделавшись исмаилитом.

Среди исмаилитских проповедников (да‘и мн.ду‘ат), действовавших в Сирии в начале IX века, особенно активным был теоретик и практик движения Абдаллах ибн Маймун. Как и его отец, он был иранец родом из Хузистана и в прошлом зороастриец. Еще в Хузистане он объявил, что ведет свою пропаганду от имени “скрытого имама”. Позднее он перебрался в Сирию, где создал пропагандистский центр исмаилитов в городе Саламия, откуда рассылал исмаилитских проповедников (ду‘ат) по всему Халифату. Имя очередного исмаилитского имама и его местопребывание сообщалось только немногим исмаилитам высшего посвящения.

В конце IX века в исмаилитских кругах все надежды возлагались на незамедлительное появление махди в лице “возвратившегося” Мухаммада ибн Исмаила. Одному из наиболее усердных проповедников этой веры, да‘и из Ирака Ху-

сайну аль-Ахвази в 875 году удалось вовлечь в это движение крестьянина из под Куфы по имени Хамдан Кармат, который и явился одним из основателей новой секты. Карматское движение возникло около 890 года и во времена халифа аль-Муṭаида (892-902) стало главной опасностью для аббасидской власти.

Глава карматов Хамдан Кармат и его главный сподвижник Абдан энергично действовали в районе Васита и Куфы. В 890 году Хамдан основал около Куфы свой главный центр, откуда “призыв” (да‘ва) распространялся по всей плодородной части Южного Ирака, этот призыв возвещал скорое возвращение Мухаммада ибн Исмаила, который, наконец, установит на земле справедливость. В связи с приближающимся “концом света” исламский закон был объявлен аннулированным, о чем широко оповещалось.

Послание энергичного да‘и и его помощника возбудило ожидание наступления счастливых времен и вызвало чувство радостного облегчения у угнетенного городского и сельского населения и бедуинов близлежащих степей. Вся эта область пребывала в беспокойном состоянии еще со времен восстания занджей, здесь не был полностью восстановлен контроль багдадских властей. Багдадскому правительству было известно, что происходит в районах Васита и Куфы, где нормальная жизнь была нарушена эсхатологическими ожиданиями “конца света”, но оно ничего не могло сделать, чтобы умиротворить жителей. В сознании рядовых исмаилитов бродили смутные представления об “установлении всеобщей справедливости и равенства” с приходом махди и утверждением “истинного имамата” Алидов, а также идея о возврате к “истинному исламу” в его первоначальном виде и к теократии, которая противопоставлялась светской халифской власти. При всех различиях во взглядах крайних шиитских сект их сближала

общая неприязнь как к омейядским, так и к аббасидским халифам.

Обе ветви исмаилитов — фатимидские исмаилиты и карматы — создали сильные тайные организации и вели широкую пропаганду, особенно в среде городских низов, крестьян и бедуинов. Наибольшую активность они начали проявлять во второй половине IX века. Исмаилитские миссионеры (ду'ат) из Саламии разъезжались по всему Халифату. Особенно много их было в Южном Ираке, Сирии, Иране (Хорасане), Магрибе и Бахрейне. Они концентрировались в районах и городах с большим шиитским населением (Рей, Кумм, к югу от Каспийского моря), причем, если в Ираке их пропаганда была адресована беднейшим слоям населения, то в Иране они пытались обратить в исмаилизм местных правителей.

Особенно успешной деятельность карматов была в Южном Ираке и в районе Бахрейна в Персидском заливе. В конце IX века Хамдан отправил в Бахрейн своего агента Абу Са'ида аль-Джаннаби, которому удалось образовать здесь карматское государство с центром в городе-крепости Хаджар, ставшим главным карматским опорным пунктом. Восточная Аравия стала плацдармом для набегов на соседние страны, из которых карматы возвращались с богатой добычей и пленными, обращаемыми ими в рабов. В 913 году аль-Джаннаби был убит одним из своих рабов, и власть перешла в руки его братьев, вокруг которых образовался своеобразный "совет старейшин", взявших на себя управление государством. Члены совета утверждали, что действуют от имени тайного главы секты, которого они именовали "сахиб аз-зухур" ("носителем божественной манифестации"). Правители Бахрейна не признавали имамат фатимидских исмаилитов, которых обвиняли в убийстве Абдана. В 903 году карматы ворвались в Саламию и истребили семью самопровозглашен-

ного исмаилитского имама Убайдаллаха, который сумел бежать в Египет.

Карматская пропаганда имела успех и в Южном Ираке в районе Басры, и среди бедуинов сирийской пустыни, где во главе движения стал некий Зикравайх со своими сыновьями. В 902 году карматы нанесли под Куфой поражение высланным против них халифским войском, а в 903 году даже осадили Дамаск. Однако багдадским властям удалось справиться с карматами в Сирии, их главари были схвачены. После смерти Зикравайха в 906 году карматы появлялись в Сирии лишь эпизодически и большой роли не играли.

Опасаясь новых набегов карматов, вазир Али ибн Иса старался ладить с их главарями, но в 923 году карматы сумели захватить Басру и потребовали от халифа официального признания их господства в городе, что послужило причиной отставки вазира Али ибн Исы в Багдаде.

В последующие годы карматы неоднократно совершали рейды в Ирак и добирались до Багдада. Столица была спасена только энергичными действиями военачальника Му'ниса. Однако и позднее карматы проникали в Ирак, а сменивший аль-Джаннаби в качестве военного главы карматов его младший брат в 930 году совершил нападение на священный город мусульман Мекку и увез с собой в Бахрейн главную мусульманскую святыню — Черный камень, и только влияние фатимидского халифа вынудило карматов в 951 году возвратить его обратно в Мекку. На протяжении всего X века карматское движение охватывало самые разные области Халифата от Северной Африки до Индии, с карматами боролись Саманиды, с жестокими преследованиями на них обрушился Махмуд Газневидский. В карматском движении, имевшем четко выраженный социальный характер, принимали участие не только крестьяне, ремесленники и кочевники, но и

выходцы из образованных слоев общества. По обвинению в карматской агитации был казнен в 922 году знаменитый мусульманский мистик аль-Халладж, в тюрьму с обвинением в каких-то связях с карматами был заточен поэт аль-Мутанабби. Только с появлением Сельджуков в середине XI века карматское движение стало сходить на нет.

Фатимидский халифат (909-1171 гг.)

В X-XI веках возникли и вступили в сложные взаимоотношения три основные, определившие всю последующую историю Ближнего Востока, силы: Халифат Фатимидов, Империя Сельджуков и государства крестоносцев. Ранее других на историческую арену выступили Фатимиды, и свой рассказ о событиях этого времени мы начнем с них.

В начале X века в Северной Африке возникло мощное антиаббасидское движение, завершившееся образованием государства во главе с могущественной династией Фатимидов. Еще на рубеже IX и X веков исмаилитские пропагандисты (дугат) из их центра в Саламии распространили слух, будто махди уже появился в лице некоего Убайдаллаха, имя которого и местопребывание до последнего времени будто бы скрывались. Сторонники новоявленного махди вели соответствующую пропаганду во всех областях исламского мира, но особенно благоприятная обстановка для их деятельности сложи-

лась в Северной Африке, где местные династии Аглабидов в Ифрикии (Тунис) и Рустамидов в Алжире утратили былой авторитет и снискали всеобщую ненависть жителей.

Примерно в это же время, в конце IX века, когда Хамдан Кармат проповедовал в Ираке свои идеи и исмаилизм обрел в этой центральной провинции Халифата все большее число сторонников, появился энергичный вновь обращенный исмаилит Абу Абдаллах. Он прошел соответствующее обучение исмаилитской доктрине под руководством опытного наставника и был в 893 году направлен в качестве миссионера в Северную Африку, куда он пробрался, примкнув к группе берберских паломников, возвращавшихся после хаджа в Ифрикию. Первоначально его пропагандистская деятельность встречала противодействие со стороны суннитских правителей Ифрикии Аглабидов. Однако он нашел горячую поддержку среди недовольных правящей династией берберов.

Между тем, вышедший из своего "сокрытия" в Саламии новый исмаилитский имам Убайдаллах стал на путь открытой борьбы. Он попытался использовать карматское восстание в Сирии в 899 году в своих интересах, возглавил его и объявил себя главой всех Алидов.

В 902 году карматское восстание было подавлено аббасидским военачальником Му^нисом, и Убайдаллах, бросив на произвол судьбы своих соратников, бежал в Египет, а оттуда стал пробираться к своему энергичному миссионеру в Ифрикию. Однако, не чувствуя себя в полной безопасности поблизости от Абу Абдаллаха, он не присоединился к нему немедленно и бродил с группой преданных ему людей в районе Атласа. Здесь он был схвачен берберами-хариджитами и заточен в тюрьму в хариджитском городе Сиджильмассе.

Проповеди Абу Абдаллахом среди берберского населения западной части Ифрикии имели большой успех, и армия его

сторонников, воспринимавших исмаилитское учение, росла не по дням, а по часам. Ослабленная внутренними смутами правящая династия не могла оказать повстанцам существенного сопротивления. Аглабидский эмир Ибрахим II (875-902) за стремление вести независимую политику был отстранен от власти по приказу из Багдада, и эмиром стал благочестивый Абдаллах II, который через год был убит собственным сыном Зийадаталлахом III (903-909). Полностью утратившим остаток авторитета Аглабидам нечего было противопоставить исмаилитским повстанцам.

Против Аглабидов выступили берберские племена и побуждаемые исламскими улемами жители города Кайравана, к которым примкнули воины расположенного здесь арабского гарнизона. Абу Абдаллах со своей исмаилитской армией захватывал город за городом, и в 909 году последний аглабидский эмир бежал в Египет под защиту аббасидской армии. Овладев Ифрикией, Абу Абдаллах сразу же отправил отряд, чтобы освободить из заключения Убайдаллаха, и к концу 909 года фатимидский имам перебрался в Кайраван, где был в торжественной обстановке объявлен имамом-халифом, “повелителем правоверных” (“амир аль-му’минин”).

Убайдаллах провозгласил себя “махди”, то есть спасителем мусульман, вышедшим из “сокрытия”, чтобы их осчастливить и повести по правильному пути, и присвоил себе новое имя аль-Махди (909-934). Так было положено начало исмаилитскому Халифату Фатимидов (909-1171), а его сторонников-исмаилитов стали именовать фатимидскими исмаилитами.

Вскоре халиф аль-Махди при поддержке берберского племени кетама не только окончательно утвердился в Ифрикии, но также сверг хариджитскую династию Рустамидов в Тархате (Алжир), а Идрисидов в Фесе сделал своими данниками. Фатимиды построили в Ифрикии свой главный опорный

пункт, город-крепость аль-Махдию и постепенно овладели большей частью Северной Африки. Они считали себя единственной законной властью в исламском мире по происхождению и божественному выбору и намерены были свергнуть Аббасидов, как те в свое время свергли Омейядов.

Официальная исмаилитская историография закрепила за Убайдаллахом репутацию потомка Мухаммада ибн Исмаила. В ней утверждалось, что Мухаммад ибн Исмаил вовсе не умер, чтобы возродиться в эсхатологическом будущем, а ушел в “сокрытие”, Его власть по очереди наследовали его сыновья Абдаллах, Ахмад и Хусайн, а ныне, сын Хусайна — Убайдаллах вышел из “сокрытия” и открыто заявил свои претензии на имамат. Суннитские историки и теологи яростно оспаривали исмаилитскую версию происхождения Убайдаллаха. Аббасиды не могли примириться с подобной шиитско-исмаилитской генеалогией, которая ставила под сомнение их право на власть в Халифате и давала Алидам мощный аргумент в борьбе за имамат в исламском мире. Однако даже название династии, воспринятое преемниками Убайдаллаха — “Фатимиды” было мощным оружием в борьбе Алидов с Аббасидами, ибо оно свидетельствовало, что исмаилитские имамы были потомками Али и Фатимы, в то время как Аббасиды не могли представить сколько-нибудь убедительного доказательства их родственной связи с домом Пророка.

Возникновение шиитского исмаилитского государства в Северной Африке фактически означало окончательный раскол в исламском мире. Образовались три враждебных друг другу халифата: аббасидский со столицей в Багдаде, фатимидский со столицей в Кайраване и омейядский в Испании, где следуя примеру Фатимидов, омейядский эмир Абд ар-Рахман III (912-961) также провозгласил себя в 961 году халифом.

Основание Фатимидского Халифата в 909 году повлекло за собой и окончательное размежевание фатимидских исмаилитов и карматов, которые отказывались признать Фатимидов имамами-халифами. Еще во время пребывания Убайдаллаха в Сирии и до его бегства в Ифрикию между его сторонниками и карматами началась борьба на теологической почве. В 899 году Убайдаллах публично заявил, будто имеет все права на звание имама, что противоречило представлениям многих исмаилитов, в первую очередь карматов, утверждавших, что единственным законным имамом может быть находившийся в “сокрытии” Мухаммад ибн Исмаил. Для того, чтобы утвердиться в звании имама, Убайдаллах должен был преодолеть сопротивление карматов, веривших в скорое “возвращение” истинного имама, и избавиться от карматских лидеров, в союзе с которыми еще недавно воевал с Аббасидами. При этом он действовал достаточно энергично. Подсланные им люди убили Абдана, помощника Хамдана Кармата, а сам Хамдан по чистой случайности сумел избежать той же участи.

Спор между фатимидскими исмаилитами и карматами носил схоластический характер и касался сложного комплекса вопросов, связанных с шиитским “идеологическим” отношением к прошлому. При возникновении ислама пророк Мухаммад создал определенное представление о священной истории, обозначив место своей миссии в ряду пророчеств и объявив себя “печатью пророков”, то есть последним, завершающим в их ряду, после которого профетизм невозможен. Но с точки зрения шиитов вообще и исмаилитов в частности профетическая стадия в исламе не была завершена. Такому подходу способствовали как теологическая двусмысленность роли халифа, “восприемника” Пророка, связи которого с Всевышним не были точно определены, так и шиитское возвели-

чивание Али, открывавшее возможность для продолжения пророческой линии в священной истории и одновременно предлагавшее в исмаилизме новый вариант ее окончательного завершения.

Триумфальное восхождение на трон Убайдаллаха было итогом усилий Абу Абдаллаха и торжеством исмаилитской доктрины. Однако, в победе Убайдаллаха было одно уязвимое место, что делало его положение непрочным. Хотя Убайдаллах был на первых порах провозглашен своими сторонниками “махди”, по воле самого Всевышнего вышедшего из своего “сокрытия” в результате “воскрешения” или “возвращения”, вера в него была поколеблена, поскольку это “возвращение” не сопровождалось ожидаемым чудом. Убайдаллах не оказался истинным харизматическим махди, пришедшим в мир, чтобы его спасти, но занял трон как обыкновенный политический лидер. Он не появился “в конце времен”, как обещали ранние исмаилиты и поначалу сам Убайдаллах, что поставило под сомнение его претензии на духовное лидерство в исламе.

В остановке нарастающих идейных противоречий между прагматичными Фатимидами и карматскими экстремистами ни одна из сторон конфликта не пыталась отрицать, что новый приход или появление имама Мухаммада ибн Исмаила должен положить конец эре пророка Мухаммада. Однако обе стороны конфликта делали разные выводы из сложившихся обстоятельств. Фатимиды, которым история дала возможность обрести власть над Северной Африкой, а позднее и над Египтом, пытались несколько приглушить эсхатологические чаяния ранних исмаилитов и принять как данность исторический Халифат между первым и будущим пришествием. Они считали для себя обязательными законы шариата. Карматы же, потерпевшие крах в ходе политической борьбы, не жела-

ли считаться с реальными обстоятельствами, пытались отменить исторический шариат и ожидали незамедлительного появления спасителя махди.

Таким образом, с основанием Фатимидского Халифата в начале X века сложились две ветви исмаилитов, и произошло окончательное размежевание между фатимидскими исмаилитами и карматами. Первые признали исторический имамат Убайдаллаха, позднее распространившийся и на Египет в форме фатимидской династии, вторые, карматы, продолжали ожидать возвращения имама Мухаммада ибн Исмаила, с которым связывали завершение имамата, и не признавали Фатимидов имамами и халифами. Особенно много сторонников карматского учения было в Ираке и даже в самом Багдаде, где их духовным вождем стал племянник убитого Абдана, и в 925 году вазир аль-Хакани был даже вынужден принять ряд карательных мер против исмаилитских проповедников в столице.

Между тем, берберское население Северной Африки, оказавшее аль-Махди столь существенную поддержку, вскоре разочаровалось в нем, как в правителе. Абу Абдаллах, сыгравший главную роль в занятии трона фатимидским халифом, обещал жителям Кайравана при вступлении в город ряд экономических послаблений и гарантию их жизни и имущества. Но аль-Махди не собирался выполнять данных жителям обещаний. Поняв, что он теряет авторитет и популярность и как политический глава и как харизматический вождь, аль-Махди решил предпринять в отношении недовольных его властью подданных ряд карательных мер и избавиться от хотя и преданного ему, но слишком строгого в вопросах исмаилитской доктрины да'и. В 911 году он объявил, что Абу Абдаллах, вместе со своим братом и вождями некоторых берберских племен, замыслил заговор, дабы лишить его предоставленно-

го ему самим Всевышним трона, и приказал Абу Абдаллаха казнить. Одновременно он обрушился с репрессиями на берберские племена, противившиеся его власти и стремившиеся к созданию независимого берберского государства.

Для того, чтобы закрепить господство новой династии, аль-Махди объявил своим наследником в имамате сына Абу-ль-Касима, которому был придан титул “аль-Ка’им” (“имам воскресения”). Так в фатимидском государстве был установлен династийный принцип имамата. После 912 года аль-Ка’им (934-946) начинает играть ведущую роль в пропагандистской и политической деятельности Фатимидов. Ни аль-Махди, ни аль-Ка’им более не провозглашают “воскресения” (кийама) в том понимании, какое оно имело у карматов Ирака. Отныне Фатимиды правят в качестве халифов и имамов, а не в качестве эсхатологических махдиев. Срок “воскресения” махдия отодвигался на неопределенное время, и, в отличие от карматов, Фатимиды законы шариата не отменяют.

Волнения среди берберского населения Северной Африки и непрочность положения Фатимидов во враждебной стране побуждали аль-Махди искать новые области для дальнейших завоеваний. Особенно халифа и его преемников привлекал Египет — богатейшая и в значительной мере независимая от власти Аббасидов часть исламской империи.

Хотя главный центр Халифата находился в Ираке, Египет, как и прежде, оставался его важной провинцией. Обильные урожаи зерна в Египте кормили священные города Аравии, а налоги с провинции были главным источником доходов казны. Египетские портовые города на побережье Средиземного и Красного морей были пристанищем для флота, связывавшего Халифат со странами Южной Европы и Востока. Военные лагеря и крепости Египта служили местом пребывания войска, части которого отправлялись в северную и юж-

ную Африку. Страна была разделена на отдельные административные и фискальные регионы, но ее объединяла великая река, позволявшая держать под контролем все входящие в нее области.

Сделаем небольшой экскурс в предшествующую историю Египта. Завоевание Египта было осуществлено южноарабскими племенами во главе с Амром ибн аль-Асом в 641-643 годах, но позднее, в 727 году омейядский халиф Хишам переселил в Египет несколько тысяч кайситов. Хотя арабское население Египта было в меньшинстве, арабский язык довольно рано стал использоваться в административных документах, торговле, а позднее и в культурной деятельности. На протяжении первых веков арабо-мусульманского правления греческий язык в Египте был полностью забыт, а коптский со временем перестал быть разговорным и сохранялся лишь в трудах ученых и философов и в христианской литургии. В целом, процесс арабизации Египта растянулся на несколько столетий.

Привыкшие к чужеземному владычеству копты, в отличие от иранцев, не стремились к национальной идентификации, и вспыхивавшие в разное время коптские восстания проводились злоупотреблением местных властей в области налоговой политики, но не были связаны со стремлением к религиозному или национальному возрождению.

Экономическое и политическое положение арабских поселенцев в Египте мало чем отличалось от положения коптского населения, и в восстании 831 года, начавшемся после гражданской войны между аль-Амином и аль-Ма³муном, копты и арабы действовали сообща. В 832 году посетивший Египет аль-Ма³мун разместил там части хорасанской армии и назначил в качестве наместника Абдаллаха ибн Тахира, который, в свою очередь, получил управление страной своему чиновнику.

С этого времени в Египте постоянно главенствовали тюркские военачальники.

Перенос столицы империи в Ирак несколько ослабил контроль центральной власти над средиземноморскими провинциями. Однако, если сирийцы, недовольные утратой бывшего привилегированного положения, часто восставали и поэтому находились под более строгим надзором, в дела Египта багдадские правители вмешивались меньше. Частая смена назначавшихся халифом правителей и жестокое обращение с сельскими жителями чиновников-временщиков, непрестанно повышавших налоги стали причиной упадка земледелия и сокращения собираемых урожаев, что приводило к массовому бегству коптских крестьян в городе. А вводимые правителями в интересах казны государственные монополии на торговлю многими товарами вредили внутренней и заморской торговле и приводили к деградации традиционных ремесел. Некомпетентная и слабая власть в провинции оказывалась не в состоянии предотвращать рейды византийского флота на незащищенное побережье.

В 868 году в Египет был назначен халифом новый наместник, уже упоминавшийся нами тюрк Ахмад ибн Тулун. Сначала его власть была ограничена разделением его администрации на военное, налоговое и почтовое ведомства и изъятием из его юрисдикции Александрии и некоторых приморских районов, но позднее Ибн Тулун стал неограниченным правителем Египта, формально правившим страной от имени халифа. Он сумел добиться сокращения дани, ежегодно отправляемой в Багдад, построил крепость Катаџи, создал хорошо обученную армию из тюрков, греков и суданских невольников.

Конфликт центральной багдадской власти с вышедшим из подчинения Ибн Тулуном и сменившими его правителями Египта из династии Тулунидов стал неизбежным. В 904 году,

под предлогом подавления карматского мятежа в Сирии, армия халифа аль-Муктафи, во главе с халифским военачальником Мухаммадом ибн Сулайманом вторглась в Египет, последний тулунидский эмир Харун (896-905) был убит, а уцелевшие члены рода Тулунидов высланы в Багдад. Египет был вновь возвращен под власть багдадских халифов.

В течение нескольких десятилетий Египет находился под надзором присылавшихся из Багдада военных правителей и интендантов иракского и иранского происхождения. Их неэффективное правление привело к экономическому упадку страны и сопровождалось неоднократными вторжениями Фатимидов.

Фатимидский халиф аль-Махди (909-934) с вожделием смотрел на богатейшую провинцию империи, переживавшую в конце IX и в первые годы X века глубочайший экономический и политический кризис. С момента избрания его халифом-имамом он строил планы расширения своего государства, и его политические амбиции простирались далеко за пределы Ифрикии. Однако первые попытки аль-Махди продвинуть свои владения на восток успеха не имели. В 914 году его армия во главе с аль-Ка³имом вторглась в Египет и сумела захватить Александрию и проникнуть в фаюмский оазис, но аббасидский халиф аль-Муктадир (908-932) направил в Египет войско во главе с военачальником Му³нисом, магрибинская армия была разбита и отступила в новую столицу Ифрикии аль-Махдию.

Новая попытка вторжения в Египет по суше и морю была предпринята аль-Махди в 919 году. Однако и на этот раз флот Фатимидов был потоплен близ Розетты, а сухопутная армия, сумевшая вновь захватить Александрию и даже проникнуть в Верхний Египет, была вытеснена в конце 920 года из страны египетским наместником Аббасидов. После этого

поражения Фатимиды вынуждены были некоторое время воздерживаться от новых попыток вторгнуться в Египет.

Положение Фатимидов в самой Ифрикии осложнилось всеобщей неприязнью к ним со стороны как жителей Кайравана, так и сельских поселений, откровенно радовавшихся поражениям их армии в Египте. Недовольство Фатимидами арабско-суннитского населения Кайравана и берберско-хариджитских племен вылилось в 943 году в большое восстание. Повстанцы объединились в общем стремлении избавиться от фатимидского господства. Во главе восстания встал школьный учитель Абу Йазид. Он овладел Кайраваном и в 945 году начал осаду главной фатимидской крепости и столицы — аль-Махдии. Однако, не добившись успеха, он вынужден был отступить в Кайраван.

В 946 году аль-Ка^аим умер, и фатимидским халифом стал его сын аль-Мансур (946-953). Реорганизовав армию и воспользовавшись разногласиями между жителями Кайравана и берберами-хариджитами, он овладел столицей Ифрикии и вынудил берберов отступить в горы. Во время преследования хариджитов их предводитель Абу Йазид был убит.

Между тем, опасаясь возобновления попыток вторжения в Египет со стороны Фатимидов, новый аббасидский халиф ар-Ради (934-940) назначил наместником страны тюркского военачальника из Средней Азии, отец которого служил в армии Тулунидов, Мухаммада ибн Тугджа аль-Ихшида (935-946). Ибн Тугдж сумел добиться самостоятельности в управлении страной. Он и его преемники — Ихшидиды (“ихшид” — иранский титул со значением “князь”, “правитель”) правили страной до 969 года. Они сумели воссоздать сильную армию в том виде, в каком она была при Тулунидах, и успешно противостояли всем попыткам фатимидского вторжения.

Установление в Египте власти Тулунидов и Ихшидидов ознаменовало возникновение новой системы регионального управления в исламском государстве, что свидетельствовало об усилении политической раздробленности империи и росте местных автономий в западной ее части. Тулуниды и Ихшидиды стремились не к выходу из состава аббасидской империи, но в отличие от Омейядов в Испании или Идрисидов в Марокко, — лишь к установлению режима личной власти в пожалованных им владениях. Ибн Тулун, суннит, был верен принципу исламского единства, и целью его была не полная независимость, но автономия в пределах исламской ойкумены. Примерно на такой же позиции стоял Ибн Тугдж. Он поддерживал с Аббасидами самые дружественные отношения, тем более что у него, как и у багдадских правителей, были общие враги в лице Фатимидов и пытавшихся сохранить независимость мелких правителей Сирии.

Опираясь на хорошо обученную армию, Ибн Тугдж сумел захватить и удержать под своим контролем центральную и южную части Сирии, оставив в руках аббасидского военачальника Ибн Ра'ика ее северную часть, позднее ставшую добычей местной династии Хамданидов. Ибн Тугдж оказался для Фатимидов серьезным противником, и когда фатимидский халиф аль-Ка'им в 936 году предпринял очередную попытку проникнуть в Египет и захватить Александрию, Ибн Тугдж вновь сумел изгнать берберское войско обратно в Магриб. После этой неудачи Фатимиды, занятые борьбой с хариджитами, на протяжении почти трех десятилетий не предпринимали новых походов в Египет.

В 946 году Ибн Тугдж умирает, и пост эмира наследуют его два малолетние сына, опекуном которых и фактическим правителем страны становится деятельный и умелый политик, нубийский евнух Кафур, которого в 966 году аббасидский

халиф оказывается вынужденным и формально утвердить на этом посту. Кафур, как и его предшественник Ибн Тугдж, проявляет полную лояльность по отношению к Багдаду. Его позиция в Египте оказывается достаточно прочной, и Фатимиды на время отказываются от осуществления своих завоевательных планов на востоке.

При господстве Тулунидов и ранних Ихшидидов Египет процветал. Разумная фискальная политика правителей пополняла казну, а реформа административного аппарата значительно сократила расходы; Ихшидиды, впервые со времени арабского завоевания, установили регулярную выплату жалования гражданским чиновникам. Как и Тулуниды, они уделяли внимание улучшению системы ирригации и осушению болот, что способствовало повышению урожайности страны. Можно сказать, что со времен Птолемеев Египет впервые стал мощной, независимой и экономически процветающей державой.

Хотя Тулуниды и Ихшидиды всячески покровительствовали литературе и искусству (например, Кафур пригласил ко двору крупнейшего арабского поэта аль-Мутанабби), их приход к власти не сопровождался национальным и культурным возрождением, подобным иранскому. Ибн Тулун и Ибн Тугдж, как и их преемники были тюрками, Кафур — нубийцем, их армия состояла из тюрок, греков, суданцев и негров и исконные египетские культурные традиции были им чужды. Даже высшие чиновники государства были приглашены из Ирана. В архитектуре они имитировали имперский иракский стиль и следовали художественным вкусам мусульманского востока. Вместе с тем, они стремились сделать Египет сильным государством и проводить самостоятельную политику. Они создали сильную армию наемников, одну из самых могущественных в исламском мире, но после смерти основателей династии армия постепенно начала выходить из повиновения и утрати-

ла первоначальную организованность и боеспособность.

Однако Фатимиды не отказались окончательно от своих завоевательных планов. Их сторонники вели в Египте активную исмаилитскую пропаганду. Обстановка в Халифате в середине X века благоприятствовала осуществлению этих планов. В 945 году Аббасиды попали в зависимость от Бувайхидов — династии шиитов-имамитов, — не испытывавших враждебности к Фатимидам, и халифы не могли оказать Египту существенной помощи в борьбе с Фатимидами. Сам же Египет при последних Ихшидидах находился в состоянии политической анархии. При ихшидиде Абу-ль-Хасане (960-966) низкий уровень Нила привел к голоду, а при Кафуре, на Египет обрушилось страшное землетрясение. В 968 году Кафур умирает, и Фатимиды, видя тяжелое экономическое положение страны и царящую в ней анархию, начинают готовиться к новому вторжению.

После смерти аль-Мансура (946-953) фатимидским халифом-имамом стал его сын аль-Му'изз (953-975), начавший деятельную и систематическую подготовку к завоеванию Египта. Он тренировал свою берберскую армию и одновременно отправлял в Египет своих агентов и пропагандистов, которые устанавливали связь с египетскими шиитами, призывавшими Фатимидов в свою страну. Он привлек на службу двух ценных помощников: назначил военачальником всей своей армии привезенного из Сицилии бывшего раба-христианина, опытного в военном деле Джаухара, а своим главным советником и помощником по экономическим вопросам сделал иудея из Багдада, в прошлом состоявшего на службе у ихшидитского правителя Кафура — Ибн Киллиса (умер в 990 г.). Обстановка благоприятствовала осуществлению планов Фатимидов еще и потому, что в самом Египте после смерти Кафура началась смута.

Весной 969 года более чем сотысячная армия во главе с Джаухаром двинулась на восток по дороге, пройденной аль-Ка'имом уже несколько раз. Армию сопровождал флот, корабли которого были нагружены зерном, предназначавшимся для голодающего населения Египта. Без большого труда Джаухар разбил под Гизой египетское войско, и фатимидская армия вступила в Фустат. Джаухар издал декларацию, в которой говорилось, что он пришел в страну, чтобы освободить египтян от гнета Ихшидидов и гарантировать жителям сохранение имущества и земель, безопасность в торговле и паломничестве в Мекку и свободу вероисповеданий.

Через неделю после вступления в Фустат фатимидский военачальник отдал приказ об основании в его окрестностях новой столицы — аль-Кахира (“Побеждающая”). Так был основан Каир. 9 июля 969 года в старой мечети Фустата в хутбе впервые было упомянуто имя аль-Му'изза. Египет вошел в состав империи Фатимидов, став его главнейшей территорией и покончив с зависимостью от Багдада.

Близ вновь сооруженного халифского дворца в 971 году Джаухаром была заложена кафедральная мечеть аль-Азхар. Мечеть получила название в честь дочери пророка Мухаммада — Фатимы, которая носила почетное имя (лакаб) “аз-Захрб” (“прекрасная, сияющая”). Со временем аль-Азхар стал интеллектуальным центром, где ученые и наставники разрабатывали исмаилитскую доктрину и готовили миссионеров (“ду'ат”), для отправки их во все провинции Халифата.

В 972 году сам халиф аль-Му'изз прибыл из Ифрикии с гробами своих предков в основанную Джаухаром новую столицу фатимидского государства. Честолюбивые замыслы его были огромны. Исмаилитский панегирист аль-Му'изза, андалусец Ибн Хани (умер в 973 году) в одной из своих поэм описывает свой сон о том, как халиф завоевывает Багдад и перед ним откры-

вается путь на восток через всю древнеперсидскую Империю. Его поэма была художественным отражением амбиций Фатимидов, мечтавших об установлении имамата и распространения исмаилитской веры во всем исламском мире.

При первых трех египетских халифах: аль-Му'иззе (953-975), аль-Азизе (975-996) и аль-Хакиме (996-1021) фатимидская активность была очень велика. Халифы полностью контролировали власть в государстве. Исмаилитский имам-халиф был абсолютным монархом, не только религиозным, но и духовным вождем, верховенство которого определялось божественной волей и передавалось в семье по наследству. Поэтому халифы руководили тремя ветвями государственной власти: бюрократией, религиозной иерархией и армией.

Фатимидский двор был организован в виде иерархии придворных со сложной системой департаментов, осуществлявших военные, секретарские и налоговые функции. Придворные и чиновники делились на "людей-мечей" (арбаб ас-суй-уф) и "людей перьев" (арбаб аль-аклам). В первую категорию входили эмиры и военачальники, а также и придворная гвардия. Огромный штат чиновников, занимавшихся фискальными делами, возглавлялся вазирами.

За время первого столетия своего господства Фатимиды установили то войной, то при посредстве дипломатии свою власть над Сирией, большей частью Магриба, Аравией и частично Ираком. Еще в 960 году аль-Му'изз добился признания власти фатимидского Халифата Алидами Мекки и Медины и установил опеку над святыми местами в Хиджазе. Нубия и Судан служили для Египта источником чернокожих рабов. Нуждаясь в опорных пунктах для широких торговых операций со странами Азии через Красное море и Персидский залив, Фатимиды распространили свое господство вдоль обоих берегов Красного моря и учредили торговые фактории в Йемене.

Кроме военно-политических возможностей они располагали огромной армией миссионеров, агентов и активных сторонников, которые вели под руководством каирских наставников исмаилитскую пропаганду в самых отдаленных областях аббасидской империи, вплоть до Афганистана и Индии. Таким образом, Фатимиды следовали опыту арабо-мусульманских завоеваний VII-VIII веков, двигаясь от периферии (из Северной Африки) к центру исламского государства, постепенно переходя к созданию могущественной империи.

В первое столетие фатимидского господства Египет находился в состоянии экономического процветания, укрепилось его политическое положение и возрос международный авторитет. Сохранившаяся еще со времен Ихшидидов администрация эффективно функционировала. Ибн Киллис при пятом фатимидском халифе аль-Азизе получил еще больше прав в области внутренней политики. Он реорганизовал административную и фискальную систему, сохранявшуюся на протяжении всего фатимидского господства, и добился регулярного поступления налогов.

Древнейшие египетские ремесла достигли при Фатимидах еще большего расцвета, а торговля внутри Халифата и за его пределами с Византией, странами Западной Европы, Юго-Восточной Азией и Индией стала одним из главных источников доходов египетской казны. Египетские корабли совершали торговые плавания в Сицилию и Испанию, торговля шла с итальянскими прибрежными городами. Египетский военный флот контролировал восточное Средиземноморье, а Александрия и Триполи в Сирии были крупнейшими центрами мировой торговли. Обладание Египтом, экономически самой развитой страной Ближнего Востока, делало фатимидскую державу богатейшим и могущественнейшим в военном отношении государством.

Существенную проблему для Фатимидов на протяжении всей их истории составляла Сирия. При Омеядах Сирия была центром империи, а с перенесением столицы в Багдад утратила статус престольной провинции. Разнообразие ее ландшафта, состоявшего из гор, рек, пустынь и долин, в которых располагались древние поселения с разнородным населением, обуславливало этническую и экономическую пестроту районов, управляемых различными правителями. Богатая природными ресурсами, хлебом, лесом и минералами, эта провинция противостояла египетскому продвижению на восток благодаря своему географическому положению, которое обеспечивало ей также контроль над паломничеством в священные города. Поэтому египетские правители еще до образования фатимидского Халифата пытались проникнуть в Сирию и овладеть сирийскими городами или, по меньшей мере, установить дружеские отношения с местными правителями, дабы не допустить проникновения через Сирию врагов и завоевателей из Ирака. При Аббасидах фрагментация Сирии только усилилась, и жизнь страны на протяжении многих последующих столетий отличалась политической и экономической гетерогенностью и постоянными конфликтами между удельными князьями.

Еще аббасидский наместник Египта Мухаммад ибн Тугдж, фактический независимый правитель, овладел частью Сирии с Дамаском. Ему пришлось вести борьбу за господство в стране с халифским военачальником “амиром аль-умара” Ибн Ра’иком, пытавшимся также проникнуть в Сирию и сделать эту провинцию своей водчиной, независимой ни от Аббасидов, ни от Ихшидидов. Он сумел разделить власть над Сирией с Ибн Тугджем, но в 942 году умер, и Ихшидиды мирным путем овладели всей страной. Тут им пришлось столкнуться с новым противником в лице Хамданидов.

Хамданиды были выходцами из бедуинского племени таглиб и, таким образом, их династия, в отличие от большинства местных династий Халифата, основывавшихся тюркскими военачальниками, была чисто арабского происхождения. Родоначальником династии был Хамдан ибн Хамдун, сумевший вместе со своими сыновьями и с согласия халифа основать небольшое семейное княжество в Мосуле. В 944 году хамданид Сайф ад-Даула, воспользовавшийся противоборством различных мелких сирийских правителей и бедуинскими набегами на сирийские поселения, порождавшими в стране анархию, сумел овладеть городами Алеппо и Химс, формально находившимися под властью Ихшидидов, и образовать в Северной Сирии небольшой эмират, которым правил до смерти в 967 году.

Сайф ад-Даула вошел в арабскую историю как воинственный эмир, храбрый воин, ведущий непрерывную священную войну с Византией, и покровитель поэтов и ученых, воспетый в стихах крупнейшим арабским поэтом-панегиристом аль-Мутанабби. Однако, несмотря на все расточаемые ему современными историками и поэтами комплементы, его правление было в высшей степени неэффективно. Он разорял жителей своих владений непомерными налогами, а войны, которые он вел с Византией, носили характер взаимных разбойничьих набегов, во время которых он неизменно терпел поражение. Неудачей кончались и его военные столкновения с Ихшидидами и тюркским военачальником Тузуном, также претендовавшим на создание собственного эмирата. Однако Сайф ад-Даула сумел удержаться у власти, поскольку в равной мере был удобен и необходим как Ихшидидам, так и багдадским властям (халифам аль-Муттаки (940-944) и аль-Мустаффи (944-946)), а позднее и захватившим власть в Багдаде Бувайхидам), ибо умел держать под своим контролем грабителей-бедуинов.

В 965 году византийский военачальник Никифор Фока вторгся в Сирию, занял значительную часть страны, в том числе и Алеппо, и Сайф ад-Даула бежал из своей столицы, а сменивший его сын Са'д ад-Даула (967-991) вынужден был признать себя вассалом императора. Однако продвижение византийской армии в Сирии было остановлено Фатимидами, и, по договору с Византией, страна должна была перейти под власть Фатимидов. Соответственно, правившие в Алеппо и прежде находившиеся в вассальной зависимости от Византии Хамданиды ныне признали суверенитет Фатимидов и вошли в состав Фатимидского государства.

Власть Фатимидов в Сирии никогда не была устойчивой. Несмотря на прошиитские и профатимидские симпатии жителей, фактически они прочно удерживали в своих руках только юг страны. Им постоянно приходилось иметь дело то с бедуинскими набегами, то с рейдами карматов, то с непокорными тюркскими правителями Дамаска, стремившимися отстоять свою независимость.

Первые Фатимиды проявляли по отношению к общинам пребывавших под покровительством ислама религий поразительную для таких завзятых фанатиков-сектантов терпимость. Вероятно, тут играл известную роль рационалистический характер учения исмаилитов и их вера в логическую доказуемость проповедуемых ими религиозных истин, позволявшая им допускать открытые диспуты с иноверцами. Следуя примеру Ихшидидов, Фатимиды после завоевания Египта оставили на своих постах всех чиновников, в подавляющем большинстве христиан. Они держали при дворе лейб-медиков иудеев и не вынуждали их переходить в ислам, а мусульманин из иудеев Ибн Киллис при аль-Му'иззе и аль-Азизе управлял всей экономической жизнью Египта.

При халифе аль-Азизе дружелюбное отношение к иноверцам выразилось еще и в том, что у него были зятья из христианского духовенства, а своим вазиром халиф сделал христианина Ису, который в свою очередь, назначил своим помощником в Сирии иудея Манассия. Правда позднее, под давлением фанатичных клерикалов, халиф вынужден был их отстранить от должности. В 996 году халиф приказал снарядить флот для войны с совершавшими морские набеги на египетское побережье византийцами, но флот сгорел во время строительства еще в верфях, и народ заподозрил в поджоге находившихся в портовых городах греческих купцов. Начались погромы, во время которых фанатики убивали не только иноземцев, но и местных христиан, грабили церкви, а местный несторианский епископ был смертельно ранен. Но фатимидские власти навели порядок, десятки грабителей и убийц были схвачены, каждый третий из них казнен.

В 996 году халифом стал одиннадцатилетний аль-Хбким (996-1021). Это был эксцентричный, по-видимому, психически не вполне здоровый человек, и время его двадцатипятилетнего правления отмечено упадком авторитета халифской власти. Под влиянием событий, предшествовавших его вступлению на трон, он и его ближайшие советники круто изменили отношение к иноверцам, и от бывшей терпимости не осталось и следа. При аль-Хакиме с 1003 года начались погромы церквей, их сносили и на их месте строили мечети. Запрещены были публичные христианские празднества, а в 1009 году храм Гроба Господня в Иерусалиме и большой монастырь аль-Кусайр на горе аль-Мукаттам в Каире были разрушены, и могилы на христианских кладбищах осквернены. В отношении одежды иноверцев были восстановлены правила, обязывавшие носить христиан на шею тяжелые деревянные кресты, а иудеев — тяжелые шары. Тем не менее, чиновниками и

врачами по-прежнему были христиане и иудеи, и хотя многие знатные христиане переходили в ислам, в провинциях Египта христиане в основном сохраняли верность своей религии.

В 1021 году халиф аль-Хаким исчез при таинственных обстоятельствах. Ходили слухи, что он был убит не без участия собственной сестры Ситт аль-Мульк, которая стала после его исчезновения опекуншей малолетнего халифа, сына аль-Хакима, аз-Захира (1021-1036) и фактической правительницей Египта. В 1027 году Ситт аль-Мульк умерла, и власть перешла в руки вазира Абу-ль-Касима аль-Джарджара'и, правившего страной до 1045 года. Традиция опекунского правления укоренилась в фатимидском Египте, и после смерти аз-Захира и вступления на трон нового молодого халифа аль-Мустансира (1035-1094) Египтом фактически стала управлять, его мать, в прошлом суданская рабыня. Весь XI век после исчезновения аль-Хакима отмечен смутами, борьбой за власть военных клик и начавшимся политическим и экономическим упадком Фатимидской империи.

При халифе аз-Захире у Фатимидов появились в Сирии новые противники. Ослабление власти Хамданидов на севере привело к тому, что бедуинское племя во главе с Салихом ибн Мирдасом в 1023 году захватило Алеппо и основало династию Мирдасидов, которая, в свою очередь, уступила власть другой бедуинской династии — Укайлидам из Мосула. Даже на юге страны господство Фатимидов было поколеблено противодействием местных династий, которые, то в союзе с бедуинами севера, то даже при поддержке византийцев, добились самостоятельности. Во времена правления аль-Мустансира власть Фатимидов над Сирией становилась все более эфемерной и была совсем утрачена с появлением тюрков-сельджуков на востоке. Как раз в это время крестоносцы вторглись в Сирию с Севера. Правда, фатимидский "амир

аль-джуйш” аль-Афдал, воспользовавшись отсутствием в стране центральной власти, в 1098 году на короткий срок захватил Иерусалим. Однако потерянные Фатимидами районы Сирии более к ним не возвращались.

Постепенно Фатимиды утратили и область, в которой возникла их династия — Северную Африку. Еще во второй половине X века в Ифрикии и Восточном Алжире захватила власть берберская династия Зиридов (972-1148), основоположник которой Йусуф ибн Зири за поддержку, оказанную им Фатимидам в момент их воцарения, был назначен наместником Ифрикии со столицей в Кайраване. Ныне, в трудное для Фатимидов время, Зириды перешли на сторону Аббасидов, и Северная Африка перестала подчиняться каирским халифам.

Даже Хиджаз, находившийся формально под фатимидской властью и имевший столь большое значение для религиозного авторитета Фатимидов, в конце XI века управлялся местной династией, претендовавшей на происхождение от пророка Мухаммада, и обрел фактически полную независимость.

Пришел конец авторитету Фатимидов и за пределами их бывших владений. На востоке Халифата знаменитый Махмуд Газневидский принял суннизм и стал оказывать всяческую поддержку багдадскому халифу. Захватившая власть в Ираке шиитская династия Бувайхидов, которых Фатимиды всячески пытались склонить на свою сторону, оказалась верной “истинному” алидскому имаму и отказала Фатимидам в помощи в тяжелое для них время.

В XI веке Египет начинает испытывать значительные экономические трудности, от бывшего процветания не остается и следа. Сокращается внешняя торговля, ирригационные системы приходят в упадок, и пустеет казна. Вдобавок, на протяжении одного столетия на Египет несколько раз обрушивается

ся страшный недород и голод. В 1023 и 1025 годах голод уносит тысячи жизней, а в 1065 и 1072 годах голод принимает такие масштабы, что по сообщению историка аль-Макризи (1364-1442) в стране отмечались случаи людоедства.

Подобно тому, как Аббасиды в X веке оказались в зависимости от различных военных клик, затем подпали под власть Бувайхидов, а с середины XI века — тюркской династии Сельджуков, правивших страной от имени халифа, Фатимиды в XI веке также оказались заложниками, переставшей им подчиняться армии. На раннем этапе фатимидского господства основу их армии составляли воинственные североафриканские берберские племена, которые, подобно хорасанскому войску при ранних Аббасадах, были их главной опорой. Однако, со временем, Фатимиды стали привлекать в свое войско обученных военному искусству рабов-мамлюков европейского и восточного происхождения: греков, славян, итальянцев, а во время правления аль-Азиза были сформированы части из тюркских мамлюков. Позднее появились части и из чернокожих рабов, нубийцев и суданцев, которых Фатимиды, подобно Ихшидидам, ввозили из Африки.

Борьба разных военных клик в гетерогенном войске началась еще при не вполне дееспособном халифе аль-Хакиме, а после его смерти, при его преемниках, слабых правителях, этнические столкновения привели к полнейшей анархии в армии. Образовались две соперничавших между собой военных группировки: восточная (машрикия) и западная (магрибия). По мере ослабления контроля гражданской власти над вооруженными отрядами борьба между кликами принимала все более ожесточенный характер. Сначала суданцы поддерживали тюрков в их борьбе с берберами, которые потерпели поражение, а позднее, когда Северная Африка вышла из подчинения Фатимидам, берберские части утратили в армии сколько-ни-

будь серьезное значение. Теперь борьба разгорелась между тюрками и суданцами, и тюрки вышли из нее победителями.

Каждая из борющихся военных клик имела в Египте область своего господства. Отряды чернокожих мамлюков укрепились в Верхнем Египте, куда их загнали их противники-берберы. В руках берберов в основном находился район Дельты. Тюркские наемники господствовали в Каире, где они заставили безвластного халифа аль-Мустансира выдать им огромные сокровища династии и разграбили находившуюся в столице замечательную библиотеку.

Произвол тюркских эмиров в Египте в период правления аль-Мустансира был столь невыносим, что в 1073 году халиф обратился за помощью к армянскому военачальнику Бадру аль-Джамали, правителю Акры, находившейся в то время в руках Фатимидов. Бадр действовал весьма решительно. В 1074 году он прибыл в Каир с собственным армянским отрядом, перебил главных тюркских эмиров и сотрудничавших с ними египетских чиновников и установил собственную диктатуру. Он получил от халифа сразу три должности: вазира, командующего войском (амир аль-джуйуш) и главы корпуса исмаилитских миссионеров (хади ад-ду'ат). Бадр правил страной как неограниченный властитель в течение двадцати лет, до самой смерти в 1094 году, когда его сменил аль-Афдал Шаханшах.

Бадр и его наследники держали фатимидских халифов в руках, подобно тому как шиитская династия Бувайхидов держала в руках багдадских халифов. При них в Египте установился мир и порядок. Они сумели улучшить экономическое положение страны и фактически задержали гибель фатимидского государства почти на целое столетие. При Бадре вновь возродились фатимидские притязания на власть во всех мусульманских провинциях, и он сумел противостоять натиску

сельджуков активной военной и идеологической политикой не только в Сирии и Аравии, но и в самых отдаленных областях исламского мира.

Аль-Мустансир умер через несколько месяцев после смерти своего выдающегося вазира Бадра аль-Джамали, и сын Бадра, новый вазир и “амир аль-джуйуш” аль-Афдал назначил преемником халифа не его старшего сына Низара, избранного умершим халифом в качестве наследника и признанного таковым каирскими исмаилитскими лидерами, а младшего сына аль-Муста‘ли (1094-1101). Это было нарушением исмаилитской традиции, согласно которой избрание халифом своего наследника представлялось актом осуществления божественной воли и могло состояться один лишь раз. Аль-Муста‘ли не имел в стране поддержки и оказался в полной зависимости от своего вазира, который поспешил закрепить свое положение регента, женив нового халифа на своей сестре. Назначение аль-Муста‘ли халифом вызвало осуждение в исмаилитских кругах повсеместно, особенно на востоке, и явилось причиной раскола в религиозном движении, идеология которого была основой фатимидского режима. Своими действиями аль-Афдал, возможно сознательно, принес религиозную доктрину исмаилитов в жертву своим личным политическим амбициям.

Несовместимость государственных интересов Египта и исмаилитов за его пределами не раз ощущалась во времена Фатимидов, но теперь она достигла кульминации. Возводя на трон аль-Муста‘ли, аль-Афдал отверг союз с воинственными исмаилитами востока, а те, в свою очередь, отвергли Фатимидов в качестве духовных вождей секты. Даже те исмаилиты, которые поначалу приняли избрание аль-Муста‘ли, позднее порвали с Фатимидами. После смерти в 1130 году сына аль-Муста‘ли — аль-Амира оставшиеся верными Фатимидам

исмаилиты за пределами Египта отказались признать халифом его двоюродного брата аль-Хафиза (умер в 1149 г.), но утверждали, что аль-Амир оставил маленького сына, который, по их мнению, должен был стать законным имамом. Наследники незаконного, с их точки зрения, халифа превратились в местную египетскую светскую династию, утратившую идеологическую мотивацию своего господства.

Поворот в области идеологии, происшедший в Египте при последних фатимидских халифах, имел трагические последствия для всего исмаилитского движения. Первыми раскольниками были выступившие в самом Египте сторонники старшего сына халифа аль-Мустансира (1036-1094), Низара, который был отстранен от наследования власти аль-Афдалем, назначившим на пост халифа аль-Муста^али. Приверженцы Низара проявляли большую активность и создали свою организацию, получившую название “Новый призыв” (ад-да^ава аль-джадида), просуществовавшую до 1256 года. Основана она была иранским исмаилитом Хасан-и Саббахом, который еще в 1090 году захватил на севере Ирана в горах Дайлама крепость Аламут и сделал ее базой для операций против суннитских сельджуков.

Со временем “Новый призыв” развился в большую исмаилитскую ветвь или орден “ассасинов” (европейское название последователей секты от арабского “хашишин” — употребляющие гашиш), действовавших в Сирии и Иране. Глава или шайх ордена объявил себя представителем “скрытого имама”. Первым “скрытым имамом”, согласно учению низаритов, был объявлен внук Низара. После убийства отца и деда он был младенцем спасен низаритами и доставлен в Аламут, где Хасан-и Саббах воспитывал его в строжайшей тайне. Главари секты прервали всякие отношения с фатимидской организацией да^ава в Каире. Не имея в своем распоряжении большой военной

силы, члены ордена всю свою энергию направили на политические убийства, надеясь победить своих противников с помощью террора. В числе жертв ассасинов оказался и просвещенный вазир сельджукского султана Малик-шаха (1072-1092), перс Низам аль-Мульк.

Ирак и Сирия под властью Сельджукидов

С древнейших времен воинственные тюркские племена вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством на огромных степных просторах от устья Дуная и до Алтая. Подобно тому, как это было в VI-VII веках у бедуинов Аравийского полуострова, со второй половины X века у тюркских кочевников начался процесс разложения родоплеменного строя и стала выделяться военно-феодалная знать, мечтавшая о расширении своих владений. Примерно в это же время тюркские кочевники восприняли ислам и, тем самым, получили мотивацию для новых завоеваний. Начали складываться объединения тюркских племен, обитавших в степных районах Средней Азии. Одно из таких племенных объединений, возглавляемое династией Караханидов, воспользовалось упадком государства Саманидов и в 992 году захватило Бухару и прилегающие районы Средней Азии.

В середине X века к северу от Каспийского и Аральского морей в северо-западном Иране появилось другое объедине-

ние тюркских племен, именуемое огузами. Его возглавляло семейство Сельджука. Впоследствии имя династии “сельджуки” или “сельджукиды” распространилось на все, объединенные ею, племена. Сельджукские племена стали просачиваться в области исламского мира, прежде всего в Хорезм и Мавераннахр. Главной целью сельджукской знати стало распространение своей власти на оседлое земледельческое население соседних областей.

Расширению экспансии тюркских племен косвенно способствовали иранские саманидские правители. Еще в середине X века при дворе Саманидов видную роль играл военачальник саманидского войска в Хорасане Алп-Тегин, возглавлявший придворную тюркскую гвардию гуламов. Рост его влияния при слабеющих правителях и попытки вмешиваться в придворные интриги стали причиной его опалы, и он вынужден был уйти со своими гулами в Газну (Восточный Афганистан), где основал независимое княжество.

Алп-Тегин правил в Газне полтора десятилетия (961-977), после чего к власти пришел другой гуламский лидер Себюк-Тегин (977-998). Формально оставаясь наместником Саманидов, Себюк-Тегин, как и его предшественник, фактически был полным хозяином в своих владениях и считается основателем династии Газневидов. Возвышение этой династии и выход ее на мировую арену связаны с именем сына Себюк-Тегина, знаменитого султана Махмуда Газневидского (998-1030). Воспользовавшись тем, что находившемуся в состоянии политической неустойчивости государству Саманидов был нанесен удар Караханидами, Махмуд Газневидский захватил земли Саманидов к югу и западу от Аму-Дарьи. В 1017 году он завоевал Хорасан, а в 1029 году — иранские владения Бувайхидов: Рей, Казвин, Хамадан и Исфахан. На севере он установил границу с владениями своих соперников Карахани-

дов по Аму-Дарье и овладел Хорезмом. Империя Махмуда ко времени его смерти представляла собой обширное государство, равное по своему могуществу Аббасидскому халифату в период его расцвета.

Однако государство Махмуда Газневидского стало могущественным главным образом благодаря личности самого султана, а при его сыне Масуде (1031-1041) империя начала приходить в упадок. В этом был повинен сам султан. В 1035 году он разрешил четырем тысячам тюркских семей поселиться в Северном Хорасане в качестве заслона от набегов новых тюркских кочевников. Однако, получая постоянно подкрепление из соседних степей, тюрки-сельджуки вскоре нанесли Газневидам сокрушительный удар.

Во главе сельджукидов стояли два внука Сельджука — Чагры-бек и Тогрыл-бек. В 1038 году сельджукиды овладели Северным Хорасаном, и Чагры-бек был провозглашен султаном в Мерве, а Тогрыл-бек (1038-1063) в Нишапуре. Масуд пытался сопротивляться сельджукидам, но в 1040 году его войско было разгромлено под Мервом. Газневиды утратили Хорасан, а на протяжении следующего десятилетия (1040-1050) в руки сельджукидов перешел весь Иран.

Теперь наступила очередь Ирака. Провозгласив себя защитником суннизма и врагом шиитов-Бувайхидов, узурпировавших власть в Халифате, Тогрыл-бек двинулся на Багдад. В 1055 году он, без большого труда, изгнал из города небольшой бувайхидский гарнизон и вынудил безвластного халифа аль-Ка'има (1031-1075) объявить его "султаном и царем Востока и Запада", в знак чего тот возложил на него двурогую корону и перепоясал его двумя мечами. Халифу Тогрыл-бек, как и прежде Бувайхиды, оставил лишь призрачную духовную власть. Так родилась империя Великих Сельджуков.

Ревностные сунниты, потомки Сельджука — Сельджукиды оказывали халифу все положенные знаки внешнего почтения. Тогрыл-бек лично прибыл в Багдад для получения инвеституры, простерся ниц и облобызал землю перед халифом аль-Ка'имом, но при этом всю полноту власти в государстве сосредоточил в своих руках. В 1059 году бывший бувайхидский военачальник Арслан аль-Басасири предпринял попытку вернуть власть в Багдаде старой династии, для чего даже попытался заручиться поддержкой Фатимидов. Но Тогрыл-бек действовал решительно. Он прибыл с войском в Багдад, разбил отряд аль-Басасири, казнил его и восстановил власть Сельджукидов в стране.

Завоевания Сельджукидов продолжались и при сыне Чагры-бека, султана Алп-Арслане (1063-1072). При нем в состав сельджукидского государства вошел весь Иран, Ирак и Закавказье (Армения, Азербайджан и Восточная Грузия), а также значительная часть Малой Азии. С 1064 года первые тюркские отряды начали проникать и в Сирию. Первоначально они действовали в качестве союзников или вспомогательных войск соперничавших между собой местных бедуинских эмиров. В 1071 году фатимидский военачальник Бадр аль-Джамали, в то время правитель Акры, пригласил одного из тюркских предводителей, некоего Атсыза для того, чтобы он воспрепятствовал набегам на его владения в Сирии бесчинствовавших бедуинских племен. Однако Атсыз решил действовать в своих интересах и захватил всю Палестину с Иерусалимом. А когда обеспокоенные его притязаниями Фатимиды предприняли попытку отобрать у него захваченные земли, Алп-Арслан, желавший воспрепятствовать фатимидскому проникновению в Сирию, объявил шиитско-исмаилитской династии Фатимидов "священную войну" и, в свою очередь, вторгся с войском в страну. Он без большого труда занял Алеппо,

но вынужден был прекратить дальнейшее наступление и двинуть свое войско на северо-восток дабы предотвратить угрозу своим тылам со стороны византийского императора Романа Диогена. С уходом войска Алп-Арслана, Атсыз продолжал в Сирии свои завоевания. В 1076 году он овладел Дамаском, а в следующем году сделал попытку вторгнуться в Египет, но был отброшен Бадром аль-Джамали. Опасаясь наступления фатимидского войска, Атсыз обратился за помощью к новому султану Великих Сельджуков сыну Алп-Арслана — Малик-Шаху (1072-1092). Малик-Шах охотно откликнулся на призыв и отправил ему в помощь большой отряд во главе со своим братом Тутушем, разрешив тому стать эмиром земель, которые он сумеет захватить. В результате почти вся Сирия, управляемая Тутушем из Дамаска, перешла в руки сельджуков, а под фатимидским контролем осталась лишь узкая прибрежная полоса с Акрой и Тиром. В 1095 году Тутуш погиб в борьбе за пост главы сельджукского султаната, и его владения поделили тюркские эмиры.

На территорию Византии тюрки стали проникать еще при Махмуде Газневидском. Алп-Арслан решил поддержать движение тюрков-огузов на Запад. Покинув Сирию, он быстро перегруппировал свои отряды и направил их к византийской границе. В 1071 году состоялось грандиозное сражение при Манзикерте. Армия Романа Диогена потерпела поражение, а сам византийский император попал в плен.

В результате византийские пограничные укрепления были прорваны, и тюрки непрерывным потоком устремились в Малую Азию, заселяя Анатолию и превращая обширные захваченные районы в пастбища.

Сельджукские завоевания осуществлялись тюркскими племенами, составлявшими во время прихода династии к власти ее главную опору и мечтавшими лишь о расширении районов

кочевого земледелия. Это создавало трудности для возникающей империи, чье экономическое положение зависело от процветания оседлого земледелия, а в городах — ремесла и торговли. Поэтому, когда власть династии Сельджукидов укрепилась, они стали рассматривать кочевников как серьезную угрозу для стабильности создаваемого ими государства. Учитывая это, Алп-Арслан, под предлогом необходимости защиты границ, приказал переселить бо~~ль~~шую часть обеспечивших приход династии к власти кочевников в окраинные районы. Этим актом он как бы окончательно порывал с традициями тюрков-завоевателей и превращал государственное образование в могущественную империю.

Победа Сельджуков при Манзикерте открыла путь тюркизации Малой Азии. Лидерство среди вторгнувшихся в Анатолию тюрков захватил один из эмиров — Сулайман (1077-1086). В результате на территории Анатолии образовалось фактически независимое государство Сельджуков Рума, то есть области, некогда входившей в состав Римской Империи. Подобно главе Великого Сельджукского государства, Сулайман также присвоил себе титул “султан”. Сперва он основал свою столицу в Изнике (византийская Никея), подальше от владений Великих Сельджуков на востоке, а после утраты города в войне с Византией перенес столицу в Конью. Так, кроме Великого Сельджукского султаната, в Анатолии образовалось еще одно тюркское государство.

Сельджукиды Рума никогда не ставили перед собой задачи сокрушить Византию. Их политическим идеалом было сохранение в Анатолии дуализма, и они четко различали исламские владения (Дар аль-ислам) и христианские земли (Дар аль-харб), которым надлежало оставаться под властью византийского императора. Главным своим противником они считали султанов Великих Сельджуков. Поэтому, когда завоева-

ния сельджуков встретили противодействие со стороны энергичного византийского императора Алексея Комнена (1081-1118), сумевшего вернуть Византии большую часть утраченных владений в Западной Анатолии, Сулайман охотно заключил с императором соглашение о мире, обратил свой взор на восток и попытался отобрать северную часть Сирии между Антиохией и Алеппо у своих соперников Великих Сельджуков. Разразилась война между двумя родственными тюркскими государствами. В 1086 году Сулайман потерпел поражение от сельджукского военачальника Тутуша и был убит. Однако государство Сельджуков Рума просуществовало после этого еще 120 лет, пока не было окончательно уничтожено монголами.

При Тогрыл-беке, его племяннике Алп-Арслане и особенно при сыне Алп-Арслана — Малик-Шахе (1072-1092) сельджукское государство достигло высшей политической мощи. Владения Великих Сельджуков включали огромную территорию от реки Аму-Дарьи и границ Индии на Востоке и до Северной Сирии на Западе. Малик-Шах сделал своей столицей Исфахан. Он держал здесь подобающий правителю великого государства пышный двор, установил строгий церемониал и ввел придворные должности. Сельджукская верхушка довольно быстро восприняла образ жизни образованной части находящегося под ее господством арабо-иранского общества. Эта культурная ассимиляция нашла свое выражение в самом имени третьего сельджукского султана. В отличие от своих двух предшественников, он не пожелал носить тюркское имя, но принял имя “Малик-Шах” — комбинацию из арабского слова “малик” и иранского “шах” для обозначения “царя”.

Нуждаясь в опытных чиновниках, сельджукские завоеватели, так же как и их предшественники арабские завоеватели в прошлом, привлекали на государственную службу образо-

ванных людей из иранской интеллигенции. Самой яркой фигурой среди чиновничьей знати был знаменитый вазир султанов Алп-Арслана и Малик-Шаха — Абу Али Хасан Туси, известный под именем “Низам аль-Мульк” (умер в 1092 году). Низам аль-Мульк стремился к созданию централизованного государства, образцом которого считал государства Аббасидов, Саманидов и Газневидов в пору их расцвета. Свои политические взгляды он изложил в сочинении “Книги о правлении” (Сийасет-наме). Он рекомендовал султанам иметь большое войско, пригодное для подавления мятежей непокорных эмиров в провинциях и феодальных смут. Особую вражду он испытывал к шиитам-исмаилитам и к противостоявшему сельджукам фатимидскому государству.

Столь быстрые успехи Сельджукидов в завоеваниях в известной степени были связаны с их последовательной поддержкой суннизма. Они всячески обласкивали суннитское духовенство и дервишских шейхов. Для укрепления традиционной исламской идеологии Низам аль-Мульк создал специальное учебное заведение — медресе, получившее по имени своего основателя наименование “Низамийя”, в котором готовили теологов, способных защитить суннитскую доктрину. Позднее по образцу “Низамийи” стали создаваться аналогичные учебные заведения и в других областях исламского мира.

Изначально Сельджукиды рассматривали свою империю как собственность их единой семьи, а не отдельных членов рода. На практике же, со временем, сельджукский режим обретал все более монархическо-абсолютистский характер, и глава всего тюркского клана превратился в единовластного султана, переняв у аббасидских халифов деспотические методы управления. Формально считая себя военачальниками Аббасидов, сельджукидские султаны захватили власть, которой беспрекословно должны были подчиняться все тюрки-

завоеватели. В период сельджукских завоеваний такое единоначалие мотивировалось и оправдывалось общностью цели всех участников походов. Но по мере упрочения власти Великих Сельджуков центробежные тенденции в государстве стали усиливаться. Возникло противоречие между стремлением к централизации управления со стороны султана и исконной сельджукской традицией управлять государством всем кланом, а не при посредстве одного сильного правителя. Каждый член разросшейся сельджукидской династии считал себя в праве иметь в общем государстве собственный удел, на который бы лишь частично распространялась власть султана. С конца XI века сельджукская знать более не была заинтересована в сильной центральной власти и стала проявлять сепаратистские тенденции.

В последние десятилетия XI века в государстве Великих Сельджуков наблюдалось все большее ослабление авторитета центральной власти. Не подчинявшиеся никакой дисциплине члены династии и эмиры-военачальники, правившие в различных областях империи, выходили из повиновения султану. Хотя Низам аль-Мульк прилагал все старания, чтобы сохранить управление в своих руках, подчас действуя даже вопреки воле самого султана, чьим опекуном и воспитателем он был в прошлом, его усилий часто оказывалось недостаточно, чтобы сохранить единство государства. Все его попытки заменить федерацию членов рода централизованным абсолютизмом по образцу сасанидской модели терпели неудачу из-за слабости центральной администрации и недостатка материальных ресурсов. Экономически могущественные области исламского мира (Центральная Азия и Египет) находились за пределами сельджукской державы, а центральные области государства (Ирак и Сирия) испытывали большие экономические трудности.

Ослабление контроля Сельджукидов над Сирией имело своим последствием стремление больших и малых городов страны к независимости, причем это движение обычно возглавлялось богатой городской аристократией, которая в таких больших городах, как Дамаск и Алеппо, не претендовала на формальную независимость от сельджукского султана, но готова была сотрудничать с ним через городских глав (ра'исов), имевших в своем распоряжении местную полицию (ахдас). Такого рода местное самоуправление сложилось в этих городах еще в X-XI веках и позволяло им пользоваться полнейшей автономией.

Пережитком сельджукской концепции семейного суверинитета был обычай дарования вотчины в пограничных провинциях сыновьям и родственникам султана, получавшим титул "малик" (царь). Так, брат Малик-Шаха — Тутуш считал себя в праве претендовать на особый удел и, завоевав по приказу султана центральную и южную Сирию со столицей в Дамаске, он не только удержал эту область в своих руках, но даже назначил одного из своих приближенных по имени Артук правителем Иерусалима в качестве своего вассала. Бессильному Малик-Шаху ничего не оставалось, кроме как передать Тутушу захваченные земли в дар как вотчину. Позднее, после смерти Малик-Шаха, Тутуш даже пытался захватить власть в султанате, но потерпел поражение в 1095 году в сражении с войском султана Беркйарука (1094-1105). После смерти Тутуша в 1095 году его владения были поделены между его сыновьями — Ридваном, правившим в Алеппо, и Дукаком — в Дамаске. Они продолжали носить титулы "маликов" и, номинально оставаясь вассалами султана Великих Сельджуков, при слабых преемниках Малик-Шаха фактически обрели полную независимость.

Особую роль в судьбах провинций сельджукской империи играл специфический для сельджукского государства инсти-

тут атабегов. Изначально сельджукские завоевания носили характер миграции на Запад тюрков-огузов, но когда завоевания были завершены, султан, будучи правителем обширной империи, ощутил необходимость в создании дисциплинированного, лично ему преданного войска “аскар”, способного держать под контролем самих огузов. Войско “аскар” комплектовалось из рабов-мамлюков, привозимых из Центральной Азии. Пребывавших в язычестве тюрков обращали в ислам, обучали военному делу и, включив в придворную гвардию, предоставляли им свободу. Двигаясь по служебной военной лестнице, эти бывшие рабы могли достичь должностей эмиров, правителей в провинциях и высокопоставленных придворных. Одной из наиболее заманчивых должностей для мамлюков был пост “атабега”. Этот, возникший при сельджуках, титул был чисто тюркского происхождения. Он происходил от соединения двух слов “ата” (отец) и “бег” или “бек” (военачальник). Атабегов на первых порах приставляли в качестве воспитателей-дядек и наставников к сельджукским принцам-наследникам. Если подопечный атабега получал вотчину или назначение наместником провинции, атабег становился его регентом и обретал власть над его владением.

Так, после смерти в 1104 году Дукака, его бывший воспитатель (атабег) Тугтегин продолжал править Дамаском в качестве атабега его малолетнего сына, а после смерти ребенка он правил городом уже как независимый властелин до самой смерти в 1128 году. После его смерти власть над Дамаском перешла в руки сына атабега — Бури, основавшего целую династию правителей города — Буридов (1104-1146). Брат Дукака Ридван сохранил власть над Алеппо, а когда рассорился со своим атабегом Джанах ад-Даула в 1097 году, тот захватил Химс и стал независимым правителем этого города.

Не менее успешно боролись за независимость и те сирийские города, которые находились под властью Фатимидов. Так, в 1070 году добились независимости Тир и Триполи, правителями которых стали шиитские кади, а позднее власть над Триполи захватили шейхи бедуинского племени Бану Аммар. В результате, ко времени начала Крестовых походов, Сирия представляла собой калейдоскоп мелких владений городских правителей, эмиров-военачальников и бедуинских шейхов, находившихся в состоянии непрерывных конфликтов друг с другом.

Для содержания разросшейся администрации и армии, как в столице сельджукского государства, так и в провинциях, Сельджукиды использовали сложившуюся еще при Аббасидах и получившую дальнейшее развитие систему "икта". Передача прав на сбор доходов с поземельного налога хараджа тому или иному эмиру или военачальнику, столь широко применяемая Бувайхидами, была не только воспринята сельджуками, но и распространена на все области исламской империи. Уже Бувайхиды установили такой порядок, при котором владелец икта осуществлял на переданных ему землях как фискальные, так и административные функции. Большие вотчины сельджукских маликов были финальным этапом развития системы икта. Изменился порядок исчисления доходов, предназначенных для того, кому были переданы права на сбор налогов. Вместо фиксированной суммы, на которую мог претендовать владелец икта, было установлено, что размер части налога, сохранявшегося в распоряжении "мукта", должен быть достаточным для обеспечения находившихся в его подчинении военных отрядов. В результате складывались автономные в фискальном отношении провинциальные владения, управляемые местными эмирами, а иногда, как это было в Сирии, атабегскими династиями, оказавшимися независимыми от цен-

тра не только в политическом, но и в финансовом отношении. Предоставление военачальникам прав собирать с района налог, доход с которого был примерно эквивалентен жалованию, выплачиваемому расположенной здесь армии, полностью избавляло их от контроля государственной администрации, поэтому мукта^с привыкли считать полученные ими земли своей собственностью. С XI века их даже в соответствии с официальной терминологией стали именовать маликами или султанами.

Система пожалования икта на протяжении столетий не носила стабильного характера, и владельцы икта постоянно менялись. На мусульманском востоке не было закона о первородстве, и наследство часто разделялось между многими претендентами. С того времени, как в армию начали рекрутироваться рабы-мамлюки, эмиры получили возможность отвергать претензии свободных наемников на получение земельных наделов и передавать икта своим мамлюкским солдатам. При всяком вторжении новых завоевателей происходило перераспределение земли, и возникали новые владельцы икта. В результате сельские жители привыкли считать, что ими управляет военная иноземная аристократия, и всякое выражение недовольства обречено на неудачу. Поскольку мукта^с не были владельцами поместий в точном смысле этого слова, а только получали с них доход и почти всегда жили в городе, у них не было никакого контакта с самими налогоплательщиками. Они имели дело только с чиновниками, которые по их поручению приезжали собирать налоги, что открывало возможности для многочисленных злоупотреблений. Поэтому распространение системы икта ложилось тяжким бременем на крестьян и лишало их всякого права на статус свободного землевладельца.

В 1087 году Низам аль-Мульк вынужден был признать внутреннюю логику развития системы икта и полностью осво-

бодить армейских военачальников, держателей икта, от налогов. Он настаивал также на установлении краткосрочного права на владения икта. Но практически земельная собственность мукта^с была неотчуждаема. Узурпация владельцами икта прав распоряжаться пожалованными наделами как собственностью и усиление военно-феодалной аристократии хотя до известной степени и обеспечивало стабильность в провинциях, одновременно способствовало распаду государства. Государственная казна оказывалась без средств, и султан попадал в полную зависимость от произвола местных властителей.

В то время как города Сирии в период сельджукского господства страдали от непосильных налогов, бедуинских набегов и войн между местными правителями, обычно хищными временщиками, города престольной провинции Ирака, судя по сообщению арабских средневековых географов, находились в лучшем положении. Багдад, Куфа, Басра, Васит оставались густонаселенными центрами с развитым ремеслом и торговлей. Междоусобица в державе Сельджукидов, наступившая в 1092 году после смерти Малик-Шаха, позволила аббасидским халифам до некоторой степени восстановить в Ираке свою власть. Когда в 1157 году очередной сельджукский султан Мухаммад II (1153-1160), правивший в Западном Иране, вторгся в Ирак и осадил Багдад, преданное халифу войско сумело пресечь все его попытки взять город. После этого события утраченный в прошлом авторитет Аббасидов настолько возрос, что боровшиеся с крестоносцами правители сирийских княжеств стали обращаться за помощью к халифу аль-Муктафи (1136-1160). А в Египте падение Фатимидского халифата и провозглашение в 1171 году в Каире Салах ад-Дина султаном с последовавшим восстановлением суннитского ислама привело к возобновлению поминания имени аббасидского халифа аль-Мустади (1170-1180) во время молитвы.

Укрепление в Багдаде власти Аббасидов благотворно сказалось на развитии арабской культуры в столице и в других городах Ирака. В конце XI в начале XII века, в канун монгольского нашествия, Багдад славился своими школами и библиотеками. Халиф аль-Мустансир (1226-1242) в 1232 году основал в Багдаде знаменитое медресе “аль-Мустансария”, подобное “Низамии” Низам аль-Мулька, по его же приказу была сооружена “Мечеть халифов”.

Ослабление государства Сельджукидов способствовало политическому возрождению и некоторых восточных провинций империи, в частности Хорезма. Расположенный на нижнем течении Аму-Дарьи, Хорезм представлял собой богатую сельскохозяйственную область с прекрасным источником воды и искусственным орошением. Окруженный степями и полупустынями, отделявшими его от окружающего мира, Хорезм сохранил независимость, несмотря на неоднократные попытки вторжения различных завоевателей в соседние с ним области. Еще в 712 году Хорезм оказался вовлеченным в события исламской истории, когда туда вторгся наместник Хорасана Кутайба ибн Муслим. В 995 году местный род Ма^Dмунидов присвоил себе традиционный иракский титул хорезмшахов. Хорезмшахи были по происхождению тюрками, но, восприняв ислам, приобщились к арабо-иракской культуре. Теоретически Хорезм находился под властью Саманидов, хотя жил почти полностью своей самостоятельной жизнью. В 1017 году Махмуд Газневидский присоединил его, как и многие другие области Саманидов, к своей Империи, а в 1041 году Хорезм формально перешел под власть Сельджукидов.

Расцвет государства хорезмшахов пришелся на последние десятилетия XII и начало XIII веков. В 1172 году хорезмшах Текиш (1172-1200), а после него хорезмшах Мухаммад (1200-1220) сумели значительно расширить пределы своих владе-

ний и добились власти почти над всем иранским востоком — Западным Ираном, Мавараннахром с городами Самарканд и Бухара, Афганистаном и районами Закавказья. Таким образом, в их руках оказался весь Иран и Средняя Азия от Индии до Анатолии.

В своих попытках расширить границы государства на запад хорезмшахи неизбежно должны были столкнуться с противодействием Аббасидов, незадолго до этого, при халифе аль-Муктафи, сумевших выстоять перед лицом сельджукской угрозы. Халиф ан-Насир (1180-1225) в свою очередь старался расширить владения Халифата на восток и включить в них еще и Хузистан. Хорезмшах Мухаммад отказывался признавать ан-Насира имамом-халифом и провозгласил таковым одного из Алидов, родом из Термеза. В 1217 году он двинул против ан-Насира войско, но, как сообщают источники, зимние холода помешали ему осуществить намеченные планы, и он вынужден был возвратиться в Иран.

Через несколько лет, когда в 1220 году в Мавараннахр вторглись монголы Чингиз-хана, правление последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина прошло в тщетных попытках спасти державу от монгольского нашествия, положившего конец господству хорезмшахов.

Крестовые походы и арабо-мусульманский Восток

В последние годы XI века на Халифат обрушились новые завоеватели, на этот раз пришедшие с северо-запада — крестоносцы. Под общим наименованием “крестовые походы” подразумеваются военно-колониционные вторжения европейцев в страны Ближнего Востока — Палестину, Сирию и Египет, происходившие с 1096 по 1270 годы. Основную роль в крестовых походах играло мелкое рыцарство, стремившееся к захвату плодородных земель востока, так как в Западной Европе младшие сыновья в многодетных рыцарских семьях не могли рассчитывать на обзаведение собственными феодами, ибо свободных земель более не оставалось. Для возглавлявших походы королей, герцогов и графов походы сулили приобретение новых владений, усиление их политического влияния и увеличение доходов.

Кроме крупных и мелких феодалов в походах активное участие принимало и доведенное до последней степени разорения

непосильными налогами европейское крестьянство, надевавшееся обрести в новых странах личную независимость и материальное благополучие. Немалую роль в организации и финансировании походов сыграла также торговая буржуазия итальянских городов: Венеции, Генуи, Пизы, ибо военное проникновение в юго-восточное Средиземноморье должно было повысить их роль в торговле со странами Ближнего и Среднего Востока и стать источником обогащения.

Военным походам крестоносцев был придан религиозный характер, католическая церковь мотивировала их как борьбу против ислама, освобождение Палестины от “неверных” и возвращение христианам Гроба Господня в Иерусалиме. Непосредственным поводом для начала походов было неоднократное обращение византийского императора Алексия Комнина (1081-1118) к римскому папе и германскому императору с просьбами о помощи против тюрков-сельджуков, захвативших большую часть Малой Азии.

Начало крестовым походам положил папа Урбан II, выступивший в 1095 году в Клермоне после окончания церковного собора перед огромными толпами верующих с призывом отправиться в поход для “освобождения Гроба Господня”. Участникам похода было обещано освобождение от налогов и охрана их имущества и семей церковью во время их отсутствия. Верующие с энтузиазмом восприняли этот призыв и в знак своего участия в походе стали нашивать на правое плечо своей одежды крест из красной шерстяной материи, отсюда возник термин “крестоносцы”.

В 1096 году отряды из средней и северной Франции и западной Германии во главе с проповедником Петром Амьенским двинулись по Рейну и по Дунаю на Константинополь, бесчинствуя в пути и грабя местных жителей. Сильно потрепанные нападавшими на них в дороге венграми и болгарами,

эти группы добрались до Константинополя, были переправлены византийцами в Малую Азию, а потом разгромлены тюрками, после чего уцелевшая их часть бежала обратно в Константинополь.

В конце 1096 года на Восток двинулись отряды рыцарей из северной и южной Франции, Лотарингии и Италии. Во главе лотарингского рыцарского ополчения стояли Готфрид Бульонский и его брат Балдвин. Рыцарей северной Франции и Нормандии возглавлял герцог Роберт Нормандский, а южной Франции — граф Раймунд Тулузский. Наконец, во главе нормандского ополчения из южной Италии стояли Боэмунд Тарентский и его племянник Танкред. Весной 1097 года следовавшие разными дорогами отряды рыцарей соединились в Константинополе и были переправлены в Малую Азию.

К началу крестовых походов на Ближнем Востоке были три соперничавшие между собой силы: султанат Великих Сельджукидов, султанат Сельджуков Рума в Анатолии и военный вазират в Египте, который управлял страной от имени утратившего власть фатимидского халифа. Между ними находилась Сирия, которую, казалось, легко будет завоевать благодаря нестабильной политической ситуации. Когда весной 1097 года крестоносцы вторглись в Сирию, она была раздроблена на отдельные города и области, находившиеся под управлением недалёковидных, лишенных политического опыта, часто хищных и безответственных правителей, которые не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления пришельцам. За этими мелкими правителями-эмирами стояли две крупные державы: Великий Сельджукский султанат и фатимидский Египет, находившиеся в состоянии упадка и неспособные оказать Сирии сколько-нибудь существенную помощь. Каждая из противостоявших друг другу сил имела в Сирии своих союзников-клиентов среди плохо управляемых и часто бес-

чинствовавших бедуинских племен, но контролировать положение в стране фактически не могла. К тому же раздираемый внутренними противоречиями фатимидский Египет к этому времени в значительной степени утратил к Сирии интерес. Султаны Сельджуков Рума Сулайман (1077-1086) и его сын Кылыч-Арслан (1092-1107) были заняты войной с Великими Сельджуками, а их преемники ограничились своей властью Центральной Анатолией.

Первым крупным городом, захваченным крестоносцами на пути в Сирию, была Эдесса, в которой Балдуин весной 1097 года основал графство Эдесса. В том же году, продвигаясь далее, крестоносцы постепенно овладели бо~~ль~~шей частью раздираемых внутренними смутами и междоусобицей Палестины и Сирии. Не только христиане, но и многие мусульманские сектанты ненавидели сельджукских правителей больше, чем “франков” и охотно сотрудничали с крестоносцами. Египетские Фатимиды также готовы были прийти к соглашению с “франками”, так как считали их менее опасными соперниками, чем сельджуков.

Однако многие сирийские города оказывали вторгнувшемуся войску упорное сопротивление. Так, крестоносцы в течение года осаждали Антиохию, и захватить этот город-крепость им удалось только благодаря измене начальника гарнизона, при этом взятие Антиохии сопровождалось страшным мусульманским погромом. В результате возникло второе владение крестоносцев — княжество Антиохия во главе с Бюемундом Тарентским.

Только весной 1099 года крестоносцы, после ожесточенного штурма, сумели овладеть Иерусалимом и изгнать из города фатимидский гарнизон, состоявший из арабов и суданцев. За этим последовала страшная резня, в которой погибло множество мусульман и евреев. Крестоносцы не щадили ни

женщин, ни детей. Их фанатизм и жестокость были внове для исламского востока, где в это время сравнительно мирно уживались различные конфессии. Эти события произвели на современников большое впечатление. Арабский историк Ибн аль-Асир (1160-1234) описывает прибытие первых беженцев из Иерусалима в Багдад и их страшные рассказы о судьбе горожан.

Так возникло Иерусалимское королевство во главе с Готфридом Бульонским, включавшее Палестину и южную часть Сирии. От него формально зависели три вассальные государства: княжество Антиохия, графство Эдесса и возникшее позднее графство Триполи во главе с Раймондом Тулузским.

К 1124 году в руках крестоносцев оказалось все побережье Палестины и Сирии. Особенно далеко вглубь сирийско-палестинской территории они не проникали, снабжение их войска шло морем через средиземноморские порты. Алеппо, Хама, Химс и Дамаск оставались в руках мусульман, причем между их правителями — мелкими эмирами шли непрерывные распри.

Исламский мир откликнулся на вторжение крестоносцев далеко не сразу. Жители Сирии и Палестины не понимали, для чего на их земли пришли завоеватели, считали их варварскими союзниками византийцев и именовали франками, а иногда и просто “румийцами” (рум), то есть считали их одной из вспомогательных частей императорской армии. Тюркские князьки Сирии готовы были вступить с ними в политические игры, как они это делали в прошлом с византийскими императорами, а правители Алеппо и Дамаска заключали с пришельцами различные соглашения.

Иную позицию по отношению к крестоносцам и сирийским эмирам заняли исмаилиты. Хаос в Сирии в канун первого крестового похода и отсутствие стабильности в стране пос-

ле образования франкских государств благоприятствовали исмаилитской пропаганде, и число их сторонников росло. При терпимом отношении и даже покровительстве Ридвана они сделали Алеппо своей базой, а после смерти Ридвана в 1113 году, когда их деятельность в Алеппо была запрещена, они переехали в Дамаск под покровительство эмира Тугтегина. Преемник Тугтегина — Бури, обрушился на исмаилитов с жестокими репрессиями, многие тысячи из них были убиты. Тогда они переехали в недоступную горную область Джабаль Бахра в прибрежной гряде северной Сирии и соорудили в горах крепость, откуда нападали на суннитских эмиров Сирии, а к крестоносцам большого интереса не проявляли. Особую неприязнь исмаилиты испытывали к правителям Мосула — суннитской династии Зангидов, ненавидевшей и жестоко преследовавшей шиитских экстремистов.

Пребывание крестоносцев на Ближнем Востоке привело к обогащению участвовавшего в походах европейского дворянского сословия: поселившись в захваченных городах и укрепив их мощными крепостями, несколько тысяч рыцарей захватили большие земельные владения, жителей которых они жестоко эксплуатировали, облагая высокими налогами. Купечество, в первую очередь итальянское, обосновалось на побережье в укрепленных городах, организованных по типу итальянских городов-коммун и пользовавшихся сходными с ними привилегиями. Генуэзцы и венецианцы главенствовали в торговле не только с Сирией и Палестиной, но и с другими странами востока, оттеснив на второе место византийских и мусульманских купцов. Значительные земельные владения получило западное католическое духовенство. В Сирии и Палестине оседали европейские паломники из числа крестьян и горожан, равно как и авантюристы разных сортов, прибывавшие на восток с целью обогащения. Они обретали земельные владе-

ния, которые сами возделывали. Обосновавшиеся в стране европейцы часто брали себе в жены местных христианок и принявших христианство мусульманок, усваивали местные обычаи и ассимилировались в культурном и языковом отношении. Местные жители — горожане в большом числе переходили в христианство, в то время как сельское население, как правило, оставалось мусульманским и оказывалось в таком же положении, в каком некогда были немусульмане-зимми. В отличие от греко-византийского государства завоеванные крестоносцами земли получили наименование Латинской Империи.

Борьбу с крестоносцами на раннем этапе начали находившиеся на службе у сельджуков тюркские военачальники из рода Зангидов. В 1127 году султан назначил одного из своих тюркских эмиров, в прошлом охранника и наставника двух его сыновей (атабега) Имад ад-Дина Занги (1127-1147) правителем Мосула. Деятельный и предприимчивый Имад ад-Дин сумел не только прочно обосноваться в Мосуле, но и распространить свою власть на города Нисибин, Харран, а в 1128 году сумел захватить и Алеппо. В результате под его началом образовалось довольно большое княжество, охватывавшее значительную часть Месопотамии и Сирии. Поскольку Алеппо также вошло в его эмират, соперничество из-за этого важного города между соседними мелкими князьками прекратилось. Теперь перед Имад ад-Дином Занги встала задача установить контроль и над Дамаском, переходившим, как прежде Алеппо, из рук в руки. Таким образом, расширение владений Занги невольно вовлекло его в дела Сирии, Ирака и вообще владений Великого Сельджукского султана, чем он и был занят почти двадцать лет. Сами по себе взаимоотношения с крестоносцами занимали его во вторую очередь.

Первую попытку овладеть Дамаском, где в это время правила атабегская династия Буридов (1104-1146), Занги принял в 1130 году, когда пригласил эмира Бури принять участие в совместном джихаде против крестоносцев. Получив отказ, он удовольствовался тем, что предательским образом овладел Хамой, где у власти стоял один из сыновей Бури. В последующие четыре года он всецело был занят делами на востоке и на Дамаск временно не посягал.

Через несколько лет ситуация в Дамаске показалась Занги вновь благоприятной для осуществления его планов. В 1132 году Бури был убит одним из ассасинов, и его сын и преемник Исмаил, столкнувшись в городе со все возраставшей враждебностью жителей, запросил у Занги помощи. Но когда в 1135 году Занги прибыл с войском к стенам Дамаска, Исмаил по наущению собственной матери был убит, и место эмира занял его брат — Шихаб ад-Дин Махмуд. Атабег Махмуда — Унур возглавил успешное сопротивление мосульскому войску, и только приказ халифа о возвращении Занги в Мосул дал возможность честолюбивому военачальнику сохранить лицо в проигранной кампании.

Однако неудача не поколебала Занги в его бывших намерениях. В 1135 году он напал на Химс, находившийся под властью Буридов, но и на этот раз атабег Унур сумел защитить город от осаждавшей его мосульской армии. Занги удалось лишь захватить важную крепость крестоносцев Ба'рин (франкский Монтферран), лежавшую на пути из Триполи в Хаму.

В 1138 году Занги овладел Химсом, женившись на вдове Бури и получив город в качестве приданного. В следующем году в результате дворцового заговора был убит правитель Дамаска Шихаб ад-Дин Махмуд, и Занги, побуждаемый женой, двинулся на Дамаск. Оборону города возглавил все

тот же атабег Унур. Осада продолжалась полгода и, в конце концов, Унуру пришлось обратиться за помощью к королю Иерусалимскому, и Занги в какой уже раз вынужден был отступить и вернуться в Мосул. Ему удалось лишь захватить город Ба^алабакк в плодородной долине Бика^а. Правителем города Занги назначил одного из своих курдских помощников — Наджм ад-Дина Аййуба, и с этого времени началось возвышение династии Аййубидов, призванной сыграть в истории Ближнего Востока важную роль.

Как мы уже говорили, многие эмиры, правители мелких сирийских княжеств, часто, исходя из своих личных интересов, вступали в союзнические отношения с главами крестовых государств. В свою очередь, враждовавшие между собой франкские правители княжеств, также охотно шли на различного рода соглашения с “неверными”. Занги не составлял в этом отношении исключения. Он поддерживал хорошие, почти союзнические отношения с нормандскими правителями Антиохии против их общего врага — провансальского графства правителя Триполи, которое, в свою очередь, было в союзе с Византией и иерусалимскими королями.

Политическим успехом Занги сильно поспособствовала смерть в 1144 году его заклятого врага, правителя Хисн Кайфы (города на Тигре к северу от Мосула), артукида (потомка вождя огузского племени догер Артука) Давуда ибн Сокмана, сын которого Кара-Арслан вел переговоры с герцогом Эдессы, добиваясь его помощи в своих завоевательных планах. Воспользовавшись тем, что герцог со своей армией покинул город и двинулся для поддержки Кара-Арслана на запад, Занги в 1144 году захватил Эдессу. Это была первая победа мусульман над франками, и Занги сразу же обрел репутацию борца за ислам. Формальное признание его заслуг выразилось в том, что халиф пожаловал ему титул “зайн аль-ислам”

(украшение ислама) и “насир амир аль-му’минин” (помощник эмира правоверных).

В 1146 году Занги в пьяном виде был убит франкским рабом, а его владения были поделены между его старшим сыном Сайф ад-Дином Гази, получившим Мосул и Джазиру, и младшим Нур ад-Дином (1146-1174), который обосновался в Алеппо. Теперь Нур ад-Дин имел возможность сосредоточить все свое внимание на Сирии и войне с франками, чего не мог делать его отец, которого постоянно отвлекали дела на востоке. Вместе с тем, с утратой Мосула Нур ад-Дин, в отличие от Занги, более не мог извлекать доход из восточных провинций, что сократило его военные и экономические ресурсы.

Армия Нур ад-Дина по своей структуре мало чем отличалась от войска Занги, а позднее — от войска Саладина. Некоторыми чертами она напоминала армии феодальной Европы. Она не была постоянной, рекрутируемой и оплачиваемой за счет правителя, но представляла собой ополчение из отрядов, ежегодно создававшихся заново на время летней кампании и распускавшихся в зимнее время. Ударной ее частью были “аскары” — более или менее постоянные кавалерийские части, личная охрана правителя, состоявшие как из свободных воинов, так и мамлюков. Тюркский мамлюкский элемент в этих отрядах уравнивался рекрутировавшимися курдскими воинами. Были также арабские и туркменские части, игравшие вспомогательную роль.

К концу своего правления Нур ад-Дин имел три тысячи воинов в своей “аскарии”. Когда он готовился к походу, его армия увеличивалась за счет ополчений провинциальных правителей. Например, дядя Саладина Асад ад-Дин Ширкух, курдский правитель города Химса, имел пятьсот аскаров “асадия”, присоединявшихся к армии Нур ад-Дина по первому

его требованию. Эмиры содержали своих аскаров за счет доходов с поместий (икта). Полевая армия могла получать пополнение также за счет "аджнад", второстепенных кавалерийских отрядов, рекрутировавшихся в каждом городе из местной милиции, вооруженной пиками и мечами, в отличие от аскаров, вооруженных луками. Пехота играла лишь вспомогательную роль во время осады городов, когда нужны были умельцы, чтобы оперировать осадными машинами, подводить мины к укреплениям и бросать зажигательные снаряды, так называемый "греческий огонь".

В первое время власть Нур ад-Дина над бывшими владениями Занги в Сирии была под угрозой. Побуждаемые христианами Эдессы крестоносцы попытались отбить город обратно. Однако Нур ад-Дин нанес поражение франкскому войску. Его военные действия сопровождались жестокими погромами, во время которых были убиты тысячи людей. Воспользовавшись занятостью Нур ад-Дина в войне из-за Эдессы, правитель Дамаска Унур попытался вернуть под свою власть центральные районы Сирии и заставить Наджм ад-Дина Аййуба покинуть Ба'лабакк. Однако возникший конфликт в 1147 году разрешился примирением и был закреплен династийным браком.

Захват Нур ад-Дином важнейшего крестоносного княжества Эдессы поверг в уныние правителей христианских государств Палестины и Сирии. Иерусалимский король обратился к папе с просьбой призвать на помощь против мусульман новых рыцарей из Европы. Французский аббат, святой мистик Бернард Клервосский (1109-1153) также призвал европейских правителей к новому крестовому походу. Во главе второго крестового похода (1147-1149) стали французский король Людовик VII и германский император Конрад III. В 1148 году собрание крестоносных князей прибывшего войска,

в Иерусалиме, приняло решение напасть на Дамаск. Это была нелепая акция, продиктованная желанием заполучить богатые трофеи. К этому времени Иерусалим и Дамаск мирно сосуществовали, а с 1139 года, когда Занги стал угрожать правителю Дамаска Унуру, даже установили союзные отношения. Угроза со стороны крестоносцев вынудила Унура обратиться за помощью к Нур ад-Дину, и крестоносцы вынуждены были с приближением войска Нур ад-Дина снять осаду города, а вожди крестоносцев Людовик VII и Конрад III, потеряв большую часть своей армии, бесславно вернулись в Европу.

Неудачный второй крестовый поход выявил значение Дамаска в качестве ключевого города, обладание которым давало возможность держать под контролем большую часть Сирии. В 1149 году армия Нур ад-Дина, усиленная пришедшим ему на помощь отрядом из Дамаска, одержала победу при Инабе — крепости, входившей в состав княжества Антиохии. Правитель Антиохии Раймонд из Пуатье был убит в сражении. Захватив его владения, Нур ад-Дин символически искупался в Средиземном море. Отныне новый борец за дело ислама угрожал самому существованию франкских приморских государств. Правда, в 1143 году франки сумели одержать несколько побед, в частности король Балдуин III захватил важный город на подступах к Египту — Аскалон, но это уже не могло сыграть существенной роли и лишь привело к тому, что Дамаск оказался между двумя борющимися силами: крестоносцами и армией Нур ад-Дина. Жители Дамаска не без основания боялись крестоносцев и предпочитали, чтобы город оказался в руках Нур ад-Дина. Судьба Дамаска решилась после смерти Унура в 1149 году. Последний правитель города, бурид Муджир ад-Дин Увак пытался на протяжении пяти лет сохранять власть над городом, несмотря на всеобщее недовольство жителей. Однако в 1154 году армия Нур ад-Дина оса-

дила город и через несколько месяцев, с помощью предателя — ра'иса, главы городской военной и гражданской власти, Нур ад-Дин овладел Дамаском.

Таким образом, Нур ад-Дин объединил под своей властью всю находившуюся в руках мусульман Сирию, и его престиж в исламском мире неизмеримо возрос. Он снискал себе славу почти идеального правителя и борца за дело ислама. И в Дамаске, и в Алеппо он всячески способствовал процветанию богословия, создавал религиозные школы, ремонтировал мечети, пострадавшие во время войн, и опекал суфийские братства.

Подобно многим другим правителям отдельных городов и провинций государства Сельджукидов (например, Буридам в Сирии), Нур ад-Дин был выходцем из семьи атабегов. Одним из признаков начавшегося упадка Сельджукского султаната было укрепление власти атабегов, стремившихся в подвластных им владениях к полному суверенитету. Это выразилось в том, что халиф аль-Муктафи присвоил Нур ад-Дину после взятия им Эдессы титул “аль-малик аль-мансур” (победоносный царь). Обычно именуемый всего лишь эмиром, как лицо, состоявшее в подчинении сельджукскому султану, Нур ад-Дин стал также именоваться “аль-малик аль-адил” (справедливый царь). Использование титула “малик” (царь) прежде было исключительной прерогативой сельджукских правителей. Ныне этот титул получил широкое распространение среди провинциальных правителей. Позднее его стали употреблять члены династии Аййубидов и мамлюкские султаны.

В период правления Нур ад-Дина прежние сирийские городские институты пришли в упадок. Имевший в прошлом гражданскую и военную власть глава городской администрации ра'ис, опиравшийся на “ахдас” (городскую милицию), уступил место начальнику полиции (“сахиб аш-шурта”) с ограниченными полномочиями. Право посещать правителя с жалобой

на действия администрации было древнейшим обычаем в исламских странах. Нур ад-Дин возродил этот обычай и создал сперва в Алеппо, а затем и в Дамаске "Дворцы справедливости" (Дар аль-адл), куда он отправлялся два раза в неделю и где заседал вместе с мусульманскими юристами и судьями, творя суд в соответствии с законами шариата.

Захват Балдуином III в 1143 году Аскалона ознаменовал поворот политики крестоносцев в сторону Египта. Попытки прибрать к рукам эту богатейшую провинцию Средиземноморья после смерти Балдуина III в 1163 году продолжил его брат и преемник, правитель Яффы и Аскалона Амальрик. Опасавшиеся дальнейшего продвижения завоевателей в глубь страны, ослабевшие фатимидские правители обязались выплачивать крестоносцам дань.

В середине XII века фатимидское государство переживало кризис, равному которому не было на протяжении всей его истории. Фатимидский халиф утратил не только авторитет, но и вообще какую-либо реальную власть в государстве, которое оказалось всецело в руках вазиров, сменявших друг друга в результате придворных заговоров и даже прямых убийств. Последний совершеннолетний халиф аль-Хаафиз умер в 1149 году, его преемниками последовательно были аз-Зафир (1149-1154), которому в момент вступления на престол было 16 лет, четырехлетний аль-Фа^аиз (1154-1160) и девятилетний аль-Адид (1160-1171).

В 1149 году вазират захватил правитель Александрии курд Ибн ас-Салар, который через четыре года был убит своим пасынком Аббасом, занявшим пост вазира. Сын Аббаса убил халифа аз-Зафира и возвел на престол аль-Фа^аиза, но и сам был убит в результате заговора других претендентов на пост вазира, а в 1161 году его участь разделил и новый, сменивший его, вазир. Такая неустойчивость политической власти сдела-

ла падение фатимидского режима неизбежным. В 1163 году правитель Верхнего Египта, некий Шавар, прибыл со своими сторонниками в Каир, сверг очередного вазира, но через несколько месяцев и сам был свергнут и бежал в Сирию, чтобы испросить помощи у формально находившегося на службе у Сельджукидов Нур ад-Дина. Это была уже прямая государственная измена.

Воспользовавшись междоусобицей в Египте, новый иерусалимский король Амальрик в 1163 году вторгся в страну и подошел к Каиру. Однако, оценив создающуюся опасность, защитники города разрушили плотину и затопили значительную часть Нижнего Египта, что вынудило войско франков отступить.

Арабские источники утверждают, что Нур ад-Дин сперва не собирался вмешиваться в египетские дела. Он воздерживался от каких-либо враждебных действий против франкских королей, придерживался перемирия, заключенного с Балдуином III, и даже продолжал выплачивать королю дань, как это делали его предшественники в Дамаске. Однако вторжение Амальрика в Египет заставило его действовать более активно. Побуждаемый своим честолюбивым вассалом — курдом Ширкухом, рассчитывавшим стать правителем завоеванной области, Нур ад-Дин решил удовлетворить просьбу Шавара и в 1164 году отправил в Египет отряд во главе с Ширкухом, которого сопровождал его племянник, впоследствии, знаменитый Салах ад-Дин аль-Аййуб (в европейской транскрипции Саладин), дабы помочь фатимидскому халифу справиться с междоусобицей и отразить новое вторжение в страну Амальрика.

Эмир Ширкух изгнал из Египта франков, вступил в Каир и был восторженно встречен жителями города, а Шавар был восстановлен в своей старой должности вазира. С франками

Ширкух заключил перемирие на условии вывода войск из страны обеими сторонами. Вскоре это перемирие было нарушено Амальриком, и Ширкух оказался вынужденным вновь ввести в Каир свое войско. Опасаясь, что его власть будет ограничена курдским военачальником, и желая избежать уплаты обещанного Нур ад-Дину за помощь налога, Шавар затеял двойную игру, стараясь не терять связи с обеими враждующими сторонами.

Между тем, побуждаемый своим рыцарским окружением, Амальрик в 1167 году снова предпринял поход в Египет, чтобы окончательно овладеть страной. Шавар попытался вступить с франками в переговоры, но последний фатимидский халиф, молодой аль-Адид настоял на том, чтобы действовать более решительно. Он вновь обратился за помощью к Нур ад-Дину и Ширкужу. В это время вторгнувшаяся в страну армия франков подошла к селению Бильбайс, расположенному в непосредственной близости от Каира и после трехдневной осады им овладела. Учинив в селении страшный погром, во время которого погибло множество мусульман и христианокоптов, франки двинулись на Каир. Однако подоспевший с войском Ширкух сумел отбросить потрепанное и обескровленное за время боев войско Амальрика. Аль-Адид не забыл об изменческом поведении Шавара, приказал схватить его и казнить. Ширкух был назначен вазиром, но уже через несколько недель неожиданно умер, и вазират, с почетными званиями “султан” и “аль-малик ан-насир”, которые обычно давались фатимидским вазирам, перешел его племяннику Салах ад-Дину (Саладину).

Египет под властью Аййубидов (1169-1252 гг.)

С прибытием в Египет Ширкуха и Саладина на историческую арену вышла новая курдская династия Аййубидов, которой суждено было сыграть в борьбе с крестоносцами решающую роль. Дед Саладина — Шази и его два сына Наджм ад-Дин Аййуб и Асад ад-Дин Ширкух — уроженцы горного района близ Двина в Армении — в свое время перебрались в Ирак, где Шази поступил на службу к местному сельджукскому правителю Бихрузу и был назначен комендантом крепости Тикрит на Тигре. Сын Шази, родоначальник и эпоним династии, Наджм ад-Дин Аййуб унаследовал этот пост, а позднее перешел на службу к правителю Мосула Занги. Теперь, после победного похода в Египет, сын Аййуба — Саладин сумел преодолеть конкуренцию других, претендовавших на вазират военачальников и с помощью “аскаров” Асада ад-Дина Ширкуха (“асадия”) справиться со своими соперниками из тюркской кавалерии, находившейся

на службе у сына Занги, Нур ад-Дина ибн Занги, и занять высокий пост при фатимидском султানে.

Сначала казалось, что Саладин не сумеет удерживать вазират в своих руках сколько-нибудь продолжительное время. Его положение при Фатимидах было весьма двусмысленным. Он командовал вторгнувшимися в страну экспедиционными силами и формально находился на службе у Нур ад-Дина. К тому же, подобно своему господину, он был суннитом, получившим законную власть по воле аббасидского халифа. В то же самое время он получил пост вазира, то есть гражданскую и военную власть в стране, из рук исмаилитского фатимидского халифа аль-Адида. При этом Саладин не располагал реальным войском, поскольку фатимидские вооруженные силы, состоявшие из 40 тысяч всадников и 30 тысяч чернокожих солдат суданской пехоты, ему не подчинялись, и он мог рассчитывать лишь на небольшой сирийский отряд, состоявший из двух тысяч солдат "нурия" (то есть "аскаров" Нур ад-Дина), шести тысяч солдат начальника кавалерии аль-Йаруки, который не очень то был склонен ему подчиняться, и небольшого отряда "асадия", принадлежавшего прежде Ширкуху. Часть тюркских войск ушла обратно в Сирию, а некоторые тюркские военачальники открыто выказывали Саладину неповиновение.

Чтобы как-то скомпенсировать утрату части армии, Саладин стал создавать отряды собственных "аскаров" под именем "салахия" (по его имени Салах ад-Дин), для содержания которых вынужден был конфисковать угодья египетских эмиров и раздать их в качестве икта своим военачальникам. Это вызвало недовольство главарей чернокожего войска. В 1169 году чернокожее войско взбунтовалось, бунт был жестоко подавлен Саладином, а оставшаяся его часть ушла в Верхний Египет.

Между тем Нур ад-Дин со страхом наблюдал за возвышением Саладина. Поддерживаемый своими братьями, среди которых главной фигурой был Шамс ад-Дин Туран-Шах, Саладин явно стремился превратить Египет в семейную вотчину. Нур ад-Дин рано распознал амбициозные планы своего вассала и не доверял ему. Чтобы ослабить позиции Саладина в Египте, он отозвал в Сирию свою гвардию “нурия”, принимавшую участие в походе Ширкуха, а также конфисковал сирийские икта Ширкуха и Саладина, чем лишил последнего средств, необходимых для содержания отрядов “асадия” и “салахия”. А чтобы вести наблюдение над своим вассалом, Нур ад-Дин отправил в Египет отца Саладина, главу всего рода аййубидов, преданного ему Наджм ад-Дина Аййуба, который выдвинулся на службе у Нур ад-Дина и испытывал к своему сюзерену особое уважение. Наджм ад-Дин сумел предотвратить окончательный разрыв между Нур ад-Дином и его бывшим подчиненным, но процесс постепенного превращения Египта в вотчину Аййубидов продолжался. Саладин пожаловал отцу в качестве икта доходы с больших портов Александрии и Дамьетты, а также провинции Бухайра к западу от Дельты, а своему брату Шамс ад-Дину Туран-Шаху — беспокойный район Верхнего Египта.

С уничтожением чернокожего войска Фатимиды утратили свою главную военную опору, и конец власти их династии был предрешен. Выразилось это еще и в том, что под давлением Нур ад-Дина поминание в хутбе имени фатимидского халифа было заменено поминанием имени очередного халифа Аббасидов. Осенью 1171 года умер последний фатимидский халиф аль-Адид, и в хутбе прозвучало имя аббасидского халифа аль-Мустади⁹ (1170-1180). Ранее утративший роль религиозного исмаилитского центра, с этого времени Фатимидский халифат прекратил свое существование и в качестве по-

литической силы. Египет возвратился в лоно традиционного суннизма, и в стране установилась власть новой династии Аййубидов (1169-1252).

Ликвидация Фатимидского халифата устранила двусмысленность в положении Саладина. Теперь он оказался правителем Египта в качестве ставленника своего тюркского суннитского господина Нур ад-Дина. В это время Саладин и формально был назначен правителем Египта и Сирии самим аббасидским халифом, который в знак милостивого к Саладину отношения отправил ему в дар почетную одежду. Но и Нур ад-Дин всячески стремился укрепить свои позиции. В 1170 году умер его брат, правитель Мосула, что дало ему повод прибыть в город и назначить его правителем своего племянника и вассала Сайф ад-Дина Гази. Теперь владения Нур ад-Дина еще более расширились, но вместе с этим возросло и взаимное недоверие между ним и Саладином, явно действовавшим в своих личных интересах.

Однако формально Саладин все еще оставался вассалом Нур ад-Дина и поэтому сразу же после ликвидации власти Фатимидов в Египте Нур ад-Дин распорядился о совместном с правителем Египта походе против франкских крепостей аль-Карак и аш-Шаубак в Трансиордании. Саладин принял участие в этом походе неохотно и действовал несогласованно со своим военным союзником. Сославшись на возникшую для его владений угрозу, он неожиданно увел свое войско обратно в Египет. Видимо он опасался, что с взятием союзниками этих крепостей исчезнет буферная территория, отделявшая его владения от владений его господина, а тесное сотрудничество с Нур ад-Дином во время совместного похода приведет к ограничению его военной и политической независимости. Разумеется, его самовольные действия вызывали еще большую неприязнь к нему со стороны Нур ад-Дина.

В 1173 году в Верхнем Египте восстали остатки нубийского войска, что заставило Саладина отправить в эту провинцию и в Нубию войско под начальством Туран-Шаха и расположить курдский гарнизон в крепости Ибрим, между первым и вторым нильскими порогами. Впоследствии Туран-Шах восстановил власть Аййубидов и над Йеменом, который еще при Фатимидах был захвачен египтянами, но с ослаблением династии вышел из повиновения.

Таким образом, у Нур ад-Дина было много причин для недовольства своим вассалом. Это недовольство усугублялось еще и тем, что, по мнению Нур ад-Дина, в его казну поступала лишь скромная часть собранных в Египте налогов. Он даже распорядился отправить в Египет одного из своих казначеев, чтобы тот произвел проверку доходов и определил размер причитающейся ему дани. Одновременно он увеличивал размеры своего войска, понимая, по-видимому, что конфликт с Саладином неизбежен.

Неожиданно произошло событие, изменившее всю расстановку сил на Ближнем Востоке. В 1174 году атабег Нур ад-Дин умер в Дамаске, и вопрос об отправке армии в Египет отпал сам собой. В том же году в Иерусалиме умер франкский король Амальрик. Наследники умерших были еще малолетними: ас-Салиху Исмаилу было всего одиннадцать лет, а Балдуину IV — тринадцать. Восхождение на престол малолетних наследников было делом опасным во все времена. Однако у франков было преимущество в виде общепризнанных форм престолонаследия. У них не было такой опасности, как приход к власти атабегов. Поэтому регенство над Балдуином IV до его совершеннолетия взял на себя граф Раймонд Триполитанский, которого поддерживали местные бароны и духовенство, понимавшее затруднительное положение франкского государства — анклава среди стран исламского Востока.

Была, однако, и другая часть крестоносцев, более агрессивная, которую возглавляли Йоскелен Куртенийский и безответственный Рейнальд Шатильонский. С 1160 по 1172 годы они находились в плену у Нур ад-Дина, а после освобождения Рейнальд, путем удачного брака, обрел власть над Трансиорданией и ее главными крепостями аль-Карак и аш-Шаубак, которые незадолго до своей смерти пытался захватить Нур ад-Дин.

Смерть Нур ад-Дина повлекла за собой раскол и в мусульманском лагере. В 1174 году владения его малолетнего сына ас-Салиха Исмаила захватил евнух Гюмюштегин, который поспешил перевезти наследника в Алеппо. Тем временем мосульский эмир Сайф ад-Дин воспользовался ситуацией, сложившейся после смерти Нур-ад-Дина, и захватил часть его земель за Евфратом. Иначе вел себя Саладин. Формально он продолжал оставаться вассалом ас-Салиха Исмаила, но деятельно готовился к тому, чтобы объединить владения Зангидов под своей властью. Существование франкского королевства не было для него препятствием на пути создания государства, которое объединяло бы Египет и части Сирии и Ирака, он лишь выжидал для этого удобного времени. Однако в последующие годы он неоднократно предпринимал военные походы против франков с незначительными успехами, пока не заключил в 1185 году с Балдуином IV мир на четыре года.

Переход наследия Нур ад-Дина в руки Гюмюштегина заставил правителей Дамаска обратиться к Саладину за помощью. Первые попытки Саладина взять под контроль Алеппо встретили противодействие со стороны Гюмюштегина и Сайф ад-Дина Гази, но Саладин сумел разбить их объединенное войско в 1175 году и осадил Алеппо. Видно исключительно из политических соображений он потребовал, чтобы войско ас-Салиха Исмаила присоединилось к нему для войны с фран-

ками, и обещал за это сохранить ас-Салиху власть над Алеппо. Существование зангидской династии пришло к концу, когда Саладин официально получил от халифа аль-Мустади^с (1170-1180) право на владение Египтом и сирийскими землями, исключая владения ас-Салиха в Алеппо и в прилегавшем к нему районе. Возвратившись в Дамаск, Саладин женился на вдове Нур ад-Дина (дочери Унура) и тем как бы утвердив свое право быть законным преемником владений Зангидов и Буридов.

Распад сельджукского государства во второй половине XII века способствовал росту могущества аббасидского халифа, и при халифе ан-Насире (1180-1225) его влияние на положение дел в центральных областях Халифата стало более действенным. Поэтому, когда Саладин попытался прибрать к рукам Мосул и в 1182 году осадил город, власть в котором принадлежала брату Сайф ад-Дина Гази — Изз ад-Дину Мас'уду, захватившему город после смерти ас-Салиха Исмаила, он вынужден был снять осаду по требованию халифа, не желавшего узаконить его притязания. Вынужденный возвратиться в Сирию, Саладин компенсировал свою неудачу в 1183 году, прибрал к рукам столицу северной Сирии — Алеппо. Однако от своих планов он не отказался и в 1185 году возобновил наступление на Мосул. Ему не удалось взять город, но он сумел добиться символического признания своих претензий, поскольку его имя стало упоминаться в хутбе как правителя Мосула.

Между тем, после смерти Амальрика положение Иерусалимского королевства ухудшилось. Франкское государство страдало от сокращения притока свежей живой силы из Европы, хотя частично это компенсировалось помощью Византии. Но поражение, которое потерпел в 1176 году император Мануил I Комнен (1143-1180) от султана Сельджукидов Рума Кыльч-Арслана II (1156-1192) при Мириокефалоне привело к тому,

что франкское государство утратило своего последнего надежного союзника. В 1185 году король Балдуин IV умер, его преемником стал восьмилетний сын сестры короля Сибиллы — Балдуин V, который через год также умер, Сибилла стала королевой и короновала своего мужа Гюи Лузиньянского.

В последующих событиях роковую роль сыграл Рейнальд Шатильонский, владевший крепостью аль-Карак в Трансиордании. В 1183 году Рейнальд захватил на африканском побережье Красного моря порт, через который паломники из Сирии и Египта добирались обычно до Джидды. При этом он утопил судно с паломниками и непосредственно угрожал священным исламским городам. В ответ Саладин двинул войско к Тивериадскому озеру, и знаменитое сражение при Хиттине в 1187 году решило судьбу крестоносных государств. Франки потерпели сокрушительное поражение, и в последующие недели Саладин занял Акру, Яффу, Сидон, Бейрут, Аскалон, а после непродолжительной осады на определенных условиях ему сдался и Иерусалим. В отличие от крестоносцев, которые ознаменовали взятие Иерусалима резней и насилиями, Саладин дал возможность франкам покинуть город, сохранил в целости церковь Гроба Господня и могилы всех франкских правителей от Готфрида Бульонского до Балдуина V. К концу 1187 года у франков оставался только город Тир и прилегающие к нему части побережья.

Поражение франков при Хиттине произвело большое впечатление как в мусульманском, так и в христианском мире. Оно вызвало новый взрыв религиозных чувств у европейских правителей. На этот раз во главе третьего крестового похода стали император Фридрих I Барбаросса, король Франции Филипп II Август и английский король Ричард Львиное Сердце. Правда, уже в самом начале похода в 1190 году, еще до того, как армия крестоносцев достигла Сирии, Фридрих уто-

нул в одной из горных рек. В 1191 году Филипп и Ричард достигли берегов Палестины и взяли Акру, которая отныне стала столицей франкского государства.

После взятия Акры король Филипп вернулся в Европу, а войско крестоносцев под водительством Ричарда отвоевало в 1191 году Яффу и сделало попытку пробиться через горы в Иерусалим, но остановилось в нескольких километрах от города. Местные бароны предостерегали Ричарда от штурма Иерусалима, предупреждая, что он может оказаться в ловушке. После долгих переговоров между Ричардом и Саладином в 1192 году было заключено перемирие на три года. Франки удержали в своих руках узкую полосу средиземноморского побережья с Антиохией, Триполи и Тиром, но Аскалон и Газа, хотя их укрепления были срыты, перешли к Саладину, а христиане получили право приезжать для совершения паломничества в Иерусалим и Вифлеем. Таким образом, Саладин разрушил Иерусалимское королевство и установил сухопутную связь между своими владениями в Египте и Сирии.

Победа Саладина укрепила его авторитет в мусульманском мире, отныне Египет стал главной базой ислама в западном Средиземноморье. Саладин восстановил в Египте господство суннизма и включил Египет в эйкумену, возглавляемую аббасидским правителем в Багдаде. Его поддержка была особенно нужна в это время Аббасидам на фоне их борьбы за независимость от сельджуков. В результате деятельности Саладина Египет оказался открытым для социальных изменений и интеллектуального развития, и стал одним из культурных лидеров на Ближнем Востоке. Ликвидировав огромную исмаилитскую библиотеку Фатимидов, Саладин учредил множество учебных заведений (медресе) — центров возрождавшегося суннизма, а основанный исмаилитами аль-Азхар стал теперь цитаделью суннитской ортодоксии.

При Саладине в общих чертах сложилась политическая структура государства Аййубидов. Саладин унаследовал как государственные институты, восходившие к Великим Сельджукам и перешедшие к нему через Зангидов, так и местные традиции фатимидского Египта.

При Саладине огромный двор со своей иерархией придворных и чиновников в основном исчез, ибо многие из них в начале вазирата Саладина находились к нему в оппозиции и теперь были смещены. Однако занимавшееся сбором налогов ведомство в основном сохранилось. Исмаилитская религиозная структура была уничтожена с момента восстановления в Египте суннизма, и с 1171 года главным судьей и его подчиненными стали суннитские юристы шафиитского мазхаба. Аййубиды восприняли характерную для Сельджукского султаната систему семейного управления и, хотя Саладин прочно держал власть над всем государством в своих руках, некоторые области Египта и все города Сирии (Дамаск, Алеппо, Химс, Хама и другие) оставались автономными владениями, правителями которых были члены династии. Каждый городской правитель имел свою администрацию и казну.

Армия Саладина, как и его предшественников, состояла из тюрок, берберов, суданцев и других наемников, но не из египтян. Курд по происхождению, Саладин строил армию по образцу войска сельджуков и атабегов, но модифицировал ее в соответствии с египетскими условиями и традициями Фатимидов. Сам Саладин прибыл в Египет с тюркскими и туркменскими наемниками, состоявшими на службе в зангидской армии. Главной его опорой, как в Египте, так и в Сирии была курдская и тюркская кавалерия, преобладавшая как при его преемниках, так и позднее, при мамлюках. Постоянные трения между тюрками и курдами создавали проблему, но завоевавший славу после победы при Хиттине Саладин прочно

держал в своих руках пестрый контингент своего войска. Однако его армия, состоявшая из столь различных частей, была слабо организована, ее дисциплина полностью зависела от личности военачальника и условий, в которых она находилась. Сильной стороной аййубидской армии, как и армии других мусульманских династий этого времени, была тактика ведения войны. Исламская кавалерия с ее легким вооружением имела перевес над франкскими рыцарскими ополчениями, с их тяжелым вооружением. Обычной тактикой мусульман было заманивание противника при помощи притворного отступления с последующим окружением неприятеля из подготовленных засад, “нападение и отступление” (аль-карр ва-ль-фарр). Ядро войска Саладина составляли его собственные “аскары”, которые первоначально состояли из солдат, отправленных с ним в Египет еще Нур ад-Дином, из “аскаров” Ширкуха (“асадия”) и из “салахия” — частей, которые Саладин сформировал, получив власть над Египтом.

Новая армия потребовала установления нового социально-экономического порядка. Она оплачивалась, как и при последних Фатимидах, посредством феодальных пожалований — икта. Эта система была введена сельджуками в Сирии, а Саладин ввел ее и в Египте, несколько преобразовав в соответствии с централизованными и авторитарными традициями страны.

Введение в Египте икта сельджукского типа не было новшеством Саладина, ибо в стране и до него существовала система условного землевладения. По египетскому типу фискального устройства отдельный владелец икта вносил в казну причитающийся с конкретного селения налог и компенсировал свои расходы налогами, которые в нужных ему размерах собирал сам. Эта система своеобразных откупов была усовершенствованием сельджукского типа икта, установленным еще

в 1121 году вазиром фатимидского халифа аль-Афдалем. Она обеспечивала устойчивый доход казне, но ложилась тяжким бременем на жителей страны. При Аййубидах система икта, в большей мере, чем при Фатимидах, имела отчетливо выраженный феодальный характер. Держатель икта был лишен тех юридических и административных функций, сеньориальных прав и привилегий, которыми располагали мукта^с в восточных провинциях исламского мира. В централизованном Египте права владельцев икта ограничивались сбором налогов с сельских жителей или горожан, проживавших в пожалованных им владениях. Помимо больших пожалований родственникам султана, икта с различной доходностью передавались военачальникам на содержание их отрядов.

В экономическом отношении аййубидский период в истории Египта считался временем относительного процветания. Итальянские, а позднее французские и каталонские купцы торговали в портах под государственным контролем, причем Саладин всячески покровительствовал этой торговле и при помощи пошлин извлекал из нее большие доходы. Египетские продукты и минералы, особенно квасцы, и изделия египетских ремесленников экспортировались в Европу. Как и при Фатимидах, велась широкая транзитная торговля со странами Востока, причем в ней большую роль играла караимская гильдия купцов, установившая связь через Красное море и Индийский океан с Индией и странами Дальнего Востока, что было европейским купцам недоступно. Как и Фатимиды, Саладин взял под контроль Йемен, что обеспечивало безопасность торговли в Красном море.

Хотя при преемниках Саладина жесткое единовластие в аййубидском султанате кончилось, и провинции страны оказались под контролем князьков из числа его сыновей, племянников и двоюродных братьев, Египет оставался в основ-

ном централизованной провинцией, и его правители продолжали главенствовать среди различных ветвей аййубидского дома. В Сирии аййубидские эмиры старались соблюдать семейную дружбу, в отличие от взаимной вражды мелких правителей в прошлом. Относительный мир и безопасность благоприятствовали торговле и земледелию, что приводило к росту государственных доходов. В то время как в Египте значительные сферы производства и коммерции (производство сахара, использование минеральных богатств, леса, торговля металлом и другие) находились под контролем государства, сирийские эмиры старались не вмешиваться в экономическую жизнь своих владений. В культурном отношении аййубидский период был весьма продуктивен. Под покровительством аййубидских эмиров Египет и Сирия стали центрами арабской учености и литературы.

Вслед за арабскими средневековыми историками европейская историография выделяет на протяжении XII века три главные политические фигуры: атабега, правителя Мосула и Алеппо Имад ад-Дина Занги, его сына Нур ад-Дина и вассала и преемника последнего Салах ад-Дина (Саладина) как борцов за ислам, лидеров в священной войне против крестоносцев, борьба с которыми завершилась победой Саладина. Однако все три деятеля стремились, прежде всего, к сохранению и упрочению своей политической власти, для чего с успехом манипулировали религиозными лозунгами, а государство франков было лишь одним из их оппонентов, в то время как сами мусульманские правители с не меньшей страстью соперничали и боролись между собой. Отношения между государствами крестоносцев и эмирами не всегда были враждебными, они часто заключали между собой союзы для достижения общих целей.

О деятельности Саладина мусульманские средневековые историки судят по-разному. Выражая зангидскую точку зре-

ния, некоторые хронисты считали его бессовестным и амбициозным авантюристом, с манией величия. Так, великий арабский историк Изз ад-Дин Ибн аль-Асир (1160-1233), живший в Мосуле, где в его время все еще правили потомки Занги, подробно, с историческими деталями, повествовал о возвышении Нур ад-Дина и всячески замалчивал роль Саладина. Напротив, секретарь Саладина Имад ад-Дин аль-Исфахани (1125-1201), составивший повествование о последних годах султана и многотомную хронику его жизни, говорил о нем, как об истинном защитнике ислама, объединившем исламский мир для борьбы с крестоносцами, победителем в третьем крестовом походе, освободителем Иерусалима и лидером в священной войне. Заслуги Саладина перед исламским миром несомненны. Однако прославление его в трудах позднейших египетских историков было реакцией на сложившуюся после его смерти обстановку и имело назидательный характер. Эти труды писались, когда мамлюки отобрали Египет у Аййубидов, Людовик IX Святой после поражения в Египте восстанавливал укрепления франкских государств в Палестине и Сирии, а Аййубиды и мамлюки готовы были возратить крестоносцам то, что завоевал Саладин.

Саладин умер в 1198 году и перед смертью пожаловал отдельные части аййубидского султаната, включая города Сирии и Джазиры, членам своей семьи в качестве удельных владений. Собранные Саладином части единой империи стали управляться отдельными аййубидскими кланами. В этом отношении правление Аййубидов было подобно правлению Бувайхидов и Сельджуков до них. Тем не менее, три аййубидских султана сохраняли во время своего правления относительное господство над другими аййубидскими эмирами. Это были брат Саладина — аль-Адил I Сайф ад-Дин (1200-1218), сын аль-Адила — аль-Камил I Насир ад-Дин (1218-

1238) и сын аль-Камила ас-Салих Наджм ад-Дин Аййуб (1240-1249). Названные аййубидские правителя были способными и энергичными людьми, под их властью аййубидский султанат окреп. Однако еще при них, и особенно после них, между эмирами началась борьба за власть, причем некоторые из эмиров даже пытались в этой борьбе опереться на помощь крестоносцев.

В клановой борьбе, которая развернулась после смерти Саладина, важную роль играли часто менявшие своих покровителей “аскары”, главными из них были “асадия” (воинские отряды, созданные еще Асад ад-Дином Ширкухом), военачальники которых управляли центральной провинцией Сирии — Химсом, и “салахия”, отряды, созданные самим Саладином. Правитель северных земель, связывавших Сирию с курдской родиной Аййубидов, аль-Адил сумел захватить Дамаск и, подчинив себе алеппского правителя, фактически возглавил все аййубидское государство.

Подобно тому, как Саладин распределил области империи между своими сыновьями, аль-Адил также попытался изменить политическую карту Сирии, доверив своим сыновьям распорядиться отдельными ее областями.

До хиттинского сражения отношения Саладина с франками были обычными для соперничавших друг с другом соседей: не слишком дружелюбными, однако, отмеченными не только военными столкновениями, но и эпизодами дипломатического характера. Такие взаимоотношения сохранялись и после смерти Саладина. Сокращение размеров франкских государств не повлекло за собой существенного ухудшения стратегического положения крестоносцев, ибо владение средиземноморскими портами обеспечивало им военную помощь с моря и одновременно делало их важным посредником в сфере экономических отношений мусульманского востока и стран Европы. Хотя с

конца третьего крестового похода помощь латинским государствам со стороны европейских стран уменьшилась, крестоносцы в 1197 году сумели вернуть себе Сидон и Бейрут, тем самым еще более укрепив свои позиции на побережье.

Четвертый крестовый поход был организован венецианскими банкирами и купцами против их главного торгового соперника — Константинополя, и в 1204 году завершился штурмом города и его разграблением. В том же году аль-Адил заключил с королем Амальриком II (1197-1205) формальное перемирие, по которому Лидя, Рамла и Назарет переходили в руки латинского государства. В это же время султан поддерживал широкие коммерческие отношения с итальянскими городами Венецией и Пизой.

Смерть аль-Адила совпала с критическим для судеб аййубидского султаната моментом. По инициативе папы Иннокентия III и сменившего его в 1216 году Гонория III, в 1218 году было решено нанести удар по центру аййубидского государства. Пятый крестовый поход в 1217 году был направлен против Египта.

Крестоносцам, возглавляемым папским легатом Паладиусом, удалось в 1219 году захватить Дамиетту. Аййубидский султан аль-Камил предложил Паладиусу выгодные для крестоносцев условия мира. Им было обещано возвращение всех бывших владений крестоносцев к западу от Иордана в обмен на эвакуацию Дамиетты. Паладиус счел, что может добиться большего, и отказался от предложенных условий. Однако его попытка начать наступление из Дамиетты на Каир потерпела неудачу. Франки оказались отрезанными разливом Нила от Каира в районе аль-Мансуры и от полного разгрома их спасла лишь истощенность войска противника. Было заключено перемирие, по которому крестоносцам было разрешено покинуть Египет.

Между тем, в исламском лагере продолжалась борьба различных аййубидских клик. В итоге султан аль-Камил, в союзе с правителем Джазиры эмиром аль-Ашрафом, сумел преодолеть сопротивление всех других эмиров династии и поделить с союзниками власть в государстве. Совместное господство аль-Камила и аль-Ашрафа над всеми владениями Аййубидов продолжалось до смерти аль-Ашрафа в 1237 году, после чего началась борьба за власть между аль-Камилем и сыном аль-Ашрафа — ас-Салихом.

Поражение Паладиуса не заставило европейских правителей отказаться от завоевательных планов на востоке, и в 1225 году император Фридрих II Гогенштауфен (1194-1250) дал обет отправиться в новый, шестой крестовый поход. Женившись на наследнице латинской короны, он стал королем Иерусалима по праву своей жены. Отлученный папой от церкви, он, действуя больше дипломатическим путем, чем военным, и используя противоречия между султаном Египта и эмиром Дамаска в спорах из-за Сирии, сумел добиться в 1226 году от аль-Камила обещания возвратить отнятые Саладином у крестоносцев земли, как это было в прошлом предложено Паладиусу. В это время аль-Камил остро нуждался в поддержке Фридриха против своих соперников в аййубидском государстве и надеялся таким путем предотвратить новый крестовый поход. Фридрих в ответ на обещание аль-Камила отправил послов в Каир и высадился с войском в Акре.

Аль-Камилу пришлось вести с Фридрихом долгие переговоры, прежде чем в Яффе в 1229 году было подписано соглашение, по которому Иерусалим возвращался Латинскому королевству, но с сохранением мусульманского анклава, включавшего знаменитую мечеть на Храмовой горе. Вифлеем и коридор, соединявший Иерусалим с Акрой на побережье также сохранялся за христианами. Соглашение вызвало бурные про-

тесты как среди христиан, поскольку часть города оставалась в руках мусульман, так и среди иерусалимских мусульман. В 1229 году, так и не получив религиозного благословения ни от папы, ни от латинского патриарха, Фридрих II надел корону в церкви Гроба Господня. Строго по закону он не являлся королем Иерусалима, ибо его жена умерла за год до его приезда в город, и он был всего лишь регентом их общего сына Конрада. Затем, в обстановке враждебности со стороны римской церкви, он отплыл из Акры в Европу, дабы предотвратить падение династии Гогенштауфенов в Германии.

После отъезда Фридриха II в среде крестоносцев снова началась борьба за власть, чем умело воспользовался новый аййубидский султан ас-Салих Аййуб. Еще при жизни, султан аль-Камил лишил своего старшего сына ас-Салиха Аййуба права наследовать трон и назначил его правителем области Джазиры. Но после смерти аль-Камила в 1238 году ас-Салиху Аййубу удалось устранить от власти соперника, и в 1240 году он занял египетский престол. Во время правления в Джазире, ас-Салих сумел привлечь к себе на службу отряд хорезмийцев, оказавшихся в его области в результате наступления с востока монголов. Правители Хорезма, хорезмшахи, в начале XIII века были властителями империи, простиравшейся от границ Индии до границ Анатолии. Они очистили Западный Иран от остатков власти сельджуков и даже угрожали Багдаду. Однако в 1220 году Мавараннахр завоевали монголы Чингиз-хана, и последний хорезмшах Джалал ад-Дин (1220-1231) бежал с отрядом своих наемников, которые рекрутировались из тюрков-кипчаков Центральной Азии, в Дийар Бакр в северной части Джазиры, а после его смерти в 1231 году его наемники поступили на службу к ас-Салиху Аййубу. В 1244 году они под начальством состоящего на службе у ас-Салиха монгольского предводителя Берке Хана

вторглись в Сирию, захватили Иерусалим, где осквернили христианские святые места и могилы латинских королей, после чего присоединились к войску ас-Салиха в Газе и нанесли поражение союзной армии сирийских аййубидов и франков. Их бесчинства показали ас-Салиху опасными для его власти и, овладев с их помощью в 1245 году Дамаском и добившись главенства во всей Сирии, он поспешил в 1246 году их истребить.

Христианские правители в Европе не могли примириться с очередной утратой Иерусалима, и последние крестовые походы, седьмой и восьмой, возглавил французский король Людовик IX Святой (1248-1254). Целью похода стал захват Египта как подступа к Святой земле. В 1249 году крестоносцы заняли Дамьетту и двинулись на Каир. Как и во времена предшествующих крестоносных вторжений, султан ас-Салих предложил возвратить франкам Иерусалим в обмен на Дамьетту, но король отказался, ибо, как он говорил, он пришел "не для мира, а для войны".

Как и в предыдущей войне с крестоносцами, главной базой сопротивления египтян стала аль-Мансура. Здесь, в военном лагере, в ноябре 1249 года неожиданно умер ас-Салих. Положение аййубидов спасла "аскария", отряды из кипчакских тюрок, которые создавал ас-Салих еще во время правления его отца. Эти отряды комплектовались из хорошо обученных военному делу бывших рабов-мамлюков и были самой боеспособной и надежной частью войска султана. Их именовали "бахрия", ибо их казармы находились на одном из островов реки Нил (Бахр ан-Нил). Мамлюкское войско уже зарекомендовало себя во время боев за Сирию в 1244 году и ныне было призвано спасти Египет от крестоносцев.

Большинство аййубидских султанов имело отряды из мамлюков, но только со времени правления ас-Салиха их стали

рекрутировать в таком большом количестве. Также поступали и правители многочисленных полунезависимых эмиратов, входивших в состав аййубидского султаната. Аййубиды использовали обилие на невольничьих рынках рабов тюркского происхождения, поступавших из кипчакских степей (киргизских, уральских и приволжских). Среди мамлюков были также обитатели северных берегов Черного и Каспийского морей, курды, греки и жители славянских областей Южной Европы. Ас-Салих создал из тюрок элитарный корпус численностью до тысячи всадников. Со временем мамлюкские отряды стали преобладать в его армии, и ас-Салих опирался на них в большей степени, чем на своих земляков, курдов. Используя мамлюков в качестве главной военной силы, он своими действиями невольно подготовил приход мамлюков к власти.

Работорговцы покупали мамлюков в детском или юношеском возрасте, привозили их в Египет и, после длительного военного обучения, зачисляли в мамлюкское войско, о чем они получали специальный документ. Каждому из молодых мамлюков выдавалось военное снаряжение и конь. После обращения в ислам мамлюки обычно сохраняли свои старые имена, что должно было свидетельствовать об их особом статусе. Молодой мамлюк, хотя и сохранял верность своему бывшему рабовладельцу — патрону, покровительствовавшему ему на всех этапах его обучения и служебной карьеры, считался свободным человеком. Благодаря военным заслугам он мог достичь любого военного ранга и даже стать султаном. Дети мамлюков рождались свободными мусульманами и, хотя и не принадлежали к правящей мамлюкской касте, но могли служить чиновниками, извлекать из своих должностей доходы, однако редко достигали высокого положения в обществе. Мамлюкские отряды не были разбавлены воспитывавшимися в привилегированных условиях отроками из семей испытан-

ных в военных кампаниях отцов и благодаря этому сохраняли высокую боеспособность.

Воспринятый Саладином на посту последнего фатимидского вазира титул султана сохранялся его аййубидскими преемниками как лично присвоенный, пока в 1245 году, на закате могущества династии, не был официально пожалован ас-Салиху Аййубу самим халифом аль-Муста^ссимом (1242-1258). Имя султана на египетских монетах появилось только через четыре года. Употребление же титула “малик” (царь) было столь обычно среди аййубидов, что каждый мелкий правитель того или иного города считал необходимым наследовать это почетное наименование.

Среди тюркских наемников были не только мамлюки. Страх перед монгольскими ордами гнал на запад и различные тюркские племена. Это были разбойники и наемники, вторгавшиеся в Сирию и грабившие ее и, вместе с тем, готовые поступить на службу к любому правителю. Ас-Салих охотно включал их в свою гвардию. Среди них были и монгольские дезертиры, изгнанники и авантюристы, которых привлекала в Египет надежда на наживу. Позднее, во времена Байбарса, они, попав в египетскую армию, способствовали ее модернизации по образцу монгольской, в то время самой сильной армии мира.

Когда Людовик IX со своей крестоносной армией двинулся из Дамьетты на Каир, положение аййубидов было трудным. Ас-Салих только что неожиданно умер, а его сын и наследник аль-Му^ааззам Туран-Шах (1249-1250) находился в это время в своем отдаленном эмирате-наместничестве Хисн Кайфа в Джазире. Чтобы не было в войске паники, предприимчивая возлюбленная ас-Салиха, рабыня Шаджар ад-Дурр, подаренная ему багдадским халифом, договорилась с доверенным человеком ас-Салиха, эмиром и “главным шейхом”

(шайх аш-шуйух), скрыла известие о смерти султана и стала издавать приказы от его имени. Она подделывала подпись султана и в приказах повелевала, чтобы войско дало присягу повиноваться султану и его наследнику Туран-Шаху. Фахр ад-Дин был назначен главнокомандующим (атабек аль-асакир) аййубидской армией и главным администратором в султанате вплоть до прибытия из Ирака Туран-Шаха с месопотамскими войсками. Аййубидская армия продолжала противостоять крестоносцам, и в 1250 году, когда крестоносцы попытались овладеть аль-Мансурой, произошло решающее сражение. Хотя главнокомандующий Фахр ад-Дин погиб в бою, крестоносцы потерпели решительное поражение. К этому времени в аль-Мансуре прибыл новый султан Туран-Шах. Не имея сил продвигаться вперед или просто удерживать свои позиции, крестоносцы стали отступать к Дамиемте. Король уже был готов отдать город в обмен на Иерусалим, но на этот раз не согласился Туран-Шах, осведомленный о состоянии франкского войска. Французы были окружены, и король попал в плен. Королева оказалась вынужденной начать переговоры о капитуляции города и путем большого выкупа добилась в 1250 году освобождения мужа. С остатком разбитой армии Людовик IX отплыл в 1251 году в Акру и еще некоторое время удерживал Акру и Кейсарию, пытаясь спасти остатки крестоносных владений.

Тюркские мамлюки преданно служили аййубиду ас-Салиху, и в момент его смерти оказались хорошо организованным элитарным корпусом со своими собственными племенными и воинскими традициями. Прибытие аййубидского султана аль-Му'аззама Туран-Шаха из Ирака с его мамлюкским войском "му'аззия" создало кризисную обстановку в стране. Туран-Шах не пожелал считаться с бывшими привилегиями тюркских мамлюков и стал выдвигать своих военачальников на высшие

посты в армии и государстве. Вскоре между ним и Шаджар ад-Дурр началась борьба за власть, причем на стороне волевой женщины оказались бахрийские мамлюки. Туран-шах обвинил Шаджар ад-Дурр в том, что она стремится сосредоточить в своих руках всю власть в государстве. Тем временем недовольные политикой Туран-Шаха бахриты подняли мятеж, одним из главарей которого был будущий мамлюкский султан Байбарс. Бахриты убили Туран-Шаха, и за этим убийством последовало уникальное событие в истории ислама: женщина была провозглашена султаншей. Формальным основанием послужило то, что Шаджар ад-Дурр якобы была вдовой ас-Салиха (хотя она была лишь его рабыней-наложницей) и матерью его детей. Так Шаджар ад-Дурр стала мамлюкской “царицей мусульман” (“маликат аль-муслимин”).

Мамлюкский султанат (1250-1517 гг.)

Господство бахритских мамлюков

Убийство аль-Му^ааззама Туран-Шаха в 1250 году в результате мамлюкского заговора бахритов привело к ликвидации Аййубидского султаната в Египте. Это событие обозначало появление бахритских мамлюков как доминирующей политической и военной силы в стране. Шаджар ад-Дурр была первым главой мамлюкского государства, которое просуществовало более двух с половиной столетий и пало лишь в 1517 году под ударом османских завоевателей. Она царствовала под именем “царицы мусульман” и подписывалась обычно как “мать Халила” (умершего сына ас-Салиха), а в хутбе упоминалась как “жена султана ас-Салиха”, в знак того, что она считала себя наследницей династии Аййубидов. И хотя ее царствование продолжалось всего три месяца, ее пребывание на троне положило начало эпохе правления мамлюков. Тюркские мамлюки, связанные с Шаджар ад-Дурр этнически и поддерживав-

шие ее в момент прихода к власти, именовались бахритами, ибо, как уже говорилось выше, своей резиденцией имели остров ар-Рауда на реке Нил (Бахр ан-Нил). Бахриты правили в Египте и Сирии с 1250 по 1382 год. Корпус бахритских мамлюков был основан еще Саладином, первоначально именовался “салахия” и составлял придворную гвардию халифа.

Шаджар ад-Дурр заняла престол в трудное время. Середина XIII века была переломной эпохой в судьбах исламского мира. Три силы противостояли друг другу: аййубидские правители Египта и сменившие их мамлюкские султаны, вторгнувшиеся в Египет крестоносцы и двигавшиеся с востока монголы. От того, какая из трех сил сумела бы взять верх и оказалась бы победительницей зависела судьба всего Ближнего Востока.

Действия бахритов в Каире вызвали недовольство аййубидских эмиров Сирии. Сирийские эмиры не без основания усмотрели в убийстве Туран-Шаха и избрании на пост главы государства ставленницы бахритов конец аййубидского господства в Египте. Еще с 1245 года, когда аййубидский султан ас-Салих захватил Дамаск, город этот утратил значение столицы автономного аййубидского эмирата и превратился в провинциальную столицу, находившуюся под управлением назначавшегося ас-Салихом губернатора. В последующие годы ас-Салих захватил и другие города северной части Сирии, и весь регион получил централизованную административную структуру, полностью зависевшую от египетского правителя. Ныне, с отстранением аййубидских правителей от власти в Каире, в Сирии вновь возобладали сепаратистские настроения. Эвакуация крестоносцами Дамииетты не укрепила позиции Шаджар ад-Дурр, и когда известие об ее избрании достигло Дамаска, местное могущественное курдское племя каймария отстранило бахритов в провинции от власти и пригласило возглавить город правителя Алеппо, аййубида ан-Нисифа Йусуфа. Багдадский халиф аль-Муста‘сим (1242-1258)

также не пожелал признать на египетском троне женщину, которая прежде была в его гареме, и которую он подарил ас-Салиху. Он оказал сирийским Аййубидам моральную поддержку и потребовал от египетских мамлюков избрания другого султана.

Не согласившись с состоявшимся в Дамаске решением, каирские бахриты, тем не менее, решили, что, из соображений престижа, им следует поставить во главе Египта мужчину. Шаджар ад-Дурр вынуждена была отказаться от престола, и один из бахритских лидеров, Айбег был избран султаном под именем "аль-Малик аль-Му'изз". В качестве главнокомандующего, он должен был возглавить египетскую мамлюкскую армию. Его опорой была его личная мамлюкская гвардия, получившая наименование "му'иззия".

Однако и среди самих бахритов не было полного единодушия. Некоторые из бахритских лидеров не соглашались с избранием Айбега, предпочитали сохранить верность отстраненной аййубидской династии и под ее прикрытием фактически управлять страной. Группировка мамлюков во главе с Актаем и победителем франков при аль-Мансуре Байбарсом настояла на возвращении к власти Аййубидов в лице правнука султана аль-Камила, десятилетнего аль-Ашрафа Мусы (1250-1252). В ходе переговоров Айбег сумел сохранить за собой пост атабега при малолетнем султани и стать фактическим правителем Египта, а умная и расчетливая Шаджар ад-Дурр поспешила выйти за него замуж, узаконив этим актом положение Айбега в роли второго мамлюкского султана, формальным соправителем которого оказался аль-Ашраф Муса.

Назначением на пост правителя Египта аль-Ашрафа Мусы примирение с сирийскими Аййубидами не было достигнуто, но оно способствовало установлению фактической власти бахритских военачальников, между лидерами соперничавших клик которых — Айбегом и Актаем началась борьба. На некото-

рое время соперники примирились, когда пришло известие о том, что аййубидская сирийская армия во главе с ан-Насиром Йусуфом вторглась в Египет и движется на Каир. Перед лицом общей опасности мамлюки объединились, в феврале 1251 года в сражении при аль-Аббасе (в Дельте Египта) сирийцы потерпели поражение и вынуждены были покинуть Египет. Окончательный мир был заключен лишь в 1253 году, когда халиф аль-Муста^ссим, узнавший о приближении монголов, выступил в качестве посредника между египетскими мамлюками и сирийскими Аййубидами и перед лицом нового грозного противника настоял на заключении мира. Впрочем, это не положило конец вражде между соперниками.

Оказавшись у власти, Айбег начал укреплять свои позиции. Он прибрал к рукам египетскую казну и стал выдвигать на все ведущие должности в государстве мамлюков из корпуса му^физия. Один из мамлюкских главарей, Кутуз, получил должность “наместника султаната Египта” (“на^иб ас-салтана Миср”). Чтобы упрочить свою власть и расширить подчиненные ему области, Айбег женился на дочери Бадр ад-Дина Лу^лу^з, мамлюка, который унаследовал власть Зангидов в качестве атабега Мосула.

Однако его главный соперник Актай, не желавший уступать власть в Каире Айбегу, в свою очередь, женился на дочери аййубидского эмира Хамы, в результате чего получил возможность претендовать на султанат по праву своей аййубидской жены. Он потребовал, чтобы его жена, в качестве царской наследницы, получила резиденцию в каирской крепости, сооруженной в свое время Саладином и ставшей с тех пор постоянной резиденцией правителей Египта. Почувствовав угрозу со стороны Актая, Айбег в 1254 году с помощью Кутуза организовал его убийство. Сразу же после убийства Актая, Айбег добился и формального признания себя главой государства. Он сместил аль-Ашрафа Мусу и отправил его в изгнание в Византию.

Захваченные врасплох многие бахритские военачальники бежали из Каира, частично к сельджукскому султану Рума, а частично к ан-Насиру Йусуфу в Сирию. Среди них был и Байбарс, ставший с этого времени лидером бахритских беженцев. В Сирии бахриты уговорили ан-Насира предпринять новый поход против Айбега. Но и на этот раз кризис был разрешен вмешательством халифа. В 1256 году он добился заключения между Айбегом и ан-Насиром мира, в результате которого ан-Насир обязался не оказывать поддержки бежавшим из Каира бахритам, и те вынуждены были перейти на службу к аййубидскому правителю крепости аль-Карак, внуку аль-Камила — аль-Мугису Умару.

Поведение Айбега вызвало недовольство значительной части мамлюков, чем не замедлила воспользоваться Шаджар ад-Дурр, которая усматривала в браке Айбега угрозу собственному влиянию. Она организовала заговор, и Айбег был убит в бане в апреле 1257 года. Но ее торжество не было продолжительным. Сын Айбега от другой жены — пятнадцатилетний аль-Мансур Али был поставлен во главе группы ее противников. Му'иззия передала аль-Мансуру Али султанат, и хотя Шаджар ад-Дурр поддерживали многие уцелевшие в Каире бывшие мамлюки ас-Салиха Аййуба, они не смогли ее защитить, и ее вскоре нашли мертвой за пределами каирской крепости, а к власти пришел аль-Мансур Али (1257-1259).

В это время большая часть бахритских мамлюков находилась в Сирии, где, подобно хорезмийцам в прошлом, образовывала неуправляемую и воинственную банду, представлявшую равную опасность для правителей Каира, Дамаска и аль-Карака. Дважды в 1257 и 1258 годах они под предводительством Байбарса совершали набеги на Египет и терпели поражение от египетских бахритов во главе с Кутузом, который

проявил большую жестокость, казнив бахрийских предводителей, попавших к нему в плен.

Мамлюки Байбарса были не единственной деструктивной силой, действовавшей на территории Сирии. Спасаясь от монголов, из родных мест бежало в Сирию курдское племя шахразурия. Курды сначала поступили на службу к дамаскскому правителю ан-Насиру Йусуфу, а затем примкнули к бахрийским мамлюкам аль-Мугиса, видевшим в них силу, с помощью которой он сумеет овладеть Дамаском. В начале 1259 года армии аййубидских соперников встретились близ Иерихона, аль-Мугис потерпел поражение и отступил в аль-Карак.

В результате переговоров аль-Мугис согласился отказаться от поддержки курдов, которые перебрались в Палестину, а Байбарс сумел договориться с ан-Насиром и перешел со своими мамлюками к нему на службу.

Малолетний аль-Мансур Али играл в Каире ту же роль, что до него аль-Ашраф Муса. Он также не обладал реальной властью, и вокруг него шла жестокая борьба между различными мамлюкскими кликами. Возникла необходимость в назначении главнокомандующего мамлюкским войском ("атабега аль-асакира"), и Кутуз, преодолев сопротивление соперников, занял этот пост. В 1259 году, в предверии неизбежного столкновения с монголами, Кутуз низложил султана аль-Мансура Али и провозгласил себя султаном (1259-1260). Хотя мамлюкские главари хорошо сознавали нависшую над Египтом и Сирией угрозу, отдельные их клики продолжали враждовать между собой. Кутузу, находившемуся у власти всего одиннадцать месяцев, выпала трудная задача — отразить монгольскую опасность.

Вторжения монгольских племен, обитавших к востоку от Алтая, на территории современной Монголии и на берегах Байкала, в мусульманские области начались еще в конце XI века, а в XII веке приняли характер частых грабительских

набегов. На рубеже XII и XIII веков монгольские кочевники Центральной Азии, подобно их тюркским соседям, объединились в могущественный союз племен, который возглавил военачальник Темучин, избранный на собрании племенных вождей (курултае) на царство. Он получил титул Чингиз-хана (1206-1227). Чингиз-хан замыслил завоевать соседние страны и установить мировое господство монголов.

За время царствования Чингиз-хана монголы завоевали Северный Китай и к лету 1220 года овладели значительной частью земель хорезмшахов. Воинство Чингиз-хана перешло Аму-Дарью и вторглось в Среднюю Азию и в Хорасан. Города Средней Азии были жестоко разграблены, только Бухара и Самарканд избежали этой участи, добровольно открыв ворота завоевателям.

В 1227 году Чингиз-хан умер, в 1229 году великим ханом был избран Угедей, и наступление монголов возобновилось. Монголы разбили войско последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина (1221-1231), окончательно завоевали Хорасан и подвергли страшному разграблению города Мерв, Балх, Герат, Тус и Нишапур. В 1241 году Угедей умер, и после пяти лет регенства его вдовы ханом стал его сын Гюйук (1246-1249). Тем временем один из монгольских военачальников, Байджу Нойан в 1243 году разбил войско сельджукского султана Рум Кай-Хусрау II (1237-1246), вторгся в Анатолию и превратил его владения в монгольский протекторат. Теперь монголы оказались в непосредственной близости от сирийской границы, и хотя сельджуки сумели через некоторое время изгнать монголов из Анатолии, те продолжали совершать набеги на Месопотамию со своих баз в Иране.

В 1251 году великим ханом был избран Мунгке (1251-1259), который отправил тридцатитысячную армию во главе со своим братом Хулагу (1256-1265) в Иран и Ирак. Хулагу и его

потомки Хулагуиды носили титул “ильханов” (досл. “повинующихся великому хану”). Хулагу начал свои завоевания с того, что в том же 1226 году захватил основной опорный пункт ассасинов Аламут, а их главарей казнил. Теперь монгольская опасность вплотную приблизилась к границам Ирака.

В середине XIII века монголы неоднократно подходили к стенам Багдада, но угроза всякий раз рассеивалась, власти Багдада успокаивались и не принимали серьезных мер для защиты города. Последний аббасидский халиф аль-Муста‘сим (1242-1258) был человеком безвольным и более всего интересовался придворными развлечениями. Вазир Ибн аль-Алками советовал ему покориться завоевателям, послать Хулагу богатую контрибуцию и признать его верховную власть, а военачальники настаивали на необходимости оказать завоевателям сопротивление. Халиф колебался.

Летом 1256 года в Багдаде вспыхнули волнения простонародья, и главнокомандующий задумал воспользоваться ими, чтобы свергнуть нерешительного халифа и возвести на трон другого аббасида. Узнав об этом, халиф поспешил последовать совету главнокомандующего и вступить в бой с монголами. В январе 1258 года Хулагу с войском подошел к Багдаду, разбил высланную против него армию и осадил город. В феврале монголы овладели восточными стенами города. Попытки вазира Ибн аль-Алками и несторианского патриарха выступить в роли посредников успеха не имели. 10 февраля монголы ворвались в Багдад и учинили в городе страшную резню, пощадив только проживавших в городе христиан и иудеев, на которых Хулагу смотрел как на потенциальных союзников. На пятый день Хулагу приказал прекратить резню и разрушение города, хотя к этому времени большая часть Багдада уже сгорела. Аль-Муста‘сима заставили выдать скрытые казнохранилища, наполненные золотом и драгоценными камнями.

ми, а через несколько дней его казнили вместе со всеми мужчинами из рода Аббасидов. Казнили также тех эмиров и военачальников, которые советовали халифу оказать монголам сопротивление. Вазир Ибн аль-Алками, патриарх и другие сторонники капитуляции были обласканы. Так Аббасидский Халифат прекратил свое существование, а Багдад навсегда утратил роль столицы исламского мира.

Одновременно с Багдадом монголы захватили Ваасит, вырезав боольшую часть жителей города. Басра сдалась монголам без боя, а шиитское население Хиллы, находившееся всегда в оппозиции к багдадским властям, поспешило навести через Евфрат мост и вышло навстречу монгольскому войску с приветствиями. Так весь Ирак вошел в состав монгольского государства ильханов Хулагуидов.

Хулагу назначил известного иранского историка Ала ад-Дина аль-Джувайни (1226-1283) правителем Ирака и Хузистана. Управляя Ираком более 20 лет, аль-Джувайни пытался отстроить Багдад, восстановил многие дамбы и каналы. Позднее большие работы по орошению и заселению опустошенных войной земель Ирака были проделаны при принявшем ислам ильхане Махмуде Газане (1295-1304). Это дало возможность сохранить плодородие страны и городскую жизнь на довольно высоком уровне. Тем не менее, после монгольского завоевания Ирак более не смог полностью возродиться и Багдад оставался второстепенным провинциальным городом вплоть до начала XX века.

Сразу же после захвата Багдада и казни халифа, великий хан Мунгке приказал своему брату Хулагу продвигаться дальше на запад. Во главе армии был поставлен тюрк по происхождению, несторианец Кетбука Нойан. К монголам присоединился и правитель Антиохии Боэмунд VI, позднее отлученный за это папой, и армянские союзники. Христианские пра-

вители Европы возлагали надежды на союз с монголами, некоторые из них даже планировали совместный поход против общего исламского врага. Их посланцы разъезжали между монгольским лагерем и христианскими дворами. Но эти переговоры результатов не дали. Армянские же правители еще в 1247 году отправили к монголам делегацию, она была хорошо принята, армяне заключили с монголами союз и получили гарантию для своего королевства и для христиан вообще.

Под властью Хулагу и Хулагуидов (1256-1353) образовалась большая империя, включавшая весь Иран, Среднюю Азию, Ирак, Азербайджан, Грузию, Армению и часть бывших владений сельджуков Рума в Малой Азии. Теперь монголы готовились к завоеванию Сирии и Египта.

Узнав о захвате и разрушении Багдада, аййубидский правитель Дамаска ан-Насир Йусуф поспешил отправить своего сына с дарами к Хулагу, выражая тем самым готовность заключить соглашение с завоевателями, но посланец вернулся в Дамаск с письмом от Хулагу, полным угроз и оскорблений. Стало ясно, что монголы отвергают соглашение, предложенное правителем Сирии, и намерены завоевать эту страну. Поняв это, ан-Насир сначала собирался сопротивляться могучему противнику и даже вывел свое войско за пределы города, намериваясь дать сражение, и одновременно запросил помощь у правителя Египта. Но аль-Мансур Али не выказал большой готовности действовать, а в одиночку ан-Насир Йусуф воевать не решился, и по мере приближения монголов сирийские беженцы толпами устремились на запад. Тогда в Египте перешел к активным действиям Кутуз. Он сверг в 1259 году нерешительного аль-Мансура Али и провозгласил себя султаном под именем "аль-Малик аль-Музаффар" (всепобеждающий царь).

Между тем, армия Хулагу пересекла Евфрат и приблизилась к Алеппо. Старый правитель города, сын Саладина,

пытался оказать монголам сопротивление, но в январе 1260 года город был взят штурмом. При известии об этом событии армия ан-Насира рассеялась, а сам он бежал в Газу, оттуда в Трансиорданию, но в дороге был схвачен и отправлен к Хулагу. В том же году монголам сдался Дамаск, и они начали совершать набеги на Палестину.

При вторжении монголов в Сирию восточные христиане оказывали им всяческую поддержку, а после падения Дамаска открыто радовались победе монголов. Хулагу взял их под свою защиту. Они начали третировать мусульман, заставляя их вставать при виде крестного хода. Глава Латинского королевства в Акре, опасавшийся прихода монголов, напротив, готов был пойти на сотрудничество с мамлюками против пришельцев.

Хулагу отправил в Каир посланцев, предлагая Кутузу сдаться, но Кутуз, вопреки неписанным правилам этикета того времени, приказал их казнить, и война стала неизбежной. В июле 1260 года Кутуз выступил против неприятеля. Однако в это время произошло событие, которое сказалось на состоянии монгольского войска. Хулагу получил известие о смерти великого хана Мунгке, передал командование военачальнику Кетбуке Нойану и уехал, чтобы принять участие в выборах нового хана. К тому времени глава сирийских бахритов Байбарс, перед лицом общей опасности, вступил в связь с Кутузом, получил от него "аман" (обещание безопасности) и возвратился в Египет. Войско Кутуза, авангард которого возглавлял Байбарс, вступило в Палестину. Египетский посланец прибыл в Акру и получил разрешение от короля франков на проход мамлюков через его владения, а Байбарс с мамлюкскими военачальниками даже был принят королем как гость. Однако от помощи франков в борьбе с монголами Кутуз отказался. Кетбука Нойан с войском пересек реку Иордан и

расположил свой лагерь около селения Айн Джалут, близ Наблуса. 3 сентября 1260 года произошло сражение, в котором монголы были разгромлены, а Кетбука Нойан убит. Монгольское владычество в Сирии окончилось, а Египет был спасен от вторжения. В результате Сирия с Алеппо и Дамаском без войны перешла от Аййубидов к мамлюкам. Кутуз поспешил закрепить завоевание и назначил своего правителя в Дамаск, а Алеппо, прежде обещанное Байбарсу, было передано Ала ад-Дину Али, сыну Бадр ад-Дина Лу²лу². Во владении аййубидских эмиров оставались лишь три небольшие княжества: Химс, Хама и аль-Карак. Удовлетворенный достигнутым, Кутуз возвратился в Каир.

Победа мамлюков над монголами вызвала в Египте и Сирии всеобщее ликование. Сирийские сунниты приветствовали мамлюков и нападали на сотрудничавших с монголами шиитов, христиан и иудеев. Хотя современники и понимали, что успех мамлюкской армии был обусловлен в первую очередь отъездом Хулагу с большей частью монгольского войска на восток и что численность монголов, принимавших участие в сражении не превышала десяти тысяч, у последующих поколений прочно укоренился взгляд, что именно мамлюки сумели отразить вражеское нашествие и спасти исламский мир от полной катастрофы.

Однако единство самих мамлюков, возникшее перед лицом общего врага, оказалось непродолжительным. После победы старая вражда между бахритами и му²иззитами (мамлюкскими отрядами, созданными еще Айбегом аль-Му²иззом), вспыхнула с новой силой. Обиженный Байбарс, надеявшийся получить за свое участие в войне власть над одним из сирийских эмиратов, организовал заговор, и 24 октября 1260 года во время охоты в пустыне его сподвижники зарезали Кутуза, после чего Байбарс, при поддержке бахритских мамлюков,

был провозглашен султаном. В момент избрания, Байбарс обещал советоваться во всех делах с теми из мамлюкских военачальников, которые его поддержали, а те, в свою очередь, поклялись сохранять ему верность.

Будущий мамлюкский султан аз-Захир Байбарс по прозвищу аль-Бундукдари (1260-1277) родился в 1223 году в кыпчакской семье, кочевавшей к северу от Черного моря. С наступлением монголов в 1241 году семья бежала в Анатолию, была обращена в рабство, а пятнадцатилетний Байбарс был куплен мамлюкским работником Айдакином аль-Бундукдари (откуда прозвище Байбарса) для аййубидского султана ас-Салиха. Первые успехи на военном поприще во время сражения с франками при аль-Мансуре в 1249 году и при Фарскуре в 1250 году, закончившиеся пленением французского короля Людовика IX, поставили его во главе мамлюкского войска Аййубидов. Именно тогда при его активном участии был убит пытавшийся отстранить от власти тюркских мамлюков и неспособный оказать должного сопротивления крестоносцам Туран-Шах. Победа над монголами еще больше укрепила авторитет Байбарса в Египте. Мамлюкское войско в это время состояло в основном из тюрков-степняков, возглавляемых Байбарсом, и хорезмийцев, во главе с хорезмийцем Кутузом. Позднее, замечательный арабский историк Ибн Халдун (1332-1406) писал, что "приход в мамлюкскую среду степняков был божьим благодеянием, ибо придал исламскому миру новые силы и мужество в момент слабости и упадка и помог справиться с великой опасностью, которая ему угрожала". В результате роль тюркских мамлюков в исламском государстве возросла и укрепилась на много десятилетий, а в Египте XIII века они стали абсолютными властителями. Поэтому мамлюкский султанат именовался современниками "Даулат аль-атрак" (Империя тюрков).

Байбарс вступил на трон в ноябре 1260 года и через несколько недель прошел в торжественном шествии через Каир. Сподвижники Байбарса (хашдашия) из придворной мамлюкской гвардии ас-Салиха Аййуба оставались его главной опорой на протяжении всего его царствования, он оказывал этому корпусу “салихия” всяческое покровительство. Вместе с тем, Байбарс создал и свою собственную гвардию “захирия” (названную по его имени аз-Захир Байбарс).

Особым предметом забот Байбарса после его вступления на престол была Сирия. Хотя Сирия и присоединилась к мамлюкскому султанату после победы мамлюков при Айн Джалут, в ней сохранялись сепаратистские настроения. Например в Алеппо мамлюкская гвардия двух последних Аййубидов оставалась довольно могущественной. Она скинула назначенного Кутузом правителя Ала ад-Дина Али и выдвинула на этот пост человека из своей среды. Намерение алеппских мамлюков установить независимый от Каира режим в Северной Сирии не осуществился из-за новых попыток монголов вторгнуться в страну. Алеппо и Хама не смогли выстоять против монголов и были в какой уже раз захвачены завоевателями, но объединенные силы мамлюков из разных городов сумели вытеснить их из страны. В течении некоторого времени в Алеппо менялись различные правители, хотя, в конце концов, Байбарс сумел окончательно подчинить себе этот город. Понимая неизбежность будущей борьбы с монголами и крестоносцами, Байбарс много внимания уделял укреплению своих позиций во всех городах и районах Сирии. В 1263 году он ликвидировал аййубидский эмират в аль-Караке, воспользовавшись смертью не оставившего после себя наследника эмира Химса, овладел городом, а позднее прибрал к рукам и Дамаск.

После разрушения монголами Багдада и казни халифа аль-Муста'сима в 1258 году мусульмане оказались без авторитет-

ного суннитского правителя, который обладал бы законным правом на власть. Байбарс решил использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего авторитета в исламском мире и в 1261 году в торжественной обстановке провозгласил одного из уцелевших во время вторжения монголов в Багдад членов династий Аббасидов аль-Мустансира (1261) халифом. Этот выбор был одобрен египетскими правоведями. Байбарс принес новому клятву верности (бай'а), приказал упоминать его во время пятничной молитвы и чеканить на монетах его имя. В свою очередь, Байбарс был провозглашен султаном Египта, Сирии, тех провинций на Евфрате, которые оставались к этому времени в руках Хулагуидов, а также Хиджаза и Йемена и всего, чем он "овладеет в ходе будущих завоеваний".

Это было не только официальным признанием прав Байбарса на захваченные им земли, но и программой дальнейших завоеваний. В обнародованном документе подчеркивалась обязанность Байбарса вести священную войну, строить крепости и создавать флот. Байбарс объявлялся не только правителем Египта и Сирии, но и политическим главой всего исламского мира.

Халифат аль-Мустансира не был продолжительным. Несколькими днями спустя после возведения на престол, он во главе небольшого отряда вторгся в Месопотамию и двинулся вниз по Евфрату. В 40 километрах от Багдада аль-Мустансир встретил войско монголов и в завязавшемся бою был убит, а его голову победители торжественно пронесли по улицам разрушенного Багдада. После этого один из его родственников был избран в Каире халифом под именем аль-Хаким I (1261-1302), и его потомки сохраняли этот пост вплоть до османского завоевания.

Новый халиф оказался для Байбарса человеком нужным. После смерти хана Мунгке в 1259 году между его братьями началась борьба за власть. Сторонник одного из соперни-

ков, некий Берке (умер в 1266 г.) был единственным мусульманином среди монгольских ханов, и Байбарс вступил с ним в союзные отношения. При приеме в Каире монгольских послов халиф, в качестве формального главы исламской уммы, призван был сыграть важную символическую роль. В 1263 году монгольское посольство, возвратившись к Берке, привезло с собой султанские дары, в том числе свитки Корана, которые по преданию были переписаны самим халифом Усманом. Имя Берке стало поминаться в хутбе после имени Байбарса. В свою очередь Берке отправил часть монгольских солдат на родину, а другую передал в распоряжение Байбарса, который расселил их в Египте и Сирии. Хотя преемник Берке — Тимур не был мусульманином, его дружеские отношения с Байбарсом скреплялись общей враждой к Ильханам.

Исходившая от монголов опасность определила и сирийскую политику Байбарса. Мелкие правители Сирии и Палестины не могли защитить себя от внешней угрозы. Поэтому Байбарс считал необходимым не только преодолеть их сепаратистские устремления, но и заполучить полный контроль над сиро-палестинскими крепостями. Наибольшее значение имела крепость аль-Карак, которой владел аййубидский правитель аль-Мугис Умар, контролировавшая дорогу из Дамаска в Египет и Хиджаз. В 1263 году Байбарс заманил аль-Мугиса в свою ставку и, обвинив его в связях с монголами, отдал в руки судьи Дамаска. Аль-Мугиса отправили в Египет, а его сыновей вынудили уступить крепость Байбарсу.

Хотя монгольская угроза оставалась для Египта самой главной, Байбарс не упускал из внимания и войну с крестоносцами, которые владели рядом важных в стратегическом отношении пунктов на побережье Средиземного моря. Поэтому существование франкского и мусульманского государств при

поздних Аййубидах сменилось при Байбарсе энергичными наступательными действиями его армии. Байбарс овладел крепостью Бира, расположенной на левом берегу Евфрата, на пути к монгольским владениям и, таким образом, создал бастион для защиты Северной Сирии.

С 1265 по 1271 год армия Байбарса вела войну с франками, захватывая один город и укрепленный пункт за другим. Байбарс занял порт Цезарию, города Яффу и Хайфу. При этом он разрушил франкские крепости, и они более не могли служить базами для крестоносцев. К северо-западу от Тивериадского озера он занял города Цфат, Рамлу и Тир, а в 1268 году капитулировало и Антиохийское княжество. Эта победа была не менее значительной, чем взятие Саладином Иерусалима, ибо Антиохия с начала крестовых походов неизменно находилась в руках франков. Отряды Байбарса совершали набеги вплоть до стен Акры. Дабы утвердить власть ислама, Байбарс приказал снести главную церковь в Назарете.

Политика Байбарса в отношении христиан была двойственной. С одной стороны мамлюки вели войну с христианскими государствами в Сирии и Палестине, а с другой завязывали широкие торговые и дипломатические отношения с Византией и европейскими странами. Байбарс был умелым дипломатом. Он возобновил старые связи Египта с Константинополем, вошел во взаимодействие с монгольскими ханами Золотой орды, которые обратились в ислам и выступили против ильханов Ирана. Он отправил послов к сицилийскому королю Манфреду, сыну врага папы Фридриха II, а также в Италию, расширил торговые связи с итальянскими городами и Арагоном. Этой торговле не мешали ни поражения крестоносцев в Сирии, ни монгольско-христианский союз.

В то же время Байбарс распространил свое господство на оба берега Красного моря, укрепился в Хиджазе и Йемене,

организовал ряд экспедиций в Нубию, Ливию и в страны африканских соседей Египта и всячески поощрял торговлю с Южной и Восточной Азией. Поскольку монголы перерезали традиционные пути паломничества, отныне дорога в Хиджаз, равно как и снабжение священных городов, проходила через Египет. Оставаясь внешне независимыми, правители Хиджаза — шерифы (потомки Пророка) подпали под власть мамлюкского государства, что увеличило престиж Байбарса в исламском мире. Он даже присвоил себе титул “Хадим аль-Харамайн” (Слуга двух священных городов).

Оказавшись на вершине власти, Байбарс почувствовал себя в полной безопасности и в 1269 году совершил паломничество в Хиджаз.

К концу своего правления Байбарс попытался нанести удар монголам, действуя в новом направлении. Султанат Рума находился в это время под монгольским протекторатом, и один из претендентов на пост султана Изз ад-Дин Кай-Кавус II (1249-1257) пригласил Байбарса вторгнуться в Анатолию, пообещав за это половину своих владений. В 1277 году Байбарс предпринял поход в Анатолию, разбил монгольскую армию при Элбистане и был возведен на престол в качестве султана Рума. Однако он не получил поддержки со стороны местных тюркских племен и вынужден был отступить в Дамаск, где и умер. К этому времени в руках у мамлюков была почти вся Сирия, а во владении крестоносцев оставалась лишь узкая полоса вдоль побережья Средиземного моря.

Арабские хронисты ставят Байбарса как исламского полководца в один ряд с Саладином. Оба они не были местного происхождения. Саладин был курдом, а Байбарс тюрком-кыпчаком. Однако Саладин в большей мере был связан с арабской культурой, ибо пришел в Египет из мусульманских областей. Байбарс же был тюркским военачальником, лишь недавно при-

нявшим ислам, ставшим мамлюкским султаном и возглавившим священную войну. Он ввел в расхлябанном мамлюкском войске единое командование, что помогало ему в военных предприятиях. В то время как Саладин предпочитал действовать неожиданными наскоками на противника (именно так ему удалось захватить Иерусалим), Байбарс методично готовился к военным кампаниям. Захватив часть территории противника, он немедленно начинал строить на ней оборонительные сооружения. Так, захватив Химс и Хауран, он восстановил в этих городах разрушенные монголами крепости, обновил военный арсенал и построил множество военных судов.

Хотя Байбарс пришел к власти "через два трупа" (Туран-Шаха и Кутуза), арабские хронисты его оправдывают, ссылаясь на трудные обстоятельства, в которых находился исламский мир. И Саладин и Байбарс пришли к власти в момент смертельной угрозы для ислама, оба создали сиро-египетскую монархию, возродив принцип единства исламского мира, персонифицированного в образе халифа.

В средние века о жизни аз-Захира Байбарса сложилось множество эпических преданий, которые легли в основу огромного средневекового народного романа с описанием истинных и мнимых подвигов мамлюкского султана, защитника ислама.

После смерти Байбарса наследственный принцип избрания султана был нарушен, и хотя Байбарс еще при жизни в 1262 году назначил своим преемником малолетнего сына, через три года после его смерти в 1277 году фактическим правителем стал один из мамлюкских главарей, как и Байбарс тюрок-кыпчак по происхождению, Калавун (1280-1290). Попытки мамлюкских военачальников в Сирии, в союзе с сыновьями Байбарса и опираясь на помощь монголов, отнять у Калавуна власть оказались безуспешными, и Калавун сумел взять под жесткий контроль мусульманские княжества Сирии.

Калавун почти во всем следовал политике Байбарса. Учитывая постоянную опасность со стороны монголов, он, ища союзников среди христианских правителей, обменивался посольствами с Византией и римским императором, заключал политические и торговые соглашения с Генуей, Кастилией и Сицилией, налаживал отношения с непримиримыми врагами Хулагуидов, обратившимися в ислам кыпчаками. Его послы в Йемене и на Цейлоне старались оживить торговые отношения со странами востока. Переговоры с франками о совместных действиях перед лицом монгольской опасности не помещали ему, отразив монголов, напасть на франков и в 1289 году захватить находившийся в руках крестоносцев самый большой их город и хорошо укрепленный порт Триполи.

Окончательно изгнать крестоносцев с Ближнего Востока удалось сыну и преемнику Калавуна — аль-Ашрафу Халилу (1290-1294). В 1291 году он возглавил большую армию, снабженную осадными машинами, и взял приступом Акру. Позднее без большого сопротивления капитулировали Бейрут, Тир, Сидон и Хайфа. Таким образом, после Иерусалима в 1244 году, Антиохии в 1268 году, Триполи в 1289 году пал последний крупный опорный пункт крестоносцев — Акра. Города крестоносцев были разрушены, а их развалины заселили турки, курды и даже монголы.

Среди наследников Калавуна особую известность приобрел его второй сын ан-Насир Мухаммад правивший Египтом и Сирией с перерывами с 1294 по 1340 год. Его длительный султанат дважды прерывался (с 1295 по 1299 и в 1309 годах), и его эффективное правление началось лишь с 1310 года. Когда малолетний ан-Насир Мухаммад, в результате компромисса враждующих мамлюкских клик, пришел первый раз к власти в 1294 году, ничто не указывало на то, что его пребывание на посту халифа будет более продолжительным,

чем правление его предшественников. Однако позднее, искусно маневрируя между враждующими сторонами, он сумел завоевать симпатии жителей Каира и продемонстрировать политическую зрелость и твердость, обеспечивавшие стране безопасность и процветание.

В правивших примерно два с половиной столетия мамлюкских династиях различаются две линии: бахриты (1250-1382) и бурджиты (1382-1517). В отличие от Бахритов, изначально базировавшихся на острове ар-Рауда на Ниле, бурджиты располагались в каирской крепости (бурдж), откуда и пошло их название. Между бахритами и бурджитами было существенное этническое различие. Еще с конца XIII века стало все труднее рекрутировать в состав мамлюкского войска тюрок из кыпчакских степей, и все большую роль в армии начали играть мамлюки, привозимые с Кавказа. В арабских средневековых источниках период господства кавказских мамлюков обычно именуется “Даулат аль-джаракиса” (Государство черкесов), в отличие от первого периода господства бахритских мамлюков “Даулат аль-атрак” (Государства тюрок). Черкесский полк был основан еще Калавуном, разместившим его в каирской крепости. Во время правления Калавуна и его сына аль-Ашрафа Халила (1290-1294) бурджиты не играли большой роли в государственных делах, но после смерти аль-Ашрафа между мамлюкскими кликами началась борьба за власть, и тут бурджиты обрели заметное влияние. В 1295 году один из мамлюкских эмиров, Китбуга (1295-1297), сумел на короткий срок захватить престол.

В отличие от предшественников, Китбуга был не тюрок, а монгол и попал в отряды Калавуна не как наемник, а как военнопленный, захваченный во время сражения у Химса в 1260 году в пятнадцатилетнем возрасте. Его султанат совпал с мирной иммиграцией монголов-беженцев ильхана Газана в

Сирию. Их военачальники прибыли в Каир в 1296 году, были благожелательно приняты султаном Китбугой и расселены с семьями в основном в прибрежных районах Палестины. Прибытие монголов-соотечественников должно было, как полагал Китбуга, усилить его позиции в султанате. Однако Китбуга не рассчитал последствий, ибо появление монголов было воспринято бурджитами-кавказцами как угроза их власти.

Борьба мамлюкских клик в момент назначения Китбуги султаном привела к двоевластию. Китбуга попытался опереться на тюрок-бахритов, в то время как его соперник Санджар ас-Суджа'и пользовался поддержкой кавказских бурджитов. Китбуга сумел победить своего соперника, и преданные ему люди убили Санджара. Добившись победы, Китбуга решил окончательно разделаться с бурджитами, некоторых из них он арестовал, а остальных изгнал из крепости. В 1294 году с помощью тюркского военачальника Ладжина, Китбуга сумел добиться свержения собравшимися во главе с халифом судьями и эмирами султана ан-Насира Мухаммада и провозглашения его самого султаном. Юного ан-Насира заточили в крепость и запретили ему появляться перед народом.

Однако власть Китбуги оказалась непрочной. Удар ему нанес тот самый военачальник Ладжин, которого он в прошлом всячески выдвигал. В ноябре 1296 года, когда Китбуга возвращался в Египет после посещения Сирии, его встретила группа заговорщиков во главе с Ладжином, намеревавшимся его убить, но Китбуга сумел бежать обратно в Дамаск. Ладжин был провозглашен султаном (1297-1299), а Китбуге была сохранена жизнь и дана в качестве вотчины Хама, где он и умер в 1303 году. Таким образом, в результате нового витка внутремамлюкской борьбы, Ладжин пришел к власти, отняв ее у очередного узурпатора. Но на этот раз соучастники его заговора действовали более осмотрительно, защищая свои

права. Они навязали Ладжину определенные условия, как это в свое время делали эмиры при избрании Байбарса. Он не получил абсолютной власти, но делил ее с другими мамлюкскими военачальниками и более не имел права привлекать на высшие посты в государстве своих собственных новых мамлюков в ущерб ветеранам. Бурджитам была возвращена роль придворной гвардии. Режим абсолютной монархии сменился олигархией мамлюкских лидеров.

Соглашение, предполагавшее суверенность мамлюкских клик, оказалось фикцией. Хотя в начале своего правления Ладжин предоставил своим сподвижникам ряд высших постов в государстве, вскоре в их среде начались новые раздоры. Это вынудило Ладжина не только произвести перестановку в высших эшелонах мамлюкской власти, но, дабы предотвратить враждебные выступления мамлюкских военачальников, действовавших якобы от имени бывшего султана — ан-Насира Мухаммада, сослать последнего в отдаленную крепость аль-Карак.

Для укрепления своего положения Ладжин предпринял экономические реформы, которые, ущемляя интересы многих мамлюкских главарей, укрепляли финансовое положение самого Ладжина и преданной ему придворной гвардии. Основой благосостояния мамлюков был доход с земли, которой они владели в форме икта. Еще при Саладине была установлена система фиска, при которой султанская казна получала $1/6$ часть земельного налога, военачальники мамлюкских отрядов $5/12$ часть, а узкий круг приближенных султана, его придворная гвардия (халка) также $5/12$. Со времени ас-Салиха Аййуба придворная гвардия утратила значение важной военной силы и опоры династии, и такое распределение доходов стало анахронизмом. Ладжин принял решение изменить всю систему расходования средств на мамлюкских военачальников и гвардию и в 1298 году ввел новый порядок распределения доходов. Размер нало-

га в пользу султанской казны сохранялся на прежнем уровне, доля эмиров сокращалась до $11/24$ части дохода, а гвардии — до $9/24$ части. В результате Ладжин получил возможность использовать освободившиеся средства для рекрутирования и содержания новой преданной ему гвардии. Разумеется, эта реформа была непопулярна среди мамлюкских главарей, ибо уменьшала их доход почти в два раза. Они составили заговор и в 1299 году убили Ладжина во время молитвы, а к власти вновь, в третий раз, пришел ан-Насир Мухаммад. Он более или менее устраивал всех мамлюкских лидеров, ибо создавал в среде враждующих главарей некоторое равновесие.

Главной задачей мамлюков при ан-Насире Мухаммаде было отражение нового натиска двигавшихся с востока монголов. К этому времени монголы приняли ислам и, как и прежде, претендовали на Сирию. В начале XIV века их предводитель, ильхан Махмуд Газан (1295-1304) с огромной армией перешел Евфрат, занял Алеппо и Дамаск и разбил мамлюков при Химсе. В письме к папе Бонифацию VIII в 1302 году Газан предлагал христианам союз, чтобы атаковать мамлюков с востока и запада, но его предложение было отвергнуто. В 1303 году состоялось решающее сражение близ Дамаска в долине Мардж ас-Суффар. На этот раз монголы были разбиты, и угроза монгольского нашествия была окончательно устранена.

Мамлюки отпраздновали победу над монголами весьма своеобразным символическим действием. За годы монгольского нашествия мамлюки усвоили многое из монгольских обычаев в одежде и поведении. В частности, они стали носить длинные волосы по монгольскому образцу. Египетский историк аль-Макризи (1364-1442) рассказывает, что в знак победы над монголами султан публично остриг голову, а вслед за ним это сделали все мамлюки.

Господство бурджитских мамлюков

Весь XIV век, после того, как в конце XIII века города на сиро-палестинском побережье были окончательно очищены от крестоносцев, особенно после разгрома армии монголов и до появления Тимура и Тимуридов в начале XV века, Египет пребывал в относительном мире и спокойствии. Мамлюки пользовались уважением во всем мусульманском мире и обрели славу сокрушителей монголов и христиан. Их владения простирались на западе до Киренаики, на юге до Нубии и на севере до гор Тавра. Под их опекой находились и священные города Хиджаза. Внешние враги стране больше не угрожали и египтян больше всего беспокоили постоянные распри в их собственной среде.

Центральная власть в мамлюкском султанате была достаточно сильной. Султан опирался на большой милитаризованный бюрократический аппарат, в котором все важнейшие должности были заняты военными. Из множества диванов главными оставались военный (диван эмиров), диваны хараджа и султанских владений. Основные поступления в казну складывались не из поземельного налога, а из пошлин на местную и внешнюю торговлю, налогов на городские строения, ремесла и доходов от монополий. Египет торговал со странами востока через Красное море разнообразными специями, ароматическими веществами, шелком, а привозимые товары использовались как для местных нужд, так и для торговли со странами Южной Европы и Византией, что приносило казне большой доход.

Рост роли и влияния выходцев с Кавказа в мамлюкском войске выразился в том, что султаны стали избираться из их среды. Бурджитские султаны правили страной с 1382 по 1517 год. Начало правлению бурджитов положил султан Баркук, находившийся у власти с перерывами с 1382 по 1399 год.

После Баркука до османского завоевания в 1517 году последовательно правили 23 бурджитских султана.

Среди бахритов в основном преобладал принцип семейного наследования власти, хотя и было много исключений. Бурджиты как правило не допускали наследственного преемства власти, при них возобладало выдвижение на пост султана по сеньориальному принципу. Они следовали законам сеньората, когда предводитель одной из наиболее могущественных в каждый данный момент мамлюкских клик становился султаном или выдвигал в качестве преемника одного из мамлюков своей свиты. В тех же случаях, когда власть султана, как это было прежде, наследовал сын предшественника, его обычно свергал более сильный мамлюкский лидер. Такой "порядок" престолонаследия обеспечивал в результате "естественного отбора" пребывание у власти наиболее сильного (или наиболее ловкого и хитрого) правителя, но вместе с тем постоянно создавал предпосылки для междоусобицы и борьбы претендентов. Каждый новый султан опирался на свой корпус мамлюков-земляков, при поддержке которого приходил к власти, а его преемник начинал свою деятельность с того, что подвергал репрессиям предшественника и стоявшую за ним клику. Это приводило к постоянной борьбе между султаном и враждебными ему мамлюкскими землячествами.

Баркук был первым султаном Египта, которого арабские хроники именуют "черкесом" ("джаркас"). В отличие от других мамлюков, еще в раннем детстве разлученных с родителями и не знавших своих предков, купленный в Крыму Баркук знал своего отца. Ловкий интриган, Баркук принял участие в заговоре, в результате которого был убит очередной султан-бахрит Ша^абан II (1361-1363), и стал главнокомандующим (атабак аль-асакир) в 1378 году при малолетнем султানে-бахрите аль-Мансуре Али (1376-1382). Между ним и его соперниками

развернулась обычная в мамлюкской среде борьба за власть, в результате которой Баркук в 1382 году захватил престол. Верный кавказским семейным традициям, Баркук перевез своего старого отца и ближайших родственников в Египет.

Как и во времена правления мамлюкских султанов предшествующих столетий, одну из наиболее болезненных для Баркука проблем составляли взаимоотношения с сирийскими эмирами. Ему пришлось вести борьбу с претендовавшим на независимое владение правителем Алеппо, к которому присоединились многие другие сирийские мамлюкские эмиры. В 1389 году Баркук проиграл под Каиром сражение с непокорными сирийскими мамлюками и на престоле был восстановлен бахритский султан Хаджжи II (1389-1390), а Баркук был заключен в тюрьму. Но тут в городе начались уличные бои между различными мамлюкскими кликами и, воспользовавшись сложившейся неопределенной ситуацией, Баркук бежал из заключения, сумел сформировать бурджитское войско, в которое, кроме его приверженцев, вошло много бедуинов, и после разнообразных приключений, напоминавших авантюрный роман, в 1390 году победил своих противников и, возвратившись в Каир, вторично стал султаном (1390-1399).

Подобно Байбарсу и Калавуну, Баркук надеялся основать новую династию. За день до смерти он призвал халифа аль-Мутаваккила I, судей и мамлюкских эмиров, вынудил их принять решение об избрании преемником его сына Фараджа (1399-1412), а в качестве его атабега назначил одного из своих приближенных Этмиша аз-Захира. Назначение Этмиша вызвало споры среди эмиров, боровшихся за должность покровителя и воспитателя детей султана. Этмиш был отстранен, и при малолетнем султани Фарадже появился новый атабег.

А между тем, в то время как мамлюкские эмиры ссорились между собой, новая грозная опасность нависла над Ира-

ком, Сирией и Египтом в лице страшного завоевателя — Тимура (Тамерлана). Еще в первые десятилетия XIV века государство потомков Хулагу — Хулагуидов распалось, и в 1336 году Ирак вошел в состав нового государственного образования, возглавляемого одним из родов монгольского племени джалараидов (1336-1432). Джалараиды унаследовали почти все бывшие владения ильханов, и вот теперь на них надвигалась новая опасность в лице Тимура.

Монгольский род Тимура претендовал на происхождение от Чингиз-хана. Отец Тимура был правителем одного из городов Мавараннахра, и Тимур в 1370 году сумел захватить власть во всей провинции. Создав могущественное войско, он попытался использовать Мавараннахр как опору и ядро своей будущей степной империи, провозгласил себя ее правителем и избрал своей резиденцией Самарканд.

Первые походы Тимур совершил в Хорезм и Хорасан, после чего за несколько лет сумел покорить весь Иран, часть Закавказья и Индостана от Инда до Ганга. Он изгнал из Ирака Джалараидов, дважды врывался в Багдад и в какой уж раз разрушил его, а жителей вырезал. Его серьезным соперником в степях был Тохтамыш, хан Белой и Синей Орды (1376-1395), объединивший под своей властью всю Кыпчакскую степь на юге России. В 1395 году Тимур вторгся в его владения и покорил значительную часть Прикаспия и Нижнего Поволжья. Но более всего он стремился к завоеванию богатых земель мусульманского Ближнего Востока.

Казалось бы, перед лицом новой опасности мамлюкские эмиры должны были объединиться для защиты своих владений. Но этого не произошло. Сирийские эмиры-мамлюки воспользовались приближением армии Тимура, чтобы выступить против Баркука. Первые сведения о вторжении завоевателей дошли до Каира в начале 90-х годов XIV века. Стало изве-

стно, что “какой-то взбунтовавшийся монгол по имени Тамерлан захватил в 1386 Табриз”, а вскоре пришло сообщение из Ирака, подтверждавшее слух о возникновении новой угрозы. Но занятые соперничеством мамлюки не обращали внимания на приближавшуюся с востока опасность.

Когда Тимур вторгся в Ирак и появился на подступах к Багдаду, правитель Ирака джалаирид Ахмад ибн Гийас ад-Дин бежал в Каир. Согласно иранским источникам, Тимур обратился к Баркуку с посланием, в котором предлагал египетским мамлюкам дружбу, обмен послами и заключение торгового договора, требуя при этом, чтобы ему выдали беглеца. Однако Баркук отверг предложение Тимура, и в нарушение дипломатических правил, приказал казнить послов. Напуганный наступлением монголов османский правитель Малой Азии Баязид I (1389-1402) (о турках-османах будет сказано ниже) обратился к египетским мамлюкам с предложением заключить союз перед лицом общего врага. Но чванливые мамлюкские эмиры отвергли это предложение.

Между тем, воспользовавшись разладом как между мамлюкскими главарями в самом Египте, так и постоянным конфликтом каирских правителей с эмирами Сирии, Тимур в 1400 году вторгся в Сирию. Войско Тимура разбило мамлюков близ Алеппо, захватило город и разорило его. Такая же участь постигла Химс. Без большого труда Тимур овладел и Дамаском. Хотя при приближении Тимура к Дамаску египетские мамлюки во главе со сменившим султана Баркука его сыном малолетним Фараджем (1399-1412) также подошли к городу, они не приняли участия в сражении. Новый султан поспешил возвратиться в Каир, так как опасался заговора враждебной ему мамлюкской группировки. Тимур разорил и сжег большую часть города. Знаменитая мечеть Омейядов была разрушена. Тимур добился от местных улемов специального

решения (фетвы), в котором одобрялись его завоевания. Вторжение Тимура в Сирию нанесло стране страшный вред, города были разграблены и опустели, а часть мастеров-ремесленников была угнана в Самарканд.

В намерения Тимура не входило немедленное наступление на Каир. Своим главным противником на западе в это время он считал османских султанов и двинул войско против них в Анатолию. В 1402 году произошло сражение при Анкаре, Баязид I потерпел поражение, и османское государство, вслед за Сирией, подверглось страшному опустошению. Неожиданно Тимур был отвлечен событиями у себя в тылу, возвратился с войском на восток, а в 1404 году умер. Это спасло Египет от разрушительного вторжения монголов.

Фарадж был последний мамлюкский султан, получивший власть по наследству. В дальнейшем пост султана захватывали сильнейшие эмиры в результате ожесточенной борьбы. Фараджу в момент вступления на престол было 15 лет, и фактическую власть в стране осуществлял некий Ибн Гураб, опиравшийся на большой штат чиновников-секретарей. В 1405 году группа мамлюков попыталась возвести на престол одного из своих главарей — Абд аль-Азиза, но его правление продолжалось всего несколько месяцев. Странники Абу аль-Азиза засели в каирской крепости. Однако Фарадж, опиравшийся на верную ему часть мамлюков, сумел овладеть крепостью, его соперник был сослан в Александрию, где и умер при подозрительных обстоятельствах. Многие мамлюки-заговорщики бежали в Сирию, где их охотно принял на службу правитель Дамаска. Для того, чтобы расправиться с главарями мамлюкских мятежников в Сирии, Фарадж предпринял с 1406 по 1412 год пять походов. В свою очередь, мятежные эмиры сделали несколько попыток свергнуть Фараджа в самом Каире. На протяжении всего правления Фараджу все время приходилось

противостоять враждебным мамлюкским кликам. Попытки дворцовых переворотов следовали одна за другой. Мамлюкские беи и эмиры безжалостно разоряли страну.

Правление Фараджа кончилось для него трагически. В 1412 году он, как всегда, взяв с собой для престижа безвластного халифа аль-Муста'ина (1406-1414), предпринял очередную военную экспедицию в Сирию против непокорных эмиров. На этот раз он потерпел неудачу, его войско было разбито, халиф был взят сирийцами в плен, а сам он оказался осажденным в Дамаске. Мятежники решили нанести Фараджу и моральный удар, избрав султаном самого халифа аль-Муста'ина, который долго отказывался от этой чести, понимая, что его правление долговечным быть не может, однако вынужден был согласиться. Фарадж был схвачен, предстал перед судом эмиров и улемов и приговорен к смерти. Его спасло лишь заступничество самого халифа. Аль-Муста'ин возвратился в Каир в сопровождении мятежных мамлюков, которым он всецело подчинился. Через несколько месяцев глава мятежников Шайх аль-Му'аййид отстранил халифа-султана от власти и сам стал султаном (1412-1421).

Среди непрерывно менявшихся на султанском престоле предводителей различных мамлюкских клик выделялся Барсбай (1422-1438), в прошлом мамлюк Баркука. Барсбаю пришлось столкнуться с большими экономическими трудностями. Египет был разорен мамлюкскими смутами и неурожаями, поразившими страну в результате стихийных бедствий и отсутствия должной заботы о приходивших в негодность ирригационных системах. Казна была пуста. Барсбаю приходилось все время усиливать налоговое обложение жителей городов и феллахов и изыскивать новые способы добывания денег. В его время получила большое распространение система продажи должностей. Дело дошло до того, что мамлюки стали за

деньги освободиться от несения военной службы. Это было нечто немислимое, принимая во внимание этические представления мамлюкского воинства.

Учитывая экономическую важность торговли через Красное море, приносившую казне большие доходы, Барсбай в 1425 году отобрал контроль над таможенной порта Джидды на Красном море — важного пункта на торговом пути в страны Востока — у местных правителей-шерифов и установил государственную монополию на торговлю зерном, мясом, перцем и изготавливаемыми в Александрии тканями, разорявшую египетское купечество и ремесленников и имевшую тяжелые последствия для экономики страны. При преемниках Барсбая практика установления государственных монополий еще усилилась, экономика разваливалась и держалась лишь не непосильных для жителей налогах и таможенных сборов.

В первой половине XV века перед правителями Египта стала новая проблема. Пираты с островов Средиземного моря и из Южной Европы стали совершать систематические рейды на приморские города Сирии и Египта и даже на город Александрию. Барсбаю пришлось приложить немалые усилия, чтобы создать достаточно сильный военный флот и укрепить прибрежные крепости. По договору, заключенному еще в 1414 году султаном Шайхом аль-Му'аййадом с правителем Кипра, последний обязался всячески препятствовать действиям пиратов с острова, но то ли не мог, то ли не хотел выполнять условия соглашения. Тогда Барсбай в 1227 году, после длительной подготовки, отправил против островитян армию и флот. В жестоком и кровавом сражении мамлюки разбили киприотов и на море и на суше, опустошили остров и возвратились с большими трофеями и с пленными, среди которых был и сам король. Его торжественно провели по улицам Каира и отпустили домой лишь после того, как он признал сул-

тана сюзереном и обязался выплачивать ежегодную дань. Часть захваченной добычи была отправлена в Мекку для восстановления нуждавшихся в ремонте святынь.

При Барсбае союзники Тимуридов, туркмены все больше проникали в населенные арабами области Халифата. Поход Барсбая против туркменов успеха не имел. Хотя Мамлюки опустошили верхнюю часть Месопотамии, после неудачной осады Дийар Бекра в Дездеме они вынуждены были отступить. Правитель Ирана, тимурид Шахрух избегал прямого конфликта с мамлюками и действовал против них на севере, опираясь на туркмен. Добиваясь большего влияния в священных городах Аравии, он запретил мамлюкам следовать старой привилегии египтян и отправлять из Каира священное покрывало для Каабы (кисву). Хиджазские правители поспешили использовать создавшийся конфликт для достижения некоторой независимости. В ответ Барсбай расположил в Мекке мамлюкский гарнизон, взял под жесткий контроль Джидду и навязал Хиджазу свое влияние, сохранив за шерифами независимость во внутренних делах.

Личность Барсбая не внушала современниками большой симпатии. Хронисты сообщают, что он был жадным, алчным, вспыльчивым и жестким человеком. Первыми своими актами при вступлении на пост султана он возобновил предписанные исламом, но фактически не действовавшие ограничения, направленные против христиан и иудеев. Он запретил принимать иноверцев на государственную службу и ввел для них дополнительные налоги. Возможно в отместку за нападения европейских корсаров на мусульманские корабли в Средиземном море он наложил запрет на имущество европейских купцов в Египте и Сирии, европейцам было запрещено покидать страну, а европейские монеты должны были прекратить хождение в Египте.

С середины XV века начинается упадок мамлюкского государства как в экономическом, так и в военном отношении. Мамлюкские социальная и военная система представляли собой дальнейшее развитие сельджукского военно-феодалного устройства, привнесенного в Египет еще при Аййубидах. Мамлюкская военная аристократия получала в качестве жалования земельные наделы в форме икта, но в своих вотчинах не жила, а обитала в Каире или в провинциальных центрах тех областей, в которых были расположены их владения. Пожалования выдавались на время военной службы или пожизненно, но в отличие от сеньориально-правовой системы Западной Европы, они не были наследственными. Дети мамлюков лишались владений, которые передавались вновь принятым на службу полноправным членам мамлюкского сообщества.

К этому времени окончательно сложились пребывавшие в состоянии почти непрерывных столкновений друг с другом и мятежей основные мамлюкские клики со своими воинскими традициями и вождями, неохотно подчинявшимися ими же избранным султанам. Они постоянно нарушали общественный порядок в стране и разрушали традиционную систему социально-экономической жизни.

В 1450 году во время правления султана Джакмака (1438-1453) поддерживавшие султана мамлюки, недовольные своим материальным положением, позволили себе публично продемонстрировать враждебность к главе финансового ведомства. Они вышли из крепости во главе со своими предводителями и разграбили дом этого высокопоставленного чиновника. Для того, чтобы подчеркнуть особый статус мамлюкской элиты в государстве, мамлюкские главари запретили местным жителям ездить на лошадях. Власть султана до такой степени утратила авторитет, что в 1455 году султан Инал (1453-1461) вынужден был отказаться от проведения праздника традиционного жерт-

воприношения, из-за опасения, что его побьют камнями собственные мамлюки. От мамлюкских беспорядков страдали не только султанские власти, но и жители городов, которые никогда не были застрахованы от грабежей и насилий.

Позднейший период мамлюкского султаната, начавшийся с приходом к власти аз-Захира Хушкадама (1461-1467) и окончившийся спустя столетия османским завоеванием, был временем особенно ярко выраженной политической нестабильности, мамлюкской военной некомпетентности и экономического упадка. Хушкадам, избранный в порядке компромисса между соперничавшими мамлюкскими кланами, не обращал внимания на положение в стране и предоставлял мамлюкам полную свободу действий. После его смерти на протяжении одного года сменилось три султана, и все они были марионетками в руках борющихся мамлюкских кланов. Упадок административной власти и общественной безопасности способствовал набегам на центральные области страны кочевников-бедуинов из Верхнего Египта, грабивших жителей и добравшихся в Дельте до Шаркии, важной провинции, через которую пролегал путь в Сирию и Хиджаз. При халифе Ка'ит-бае (1468-1496) в 1472 году бедуины добрались до Каира и в течении нескольких часов грабили окрестности города, пока против них не была выслана карательная экспедиция.

Особенно тяжело на экономическом положении страны сказались волнения в Верхнем Египте, где с XV века проживало арабизировавшееся берберское племя хаввара, переселившееся в Египет еще во времена фатимидского господства. Верхний Египет был житницей страны, и центральная власть не могла мириться с самовластием проживавших там племен. Военные экспедиции в Верхний Египет не имели должного эффекта. В 1469 году при султানে Ка'ит-бае, дабы привезти в голодающий Каир зерно, была снаряжена в Верхний Еги-

пет специальная экспедиция, которая сопровождалась жестокостями по отношению к местному населению. Вызванный плохим урожаем голод, усугублялся поведением зерноторговцев, старавшихся использовать сложившуюся ситуацию для повышения цен.

Экономический расцвет султаната, начавшийся с середины XIII века, когда Египет сумел избежать опасности монгольского вторжения, окончился к XV веку. Страшным испытанием для Египта были эпидемии чумы, дважды обрушивавшиеся на страну во второй половине XIV века и много раз посещавшие ее с 1416 по 1513 год. В результате почти в два раза сократилось население Египта. Особенно велика была смертность среди мамлюков, не понимавших значения предохранительных санитарных мер и не обладавших некоторым иммунитетом, выработавшимся у местных жителей. Большая смертность среди сельских жителей и ремесленников в городах нанесла тяжелый ущерб экономике страны, деревни опустели, ирригация пришла в упадок, и культивируемых земель стало меньше. Такой знаменитый центр текстильного производства как Александрия совершенно захирел. Доходы с земель как в форме икта, так и государственного фиска, налогов на горожан и таможенных сборов за последние два столетия мамлюкского господства сократились более чем в два с половиной раза.

Особенно сильно пострадала Сирия, ибо в дополнение ко всем испытаниям экономического порядка она оказалась полем боя между мамлюками, франками и монголами, а в XV веке была опустошена Тимуром. Горожане в Сирии, как и в Египте, сильно пострадали из-за эпидемий чумы.

По мере того, как мамлюки утрачивали элементы традиционной дисциплины и выходили из повиновения султанской власти, падала их боеспособность. В прошлом мамлюкский воин был хорошо тренированным, вооруженным копьем и луком

наездником, делавшим карьеру в соответствии со своим боевым опытом и заслугами перед султанатом. Возможность продвижения по службе была для него важным стимулом для проявления мужества и стойкости на поле боя. К середине XV века положение изменилось. Дисциплина в мамлюкском войске падала, в бурджитский период мамлюки стали пренебрегать традиционными военными и физическими упражнениями. Главный тренировочный ипподром был разрушен. Военному обучению мамлюкские главари стали предпочитать праздную жизнь в роскошных дворцах с пирами и различными увеселениями.

В конце XIV века на историческую сцену выступили турки-османы. Начальный период их истории окутан легендами. Род их, по-видимому, происходил из огузского племени "кайы" и в прошлом стоял во главе большой группы кочевников в Малой Азии. Таким образом, османы представляли собой часть большой волны туркмен, пришедших с востока и оттеснивших византийцев. Османы находились в союзных отношениях с сельджукскими султанами Рума в Коньи, но вторжение монголов и упадок сельджукского государства вынудили их переместиться в северо-западную часть Анатолии, откуда они вели почти непрерывную войну с византийцами. Ряды османского войска постоянно пополнялись за счет вновь прибывавших с востока туркмен. С помощью этих воинственных "газиев" (бойцов во имя ислама) османы расширили свои владения и поглотили все другие эмираты Малой Азии. В 1352 году османы переправились через Дарданеллы на Галлипольский полуостров и завоевали значительную часть Балканского полуострова. В 1394 году османский султан Баязид I (1389-1402) получил от находившегося в Каире аббасидского халифа аль-Мутаваккила I (1362-1406) титул султана Рума. Однако азиатская часть его империи не выдержала натиска

Тимура, и его войско было разбито в 1402 году под Анкарой. Однако в последующие десятилетия османам удалось восстановить часть своей империи в Малой Азии и овладеть многими областями Ближнего Востока.

В течение многих лет отношения между мамлюками и османами были дружественными. Первые столкновения между ними начались во второй половине XV века и носили характер пограничных инцидентов. В 1481 году османским султаном, преодолев сопротивление своего брата-соперника Джема, стал Баязид II (1481-1512). Джем бежал в Каир и предпринял безуспешную попытку силой добиться султанского трона. Этот факт, равно как и недружелюбное отношение египтян к османским эмирам, испортил отношения двух соперничавших сторон. Однако Баязид не решался на прямые действия против мамлюков, а испытывавший большие финансовые затруднения Ка'ит-бай также не мог себе позволить пойти на открытый конфликт с османами. Он даже сделал попытку примирения, отправив в 1485 году от имени халифа грамоту, по которой Баязид назначался помощником мамлюкского султана в Анатолии и других, завоеванных им территориях. Разумеется, это пожалование безвластного аббасида не произвело на Баязида никакого впечатления. Переговоры между Байазидом и Ка'ит-баем в 1491 году о заключении мира окончились ничем. Однако обе стороны были слишком истощены и не готовы к каким либо решительным действиям друг против друга.

В 1496 году Ка'ит-бай умер, и в последующие пять лет на престоле сменилось пять султанов. Первый из них, ан-Насир Мухаммад (1496-1498) сделал попытку создать новое войско, способное владеть огнестрельным оружием. До этого пушки использовались в мамлюкском войске только при осаде городов, а не во время полевого боя, ружья же были на вооружении только пехотинцев чернокожих мамлюков и вспомога-

тельных отрядов, в которых служили немамлюкские солдаты (“авлад ан-нас”).

Мамлюки не пожелали принять на вооружение ружья и пушки, которыми уже располагало по примеру армий европейских стран османское войско. Из консерватизма мамлюки держались за “законное и почетное” оружие прошлого и за былую тактику ведения войны. Использование во время боя огнестрельного оружия они считали делом “неблагородным”. Подобная позиция мамлюкской касты объяснялась социально-психологическими причинами, ибо употребление нового оружия, по их понятиям, уравнивало их в правах с чернокожими рабами, их собственными детьми от местных жительниц и ремесленниками-горожанами. Они предпочитали бесильные против огнестрельного оружия османской пехоты копье, меч и лук. К тому же, мамлюкские владения были бедны металлом, который приходилось ввозить из других стран. Введение нового оружия, показавшееся черкесским мамлюкам покушением на их неограниченную власть, явилось одной из причин, побудивших их убить молодого султана в Газе. Преемником ан-Насира был избран аз-Захир Кансух (1498-1500). Но и он был вскоре смещен, и в конце концов мамлюкские главари избрали султаном шестидесятилетнего Кансуха аль-Гаури (1501-1517).

Кансух аль-Гаури столкнулся с теми же проблемами, что и его предшественники. Враждовавшие между собой мамлюкские клики, во главе со своими неуправляемыми лидерами, плохо подчинялись избранному ими султану. В казне постоянно ощущался недостаток денег, требуемых для содержания мамлюкского войска. Движимый насущной необходимостью, Кансух аль-Гаури продолжал формировать корпус вооруженных огнестрельным оружием солдат, которых он рекрутировал из наемников и местных жителей, в первую очередь го-

родских ремесленников, для чего закупал военное снаряжение в Европе. Он пытался также создать артиллерию и регулярно посещал учебные стрельбища.

Большие средства Кансух аль-Гаури расходовал на создание военного флота для защиты средиземноморского побережья Египта и Сирии от пиратских набегов и для обороны Красного моря от вторжения португальцев. В 1486 году португальские корабли достигли на юге Африки мыса Доброй Надежды, а весной 1498 года Васко да Гама добрался до западного побережья Индии и высадился в городе Калькутте, центре индийской, персидской и арабской торговли. В дальнейшем важное значение для португальского господства в Индии имел захват торговых и стратегических пунктов Адена у выхода из Красного моря в Индийский океан и Ормуза в Персидском заливе. Овладев этими пунктами, португальцы перерезали старый торговый путь из Индии в Александрию через Красное море и нанесли удар как по транзитной торговле Египта, так и по монополии итальянских городов на торговлю с Индией.

Португальский флот пытался воспрепятствовать плаванию мусульманских кораблей за пределами Красного моря, и побуждаемый венецианскими купцами Кансух аль-Гаури принял ответные меры. В 1505 году он направил флот под командованием Хусайна аль-Курди в Индию, а в 1508 году объединенный флот египтян и индийского княжества Гуджарат нанес поражение португальскому флоту, но в 1509 году португальцы взяли реванш, разгромив исламские корабли, после чего остатки египетского флота возвратились в Египет.

Угроза со стороны португальцев заставила османов и мамлюков на время объединить свои силы. В 1511 году Баязид II отправил мамлюкам порох и лес для постройки кораблей. В Суэцком заливе мамлюки соорудили флот, и в 1515 году но-

вая военная экспедиция была готова к отправке. Османь приняла в ней участие, послав отряд из двух тысяч моряков под командованием Сельмана Ре'иса, который действовал совместно с Хусайном аль-Курди. Флот союзников дошел до Йемена, захватил Забид, но его атака на Аден окончилась неудачей. Поход оказался не слишком успешным, однако египтяне сумели создать для себя в Йемене опорный пункт, которым позднее пользовались османь, для того чтобы не пускать португальский флот в Красное море.

Сотрудничество османов и мамлюков в войне с португальцами было непродолжительным. Ситуация изменилась, когда на смену осторожному политику Баязиду II пришел его воинственный сын Селим I Грозный (1512-1520). Еще в начале XVI века в Азербайджане было основано курдом по происхождению и тюрком по языку Исмаилом I (1501-1524) шиитское государство Сефевидов (1501-1786). Объявив себя очередным перевоплощением шиитских имамов, Исмаил I основал в Ардабиле особый суфийский орден "сафавия" и, сделав этот город своей базой, стал постепенно расширять свои владения. В 1508 году он сумел присоединить к ним Ирак с Багдадом и почти весь Иран. Основанное им государство сразу же оказалось во враждебных отношениях с суннитским османским султаном.

Кризис разрешился, когда в 1514 году Селим I вторгся на территорию Сефевидов и нанес поражение Исмаилу I в самом Азербайджане. Кансух аль-Гаури был весьма обеспокоен усилением своего османского соседа. Он решил поддерживать Сефевидов и под предлогом посредничества между воюющими сторонами, покинув Каир, переехал в Алеппо, где сконцентрировал большую, но находившуюся в весьма беспорядочном состоянии, армию. Селим I, планировавший новый поход против Исмаила, решил не оставлять своего потенци-

ального противника на фланге и не подвергать свою армию опасности. Поэтому он решил сначала нанести удар по мамлюкскому войску. В августе 1516 года к северу от Алеппо при Мардж Дабике состоялось сражение, сыгравшее решающую роль в судьбе мамлюкского государства. Армия мамлюков была разгромлена, а Кансух аль-Гаури умер во время боя. Мамлюки обратились в бегство, а Селим I вступил в Дамаск и за месяц овладел всей Сирией.

Покидая Каир, Кансух аль-Гаури назначил Туман-бая своим заместителем. Туман-бай прославился не столько ратными подвигами, сколько умением собирать в Верхнем Египте налоги и преследовать кочевников, совершавших набеги на селения этой провинции. Теперь на его долю выпало осуществление гораздо более серьезной задачи. Потерпевшие поражение мамлюкские эмиры настаивали на том, чтобы он принял на себя должность султана, но перед лицом возникших трудностей прежде рвавшийся к власти Туман-бай согласился занять этот пост весьма неохотно. Возведение его на трон состоялось без обычной торжественности по сокращенному ритуалу, ибо халиф аль-Мутаваккиль III в это время находился в плену у османов.

Разбив мамлюков в Сирии и обеспечив тем самым безопасность своих флангов в войне с Сефевидами, Селим I соби-рался этим ограничиться. Он вовсе не стремился к завоеванию Египта и намеревался лишь заставить Туман-бая покориться и сделать его своим вассалом. Но мамлюкские перебежчики во главе с Ха'ир-баем, исходя из своих корыстных интересов, всячески побуждали его вторгнуться в Египет. Совершив тяжелый переход через Синайскую пустыню, войско Селима I подошло к Каиру. Сражение состоялось 23 января 1517 года поблизости от столицы, мамлюкское войско в очередной раз было разбито. Селим I вступил в Каир, а

уже на следующий день в хутбе, в главной каирской мечети, было произнесено его имя. Туман-бай бежал на юг Египта и попытался собрать там армию из остатков мамлюкского войска и бедуинов. В апреле 1517 года произошло последнее сражение в районе Гизы, мамлюки потерпели поражение, а Туман-бай был выдан османам и казнен. Египет вошел в состав Османской Империи.

Оценка роли мамлюков в истории Египта весьма противоречива. С одной стороны эти чуждые коренному населению страны властители жестоко угнетали жителей и, по мнению современных египетских историков, затормозили ее экономическое и культурное развитие на два с половиной столетия. Они пришли к власти в эпоху приближавшихся больших перемен в исламском мире и сыграли вредную роль в укреплении и консервации традиционных форм ислама. Если на востоке и севере исламского мира иранцы и турки основывали новые государства, которые приняли политическое лидерство в исламе и занимались культурным творчеством как на арабском, так и на местных языках, способствуя общему культурному развитию, в Египте в эпоху господства мамлюков продолжала сохраняться традиционная арабская культура, переживавшая известную стагнацию. Ученые Египта были поглощены изучением и интерпретацией классического арабского наследия в духе традиций эпохи расцвета VIII-XII веках. С другой стороны, в то время как исламские общины Месопотамии и Сирии, а также восточных областей исламского мира, страдали от варварских нашествий и подвергались страшным разрушениям, египетские мамлюки сумели защитить Египет и спасти долину Нила от завоевателей и тем уберечь страну от страшного опустошения.

Арабо-мусульманская культура VIII-XV веков

На определенном этапе средневековой истории, особенно в эпоху, когда все мусульманские народы входили в состав единого государственного образования — Халифата, сложилась и получила развитие арабо-мусульманская культура, на формирование которой решающее влияние оказали исламская религия и арабский язык. Всякий мусульманин был в первую очередь членом общемусульманской общины, а уже потом — жителем того или иного города, провинции, выходцем из той или иной этнической группы. Единство разросшейся до огромных размеров уммы скреплялось общностью религиозных законов, обрядов и норм поведения, основанной на Коране и мусульманских преданиях (хадисах).

Весьма важным фактором, способствовавшим широкому и сравнительно быстрому распространению арабского языка, было отсутствие языкового единства в вошедших в состав Халифата странах. Литературный арабский язык как бы “де-

национализировался”, стал восприниматься не только как язык завоевателей, но в первую очередь как элемент общей культуры. Всякий образованный мусульманин — иранец или тюрок, житель далекой Андалусии или Индии — стремился овладеть языком священного Корана и обширной богословской литературы. Безукоризненное владение арабским языком стало обязательным не только для духовенства, но и для служивой интеллигенции — чиновников и юристов и, разумеется, для литераторов. Распространение арабского языка благоприятно сказывалось на развитии арабо-мусульманской науки, помогало общению между учеными. Языковое единство облегчало освоение образованными людьми античного культурного наследия, ставшего, благодаря деятельности переводчиков, культурным достоянием всех образованных мусульман.

Средневековая арабская культура создавалась многими населявшими Халифат народами и впитала традиции чрезвычайно пестрой в этническом отношении среды. Этим в значительной степени был обусловлен ее расцвет в VIII-XII веках. Разумеется, политический распад Халифата, начавшийся еще во второй половине VIII века, повлек за собой известную культурную дезинтеграцию. Под влиянием местных доисламских верований складывались секты и ереси, в отдельных отдаленных от центра государства провинциях все больше давали о себе знать местные культурные традиции, возрождение которых в конечном итоге привело к формированию местных национальных культур. Развитие словесности на местных языках в ираноязычных, а позднее и в тюркоязычных областях мусульманского мира в известной мере обескровило арабоязычную культуру. И тем не менее язык священной книги и после распада Халифата не утратил своего значения в качестве орудия культурного творчества, на нем продолжали писать свои труды

богословы, ученые и философы, вне зависимости от того, к какой этнической группе они принадлежали.

Деятельность арабских переводчиков

Особенно плодотворно повлияли на развитие арабской светской научной и философской мысли переводы на арабский язык античных, иранских и индийских текстов, — это была одна из самых продуктивных в истории человечества попыток усвоения чужого научно-философского наследия. Нам уже приходилось касаться деятельности переводчиков при дворе халифа аль-Ма'муна (см. главу 4). Это были образованные сирийцы, греки и персы, познакомившие арабов с трудами Архимеда и Птолемея, Гиппократа и Галена, Платона и Аристотеля по математике, астрономии, медицине и философии, с индийскими медицинскими трактатами и персидскими историческими и дидактическими сочинениями. Работа по переводу научных и философских трудов в Халифате велась гораздо масштабнее, чем в средневековой Европе, предназначалась для гораздо более широкой аудитории мусульманской “интеллигенции” и носила светский характер.

В отличие от переводчиков, трудившихся в Европе под руководством и контролем христианского духовенства, деятельность арабских переводчиков не была продиктована религиозно-дидактическими целями. Они в первую очередь переводили греческие и индийские сочинения, содержавшие практически полезные знания. Их интересовали сочинения по астрологии и астрономии, алхимии и медицине, ибо их “заказчиков” прельщала возможность при помощи астрологии узнать будущее, при помощи алхимии обрести власть над природой и людьми, при помощи медицины сохранить здоровье и продлить жизнь. Труды по астрономии использовались также

для нужд мореплавания. Даже труды по умозрительным предметам привлекали внимание в какой-то мере из практических соображений. Так, соперничество между сектами в исламе, а также между исламом и другими вероучениями стимулировало перевод трудов по философии и логике, воспринимавшихся как могучее средство в религиозной полемике.

В силу этой ориентации на практически полезные знания переводчики игнорировали почти все, что выходило за пределы науки (как они ее понимали в средние века) и философии. Поэтому греческое влияние, столь плодотворное в области точных и естественных наук и философии, почти не коснулось арабской поэзии и художественной прозы. Традиционная исламская идеология не могла мириться с языческим духом греческой литературы и мифологии. Арабы в середине века так и не познакомились ни с Гомером, ни с великими драматургами Греции, ни с древнегреческими лириками.

Искусство перевода рассматривалось как специальность, требующая особых навыков и хорошего знания языков, причем, как и во всяком средневековом ремесле, тонкости этого искусства передавались из поколения в поколение. Особенно прославились в качестве переводчиков с греческого сириец Хунайн ибн Исхак (810-873) и его сын Исхак ибн Хунайн (умер в 911 г.), сабий из Харрана Сабит ибн Курра (836-901), сириец из Баальбека Коста ибн Лука (820-912), а с персидского Хасан ибн Сахль (умер в 850 г.) и Абдаллах ибн аль-Мукаффа^c (721-757).

Наука

Главными центрами изучения чисто арабских наук, в первую очередь филологии, были относительно новые, основанные арабскими завоевателями города Куфа и Басра. Разуме-

ется, традиционные арабские науки изучались также и в основанной Аббасидами столице империи — Багдаде.

Центрами изучения иноземных наук были старинные средоточия греко-эллинистической культуры Александрия и Антиохия, Джундишапур, Харран, ар-Руха (Эдесса), где процветали светские науки (медицина, математика, астрономия). Существовавшая к моменту арабского завоевания греческая медицинская школа в Александрии продолжала функционировать и при арабах, в начале VIII века она переехала в Антиохию, а позднее, в середине IX века — в Харран. В Эдессе и Антиохии были большие колонии христиан несторианского толка. В качестве знатоков точных наук, медицины и философии жившие в этих городах греки и сирийцы выполнили важную культурную миссию, многие из них после арабского завоевания стали придворными врачами, астрологами и занимали в государстве различные высшие должности. В Джундишапуре еще в период сасанидского господства также возникла греко-сирийская медицинская школа.

Важнейшим центром изучения и развития античной и эллинистической научной мысли был также город Харран в Месопотамии. Населявшие его сабии, чьи религиозные верования включали почитание звезд и опирались на греческую философскую мысль, сохраняли верность своей религии и после арабского завоевания. В IX-X веках из числа образованных харранских сабиев выдвинулись многие ученые — математики, астрономы, философы и врачи.

Обучение наукам светского и религиозного характера было поставлено в Халифате очень широко. Первоначально преподавание богословия и фикха (мусульманского права) происходило непосредственно в стенах мечетей, а позднее в возникших в X веке специальных учебных заведениях — медресе. Преподавание обычно сводилось к диктовке ученым-богосло-

вом уже написанной им книги. Светские науки иногда также изучались в стенах мечетей, но чаще прославленные учителя работали со своими учениками у себя дома.

В отличие от средневековой европейской университетской системы с иерархией в корпорации ученых, преподаватели мусульманских учебных заведений не знали корпоративной ответственности. Прослушав курс у определенного учителя, арабский студент получал от него “иджаз” (свидетельство о квалификации). Чем известнее были учителя, удостоверявшие квалификацию студента, тем больше было у него впоследствии шансов проникнуть в научную мусульманскую элиту, стать факихом, кади или преподавателем в религиозных школах, а если речь шла о светских науках — стать придворным врачом, астрологом или домашним учителем. Поэтому арабский студент, желавший заслужить репутацию образованного человека, переходил от учителя к учителю и накапливал “иджазы”.

Во времена расцвета арабской культуры (VIII-XII вв.) люди науки пользовались в обществе большим уважением. Ученый был окружен почетом, даже если он происходил из беднейших слоев общества. Аль-Джахиз в “Книге красноречия” писал: “Без четырех вещей не может обойтись человек даже из знати — нельзя не вставать перед своим отцом, нельзя не услужить гостю, нельзя не заботиться о своем коне и не почитать ученого”. Представление о науке на протяжении веков постепенно менялось и развивалось. Еще в Коране говорится об облагораживающем влиянии знания и рекомендуется стремиться к науке, “даже если бы на ее поиски пришлось бы отправиться в дальние края”. В эпоху раннего ислама под наукой понималось в первую очередь грамотность, а затем знание Корана и богословия. Впоследствии, начиная с VIII века, понятие науки расширяется и схватывает разные

дисциплины, включая математику, астрономию и многие другие отрасли знаний.

Ученый в средние века считался образцом для всех мусульман. В своем благочестии и рвении к постижению науки он забывал обо всем мирском и очищал свои мысли от дурных помыслов. Арабский историк Мискавайх (умер в 1030 году) по этому поводу говорил: “Наука открывает свое лицо только тому, кто проводит ночи в неустанных научных занятиях. Нужно оставить все дурные привычки, не давать воли своим мирским страстям, покинуть общество друзей, уклониться от праздных разговоров, устремлять свой взор в глубины истины”.

Средневековые философы и историки уделяли особое внимание классификации известных им наук. При этом они четко различали две области научных знаний: арабо-мусульманские науки, к которым они относили, наряду со специфическими исламскими отраслями (изучение Корана, хадисов и мусульманского права), также и филологию, и “иноземные науки”, куда они относили все те области знаний, которые были восприняты арабами в результате контактов с другими народами.

Развернутая классификация наук содержалась в труде историка и социолога Ибн Халдуна (1332-1406) — в его знаменитом “Введении” (Мукаддима) к сочинению по истории. В традиционные арабские науки Ибн Халдун включал, кроме изучения Корана, хадисов и мусульманского права, также теологию (калам), мусульманский мистицизм (тасаввуф) и даже толкование снов, а также филологию в широком смысле, в первую очередь изучение арабского языка и арабской поэзии. К иноземным областям знаний, которые он объединял под общим названием “философия”, Ибн Халдун относил логику (“Органон” Аристотеля), физику (куда он включал медици-

ну, науку о сельском хозяйстве, магию, учение о талисманах, показывание фокусов и алхимию), метафизику, математику (включая вопросы торговли и наследования), оптику, составление астрономических таблиц, астрологию и музыку.

Замечательных успехов достигла арабская средневековая медицина, в которую существенный вклад внесла сирийско-христианская семья Бохтишо (IX в.), а также уроженец Рая иранец Абу Бакр ар-Рази (Разес; умер в 925 г.) и прославленный ученый и философ из Бухары Ибн Сина (Авиценна; 980-1037). В сирийско-несторианской школе Джундишапура медицина изучалась в основном по Гиппократу и Галену, причем около 800 года врач Джабраил из семьи Бохтишо, преподаватель джундишапурской школы, открыл в Багдаде первую больницу (по-персидски “бимаристан”).

Труд замечательного врача и философа Абу Бакра ар-Рази “Книга по медицине” (“Китаб ат-тибб аль-мансури”), равно как и другие его медицинские сочинения, содержит описание всех известных в его время болезней, основанное как на трудах греческих, сирийских и индийских ученых, так и на личных наблюдениях автора.

Еще большую популярность в средние века приобрело главное сочинение Ибн Сины по медицине — знаменитый “Медицинский канон” (“аль-Канун фи-т-тибб”), который на протяжении многих веков был одним из основных медицинских и фармакологических пособий как в странах Востока, так и в средневековой Европе.

Арабские математики и астрономы унаследовали традиции как греческих ученых, так и индийских. В конце VIII или в начале IX века на арабский язык было переведено главное сочинение Птолемея (II в.н.э.) — “Величайшее” (греч. “Мегисте”, в арабской транскрипции “аль-Маджисти”, а в последующих латинских переводах с арабского “Альмагест”). В

Багдаде в IX веке прославились в качестве астрономов уроженец Балха Абу Ма'шар (Альбумасар; умер в 886 г.) и уроженец Хорезма Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми (Алгорисмус; умер в середине IX века), автор трудов по алгебре, арифметике (познакомивших арабов и Европу с индийским обозначением чисел) и математической географии, которые считались в Европе основополагающими до XVI века (имя аль-Хорезми сохранилось в термине "алгоритм", а термин "алгебра", араб. "аль-джабр" — обязан его математическому трактату — "Китаб аль-мухтасар фи хисаб аль-джабр ва-ль-мукабала" (Краткий трактат по расчету восстановления и противоположения). Из Ферганы происходил выдающийся астроном Ахмад аль-Фергани (Альфраганус; умер в 861 г.). С именем выходца из Харрана математика и астронома аль-Баттани (Альбатегниус; умер в 929 г.) связывают обычно создание теории тригонометрических функций.

Астрономические представления арабов в средние века мало чем отличались от птолемеевских. Арабы считали землю центром мироздания, вокруг которого вращается восемь небесных сфер, несущих солнце, луну, пять планет и неподвижные звезды. Теоретические проблемы астрономии интересовали арабов меньше, чем составление астрономических таблиц (зиджи), имевших практическое значение. Такие астрономические таблицы составлял, используя индийские и иранские материалы, аль-Хорезми. Особой точностью отличались таблицы аль-Баттани, к которым были приложены разделы и по географии, намного превосходившие по достоверности и широте охвата материала сочинения греческих и латинских авторов.

Велик вклад арабских ученых во все области географической науки. Труды арабских географов несомненно могут быть отнесены к самым замечательным памятникам арабской науки IX-XI веков. Ученые, жившие при дворе аль-Ма'муна, составляли кар-

ты Халифата и производили в связи с этим первые астрономические вычисления. Важнейшими географическими трудами были “Книга путешествий и государств” придворного аббасидского чиновника перса Ибн Хордадбеха (ок.820-ок.912), в которой описания маршрутов как внутри Халифата, так и за его пределами сочетаются с разнообразными географическими и этнографическими сведениями, “Золотые россыпи и рудники самоцветов” араба аль-Мас‘уди (умер в 956 г.), сочинения уроженца Балха Абу Зайда (умер в 934 г.), переработанное позднее его современником, уроженцем Фарса аль-Истахри (умер в 934 г.), а еще позднее — уроженцем северо-месопотамского города Нисибина Ибн Хаукалем (X в.).

В арабских географических трудах X века содержится подробное описание различных областей мусульманского мира от Испании на Западе до низовий Инда на Востоке, их городов, ремесел и торговли, флоры, фауны и климата. Населенную часть земли арабы, вслед за греками, делили на семь поясов, или климатов, причем самым благоприятным для жизни считали четвертый, куда входили культурные центры мусульманского мира, главным из которых был Багдад.

Особое место в арабской научной литературе занимали произведения описательной географии, с которыми были тесно связаны всевозможные рассказы о путешествиях. Хотя авторы этих сочинений свою главную задачу видели в том, чтобы развлечь читателя рассказом о невероятных приключениях в заморских странах, и хотя эти произведения скорее следует отнести к изящной словесности, во многих случаях они содержали также ценные географические сведения и обширный этнографический материал.

Весьма важную роль в развитии средневековой арабской науки и культуры сыграли многочисленные историки — большей частью иранского происхождения — связанные с иранс-

кой историографической традицией. Начало арабской историографии положили записи преданий — как древнеарабских племенных, так и раннемусульманских (хадисов). На основе этих преданий в VIII веке складывались сочинения о жизни и деятельности Пророка. В IX веке появились исторические сочинения, посвященные арабским завоеваниям: труд историка аль-Балазури (умер в 892 г.) и сочинение по истории Багдада Ахмада ибн Аби Тахира Тайфура (умер в 893 г.).

Одним из самых замечательных арабских историков несомненно был уже упомянутый нами среди географов аль-Мас'уди, который, как и его предшественник аль-Йа'куби (умер в 905 г.), отличался поразительной широтой интересов. Оба историка были одновременно географами и этнографами и собирали разнообразные историко-географические материалы во время своих путешествий по странам исламского мира.

Первой попыткой создания всемирной истории был много томный труд перса ат-Табари (умер в 923 г.) "История пророков и царей", в котором в качестве введения к собственно мусульманской истории дается обзор истории всемирной. Позднее традицию составления "всемирной истории" продолжил Ибн аль-Асир (1160-1234).

С дезинтеграцией мусульманского мира появились местные исторические хроники, причем вершиной локальной историографии был труд перса Мискавайха (умер в 1030 г.), который в "Книге опыта народов" отказался от традиционного мусульманского взгляда на историю и исходил из секуляризованной концепции исторического процесса, выдвинув на первый план назидательное значение историографии.

С X века начинают составляться династийные истории — часто по приказу и под наблюдением правителей. Апологетический характер этих сочинений и претенциозность их стиля, сложившегося под влиянием деловой прозы секретарских по-

сланий (раса³ил) невыгодно отличают эти “официальные” труды, от правдивых повествований ранних арабских историков. К сочинениям подобного рода можно отнести “Историю Аббасидов” ас-Сули (умер в 946 г.).

Совершенно особое место в арабо-мусульманской культуре занимает гениальный хорезмиец аль-Бируни (973-1048). Его “Памятники минувших поколений”, “Индия” и другие сочинения охватывают весь круг знаний того времени. В равной мере аль-Бируни интересовали астрономия и математика, физика и минералогия, история, география, этнография. Интересно, что в сохранившихся до наших дней его сочинениях нет никаких следов мусульманских канонических наук: богословия и фикха. Отдавая предпочтение иранской традиции во всех областях истории культуры и относясь отрицательно к влиянию культуры арабских пришельцев, аль-Бируни, тем не менее, объявляет арабский язык единственно пригодным для научных целей. Впрочем, к арабской системе письма он относится критически, усматривая ее главный недостаток в сходном написании букв и в необходимости для их различения ставить точки, отсутствие которых делает текст трудным для понимания.

В отличие от естественных и точных наук, а также философии, возникших на основе греческих, иранских и индийских традиций, все отрасли арабской филологии (изучение языка, поэзии, ораторского искусства) складывались на собственной арабской почве, хотя их формированию, разработке методики научного мышления и организации фактического материала, да и самому интересу к абстрактным построениям во многом способствовала греческая философская мысль. Именно в VII-IX веках выделяется в качестве самостоятельной области филологии также и арабское языкознание.

В то время как греческие грамматисты исходили в своих трудах их философских доктрин, арабские средневековые лингвисты

были эмпириками, что положительно сказалось на выявлении ими общих принципов построения арабского литературного языка. Собирая, систематизируя и изучая языковые факты, арабские лингвисты сумели выявить различия между арабскими буквами и звуками, произвести предварительную классификацию звуков по физиологическому принципу, раскрыть природу фонетических особенностей языка и составить множество толковых словарей различных типов. Существенным их достижением было определение понятия характерного для семитских языков трехсогласного корня и той роли, которую играют в образовании грамматических форм аффиксы и флексии (распределение и изменение гласных звуков в корнях и окончаниях слов).

Арабское языкознание первоначально возникло в местах поселения арабов-завоевателей — в Басре и Куфе, причем из басрийских лингвистов более всего прославились создатель теории арабской метрики аль-Халил (умер в Басре в 791 г.), который в своем труде “Книга об аруде”, как гласит традиция, впервые проанализировал структуру арабского стиха, определил различные размеры и дал им наименования, его ученик — перс из Шираза Сибавайх (умер в 800 г.), которого считают создателем арабской грамматики, и аль-Мубаррад (826-898), а из соперничавших с басрийцами куфийских лингвистов — аль-Киса’и (умер в 806 г.), Са’лаб (815-904), Абу Бакр аль-Анбари (885-940). Позднее работы басрийских и куфийских лингвистов обобщил Абу-ль-Баракат аль-Анбари (1119-1181).

Философия

Возникновение арабо-мусульманской философии в еще большей мере, чем развитие естественных и точных наук, связано с усвоением греческого наследия. Немалую роль здесь

сыграли и личные контакты. Например, уже упоминавшаяся выше Александрийская школа, один из главных очагов греческой философской мысли и научных знаний в предшествовавшую арабским завоеваниям эпоху, продолжала свою деятельность с начала VIII в. в Антиохии, где во второй половине IX века получил образование философ аль-Фараби. В первые века ислама жители покоренных территорий еще не утратили связи с античной традицией и продолжали оставаться носителями эллинистической культуры и философской мысли. Процесс арабизации не нарушил преемственные связи с античностью, и с середины IX века все большую роль в ознакомлении образованной элиты Халифата с греческой философией начинает играть деятельность переводчиков.

Первые переводчики сочинений греческих философов были оригинальными мыслителями с широкими философскими интересами. Так, упомянутый выше переводчик Коста ибн Лука занимался изучением философской терминологии. Он составлял комментарии к переводимым им трудам, а в своих оригинальных сочинениях умело использовал метод научного анализа, позаимствованный им из произведений греческих авторов. Комментарием трудов греческих философов, особенно Аристотеля (по-видимому, на основании уже выполненных переводов), занимались основатель арабской философии аль-Кинди (умер в 873 г.), знаменитый философ, "второй учитель" после Аристотеля — аль-Фараби (умер в 950 г.), Ибн Сина (умер в 1037 г.), Ибн Рушд (1126-1198) и многие другие.

Таким образом, арабо-мусульманская философия зародилась в среде переводчиков и комментаторов сочинений греческих философов. Поэтому первоначально она явилась как бы продолжением греческой философской мысли, переработанной в мусульманском духе и согласованной с основными догматами ислама. Переводчики-сирийцы разработали арабс-

кую научную и философскую терминологию (истилахат), ставшую позднее универсальным научным языком всех арабомусульманских ученых.

В странах мусульманского востока философия считалась “наукой наук”, которая должна была заниматься широким кругом самых разнообразных вопросов. Такому взгляду на философию полностью соответствовало представление о философе как об ученом широких интересов и энциклопедических знаний, почти волшебнике, способном творить чудеса. Положение ученого-философа в арабо-мусульманском средневековом обществе в значительной мере отличалось от положения его западноевропейских коллег. В то время как в Западной Европе философия — эта “служанка богословия” — изучалась и преподавалась в университетах под контролем церкви, требовавшей от философа строгого подчинения теологической доктрине, в странах мусульманского востока в университетах преподавались лишь теология и мусульманское право (фикх). Исключение в этом смысле представлял, вероятно, “Дом мудрости” аль-Ма’муна, просуществовавший сравнительно короткое время. И мусульманский философ, не являясь “служащим” клерикально-правительственного учреждения, подобно средневековому арабскому ученому, жил медицинской практикой или состоял в должности придворного астролога или алхимика. Таким образом, медицина или (в меньшей мере) астрология были практическим применением философских знаний. Не имея признанной социальной функции, арабский философ в меньшей степени, чем европейский, был зависим от официального духовенства. “Невключенность” философа в жесткую структуру мусульманского общества делала его более чутким к проблемам, связанным с политической и социальной ролью философа в обществе, его долгом перед ним. Неудивительно, что социальные вопросы заняли столь важное место в философских спорах IX-X веков.

Разумеется, не стоит преувеличивать “свободомыслие” в средневековом исламе. Традиционный суннитский ислам во все времена с недоверием и даже враждебностью относился ко всякой философской мысли, и сторонники строгого следования традиции ожесточенно нападали на теологов-мутакаллимов, пытавшихся истолковать священные тексты с позиции разума, особенно на му‘тазилитов. Именно поэтому арабомусульманская философия зародилась и первоначально развивалась почти исключительно среди шиитов и в му‘тазилитских кружках, в большей степени подвергшихся влиянию греко-эллинистических религиозно-философских идей. Только в этой, более свободной от традиционной догматики и более образованной сравнительно с правоверным суннизмом среде могло сложиться направление мысли, чуждое, а порой и враждебное, традиционному суннитскому богословию.

Восприятие арабскими учеными греческого философского наследия шло сложными путями. Арабы начали знакомиться с греческой философией по трудам ее поздних комментаторов, излагавших в своих обобщающих сочинениях учение эллинских мудрецов без исторической перспективы, как единую законченную систему. Поэтому и арабские ученые восприняли греческое философское наследие как нечто единое. Аристотель представлялся им вершиной греческой философской мысли, а в сочинениях греческих философов послеаристотелевского времени они видели лишь комментарии к его трудам. Даже неоплатоников, которых они лучше всего знали, они не считали оригинальными мыслителями и рассматривали их философскую систему лишь в свете аристотелевского влияния.

Однако представление арабо-мусульманских философов о греческой философской мысли как “едином потоке” не мешало им замечать различия во взглядах Платона, Аристотеля и их позднейших интерпретаторов. Воспринимая греческую фи-

лософию как нечто единое, арабо-мусульманские ученые все же производили в ней свой отбор и, отдавая предпочтение наиболее волновавшим их проблемам или по-иному расставляя акценты, обнаруживали этим самостоятельность своей мысли. Позаимствовав из греческой философии общее представление о мире, теорию эманации, учение о душе и разуме, человеке и человеческих знаниях, овладев сложной греческой философской терминологией, которая отныне стала их собственным научным языком, арабо-мусульманские философы попытались сформулировать синтезированную в трудах эллинистических ученых греческую философскую мудрость в духе мусульманского (чаще — неортодоксального) вероучения.

Значительное влияние на арабо-мусульманскую философию оказал знаменитый врач и мыслитель древности Гален (131-201). Идея Галена о том, что медицина должна иметь философское обоснование, а врач должен быть одновременно и философом, была близка арабским ученым. Возможно, под влиянием Галена арабо-мусульманские ученые и теологи усвоили идею гармонии частей вселенной и органов тела как свидетельство существования божественного провидения.

Мусульманские теологи (как и средневековые христианские теологи в Европе) восприняли метафизику Аристотеля и его учение о неподвижной первопричине всего “сущего” как научное подтверждение своих доктрин. Позаимствовали они также и логику Аристотеля в качестве формального инструмента изложения своего учения и оружия в догматических спорах.

Естественно, что многое в воззрениях языческих философов вызывало нарекания правоверных мусульман. Так, арабский биограф выдающихся людей мусульманского государства Ибн аль-Кифти (1172-1248) с негодованием писал о Фалесе Милетском: “Это секта древних философов, которые отвергали Творца, властителя вселенной, утверждали, что мир

вечно будет таким, каков он есть, что не существует Творца, который бы его создал по собственной воле, что круговращение вселенной было вечно, что растение произрастает из семени, а семя из растения, что человек произошел из спермы, а сперма из человека. Главный философ этой группы — Фалес Милетский получил кличку “зиндик”.

Отдельные положения учения Аристотеля, несмотря на преклонение мусульманских теологов перед его авторитетом, принимались ими с существенными поправками. В частности, они не могли принять его утверждения, что мир вечен и не имеет во времени ни начала, ни конца, а стало бытъ, Божество не есть причина мира, что Божество не имеет цели вне себя и что цель постоянно происходящего в природе процесса образования и разрушения материи — приближение материи к духу, к победе над материей, осуществляющийся наконец в человеке.

Арабо-мусульманская философская мысль была значительно разнообразной и содержательней средневековой европейской философии. Однако при всей широте интересов арабо-мусульманских философов можно выделить основной круг вопросов, их более всего волновавших. Чаще всего их сочинения трактуют о сущности Божества и его отношении к миру, об отношении сущности к явлению, общего к единичному, о тайне загробной жизни, смысле пророческой деятельности. В них рассматриваются такие понятия, как душа, разум, материя, проблемы этические (добро и зло, “совершенный человек”), социальные (устройство идеального государства), разрабатывается методика познания, формулируются законы логики. Некоторое представление о широте интересов арабо-мусульманских философов дают сами названия их сочинений: “Трактат о душе”, “Книга о справедливости”, “О первичном разуме”, “О движении” (Ибн Сина), “Трактат о значении разума”, “Послание о воззрениях жителей идеального госу-

дарства" (аль-Фараби), "О чистоте души", "О счастье", "О разуме и душе" (Мискавайх), "О строении небесных тел", "О счастье души", "О единении разума, существующего вне человека, с человеческим разумом" (Ибн Рушд).

В общих чертах арабо-мусульманская средневековая философия может быть сведена к двум направлениям. Первое, и основное, нашло свое выражение в трудах тех философов и теологов, которые в своих теориях и представлениях исходили из греческой философской мысли (Платона, Аристотеля, неоплатоников и перипатетиков-аристотельянцев). История мусульманского аристотельянства отчетливо делится на два периода. Первый (IX-XI века) в основном был связан с деятельностью мыслителей восточных областей Халифата: араба из Басры аль-Кинди (Алкиндус; умер около 870 г.), тюрка из Средней Азии аль-Фараби (Авеннасар; умер в Дамаске в 950 г.) и иранца из Афшана (около Бухары) Ибн Сины (Авиценны; умер в Хамадане в 1037 г.). Второй период охватывает XII-XIII века и был представлен в основном арабскими учеными и мыслителями запада Халифата, в первую очередь Андалусии. Среди них такие выдающиеся философы, как Ибн Баджжа (Авемпаче; умер в 1139 г.), Ибн Туфайл (умер в 1186 г.), Ибн Рушд (Аверроэс; 1126-1198).

Другое направление арабо-мусульманской философской мысли представлено теологами-мутакаллимими, основывавшими свои концепции на Коране, хотя и в их представлениях можно проследить влияние греческих философских школ. Это направление также прошло два периода в своем развитии: период преобладания мутазилитской доктрины (VIII-IX века) и период окончательного оформления калама (X-XII века) в трудах аль-Аш'ари (873-935) и аль-Газали (умер в III году).

Промежуточное положение занимают, во-первых, мусульманский мистицизм (суфизм), возникший в недрах исламско-

го правоверия, но позднее сложившийся в трудах Ибн аль-Араби (1165-1240) и других мистиков в философскую доктрину под влиянием неоплатонизма, гностицизма и христианского сектантства, а во-вторых, исмаилизм, выросший из шиизма и впитавший многие элементы эллинистических философских учений; к исмаилитам примыкают ученые-энциклопедисты “Братья чистоты” (“Ихван ас-сафа”; X-XI века).

Совершенно особняком стоит замечательный историк, философ и социолог Ибн Халдун, не принадлежавший ни к одному из вышеназванных направлений. Своим учением о зависимости человеческого общества и его развития от экономических условий он более чем на два века предвосхитил концепции европейских ученых.

Большой интерес представляет учение аль-Фараби о соотношении разума и веры в пророчестве. Аль-Фараби ставил разум выше веры, выше пророческих “откровений”; которые посредством символов раскрывают истину простым людям — не философам. Он считал, что пророчества обращены к чувствам и играют лишь вспомогательную роль, в то время как возможности человеческого разума безграничны.

В философском учении Ибн Сины идеи Аристотеля и неоплатоников сложно переплетаются с общими принципами мусульманской теологии. Вслед за неоплатониками, Ибн Сина утверждал, что мир возник путем эманации Божества, но не по воле последнего, а в силу объективной необходимости. Вместе с тем, в соответствии с традиционным положением ислама, Ибн Сина признавал дуализм Бога и вселенной, духа и материи и считал единого Бога — необходимой первопричиной всего сущего.

Одна из магистральных проблем арабо-мусульманской философии — вопрос о соотношении “сущности” и “существования”. Му‘тазилиты отделяли “сущность” Творца от

“существования” сотворенных существ, сохранив тем самым трансцендентность божественного единства. Арабо-мусульманские философы-аристотельянцы также делали различие между “сущностью” и “существованием”. Но, следуя греческой философии, в которой идея сотворения из “ничто” отсутствовала, они, в соответствии с мусульманским догматом об абсолютной трансцендентности и единстве Божества, различали “сущность” и “существование” во всех существах, кроме Божества, у которого “сущность” и “существование” находились в единстве. Ибн Сина различал “необходимо сущее”, то есть Бога или “Первопричину”, и “возможно сущее” — людей, животных, растения, то есть весь материальный мир.

С проблемой “сущности” и “существования” связан вопрос о вечности или сотворенности материи и о строении вселенной. Большинство мусульманских философов, основываясь на неоплатоновском учении об эманации, придерживалось мнения о сотворенности материи, о наличии причины ее возникновения. Аль-Фараби и Ибн Сина рационалистически обосновывали необходимость Творца или Первопричины, из которой эманрует мир по нисходящим ступеням “благородства”. Непосредственно эманрует из Творца “Первичный Разум”, за ним следует “Второй или Активный Разум”, из которого в свою очередь эманруют “земные” или “говорящие” души, а также материя. Материя, утверждает Ибн Сина вслед за Аристотелем, субстанция, бытие которой вступает в стадию активности, становится действительной только тогда, когда принимает форму.

По представлениям арабо-мусульманских средневековых ученых и философов все сущее в материальном мире состоит из “смеси” четырех элементов (воды, воздуха, огня и земли), которые в разных пропорциях совмещаются в земных телах. Земля находится в центре вселенной. Она окружена воздуш-

ной сферой, которая помещается внутри огненной сферы. Все это составляет “нижний” мир. В свою очередь нижний мир находится внутри нескольких сфер, носящих название “небеса”. Непосредственно земная сфера окружена первой — лунной сферой, затем идут сферы планет и звезд. Последней, девятой сферой кончается вселенная. Небесные сферы именуются “верхний мир”.

Естественное движение небесных тел — вращение, они вечно движутся вокруг земного центра. В противоположность им земные тела могут находиться в состоянии покоя, а их движение может быть только прямолинейным. Земные тела могут быть двоякого рода — одушевленные и неодушевленные, У одушевленных тел источником движения является душа, неодушевленные предметы движутся согласно своей природе (камень или вода стремятся вниз, огонь — вверх).

Наиболее последовательными противниками тезиса о сотворенности материи были ар-Рази и Ибн Рушд, хотя их воззрения, особенно учение ар-Рази, не свободны от эклектизма и влияния самых разных учений. Согласно последнему, существует пять “вечных начал”: Творец — воплощение вечной мудрости, излучающий жизнь, как солнце постоянно излучает свет, “Всемирная Душа” — источник жизни, способный, сочетаясь с материей, создавать душу и разум человека; оба эти начала живые и активные. Пассивным началом является проматерия, состоящая из частиц (атомов) и пустоты, причем различные сочетания частиц создают многообразие материального мира. Абсолютное пространство (пустота) и абсолютное время — дахр (откуда последователей этого направления именовали дахритами) — вечные субстанции, которые существовали до появления вселенной и будут существовать после ее исчезновения. Аналогичные взгляды развивает Ибн Рушд, обращая особое внимание на доказательство вечности материи.

Политические проблемы, светская организация государства интересовали арабо-мусульманских философов в тесной связи с религиозными и политическими проблемами их времени. По их мнению, государство, с одной стороны должно обеспечить благосостояние жителей, а с другой — подготовить их к будущей жизни. В представлении об идеальном государстве арабские философы исходили из учения Платона. Идеальное государство — это основанное на законах разума общество, в котором царит порядок и справедливость. Такое государство описано в сочинении аль-Фараби “Воззрения жителей идеального города”.

“Идеальное государство” подобно телу здорового человека, где каждый орган выполняет свою функцию. Сердце “идеального государства” — его правитель, который сочетает в себе физическое и моральное совершенство и обладает необходимыми добродетелями: он мудр, справедлив, храбр, стоек, терпелив и красноречив. Как в теле человека всякий орган знает свое дело и как во вселенной каждая вещь имеет определенное место, так и все сословия “идеального государства” должны безупречно выполнять свои обязанности во избежание беспорядка — источника зла.

Правитель должен в полной мере обладать философской и житейской мудростью, то есть изучать философию, политику и историю. Только тот правитель, который постигнет все эти науки и будет претворять их принципы в жизнь, может называться мудрым и справедливым. Обязанность подданных — повиноваться правителю и, честно выполняя свой долг, стремиться к самоусовершенствованию.

Учение о совершенствовании человека обусловило иное, нежели в ортодоксальном исламе, представление о пророке, не как о чудотворце, вдохновленном божественным откровением, а как о мудреце, законодателе, зовущем народ следо-

вать принципам добра. Кроме мудрости, пророк наделен и другими высокими добродетелями, которыми он отличается от остальных людей, заботящихся только о своем благе, эгоистичных, несдержанных, склонных совершать недостойные поступки. Пророками становятся сильные люди, которых разум привел к осознанию своей миссии. Пророк ничем не отличается от прочих людей, наделенных выдающимся разумом, кроме того, что он не только постиг законы разума, но и нашел в себе силы призвать к следованию этим законам свой народ. Пророка можно поставить в один ряд с лучшими учеными, мудрецами, поэтами, дар пророчества можно развить путем упражнений и самоусовершенствования.

Словесное искусство

Средневековая арабская культура носила отчетливо выраженный “словоцентрический” характер. Средневековые арабы всегда высоко ценили красноречие, искусство версификации и знание поэтической традиции. Основу этой традиции составила устная поэзия, создававшаяся в древности в среде кочевников-бедуинов Аравийского полуострова. Впоследствии, после возникновения в VII веке ислама и образования Халифата, она стала общим культурным достоянием арабизированных и исламизированных народов Азии и Африки. На протяжении тысячелетия (с VIII по XVIII века) жители Аравии, Ирака, Сирии, Египта, стран Магриба и мусульманской Испании творили поэзию, следуя древнеарабским поэтическим канонам. Образовывалась и распадалась исламская империя, изменялись политические границы отдельных арабских провинций, сменяли друг друга правящие династии, приходили с востока новые завоеватели, а средневековые поэты считали произведения своих языческих предшественников непревзой-

денными образцами и подражали им в тематике, композиции и стилистических приемах.

В древности же сложилась основная композиционная форма арабской поэзии, знаменитая “касыда” — небольшая поэма из 80-120 стихотворных строк-бейтов, состоявшая из нескольких поэтических отрывков, представляющих собой разные жанровые формы, не связанные ни сюжетно, ни стилистически, но в сознании древнего бедуинского слушателя образцовывавших законченную стройную картину.

Уже с конца VII века средневековый поэт рассматривал свою деятельность как профессию и источник заработка. Творчество придворных панегиристов регламентировалось нормативной поэтикой, как труд ремесленника — цеховыми предписаниями. Воспевая покровителя, поэт должен был, в соответствии с правилами канона, приписать ему традиционные добродетели: храбрость, верность исламу, щедрость. Другие жанры арабской поэзии: любовная и застольная лирика, описания природы — хотя и не были столь жестко нормализованы в композиционном отношении, как касыда-панегирик, но также строились по традиционному канону. Стремясь превзойти предшественников и соперников-современников, поэты проявляли большую изобретательность в разработке традиционных тем и в поэтическом языке, что делало нормативное искусство арабов художественно активным на протяжении многих столетий.

В первые столетия ислама в столицу Омейядского Халифата — Дамаск приезжали племенные поэты Аравии, дабы прославить могущественного главу государства — халифа и его эмиров, а заодно воспеть свое племя и высмеять врагов. Приверженцы враждовавших политических группировок также имели своих поэтов, защищавших определенную политическую или религиозную доктрину и обрушивавшихся на ее

противников. Для такой поэтической полемики подходили традиционные древние жанры — восхваления и поношения. Среди придворных омейядских панегиристов особенно прославились три поэта : аль-Ахтал (ок. 640-710), аль-Фараз-дак (ок. 641-732) и Джарир (ок. 653-732).

В это же время на родине арабов, в городах и становищах Аравии, наряду с традиционной касыдой расцветает замечательная любовная лирика. Предание гласит, что умением слагать стихи грустного любовного характера особенно прославились поэты хиджазского племени узра. К узритским лирикам предание относит Джамилу (ок. 660-701), воспевавшего свою возлюбленную Бусайну, Кайса ибн аль-Мулавваха по прозвищу Маджнун (“обезумевший от любви”) (умер ок. 700 г.), посвящавшего стихи своей возлюбленной Лайле и многих других. Иной была любовная лирика горожан Хиджаза (Мекки и Медины), носившая радостно-чувственный характер. Среди мастеров городской лирики более других прославился мединец Омар ибн Аби Раби‘а (644-712).

Переход власти к Аббасидам ознаменовался включением в литературную жизнь обращенных в ислам бывших иноверцев, в первую очередь иранского происхождения, привнесших в общемусульманскую культуру многое из своих национальных традиций. В результате возникла богатая синкретическая культура, способствовавшая расцвету арабской литературы VIII-XII веков. Первый этап “золотого века” арабской поэзии принято именовать “обновлением”. Инициаторами “обновления” арабской традиционной поэзии были выходцы из исламизированных персидских семей. Новое направление было связано с движением “шу‘убии”, то есть с той политической борьбой, которую вела аристократия исламизированных народов, в первую очередь иранцы, за равные права с арабами-завоевателями в Халифате. Эта борьба нашла отражение и в

поэзии. Наиболее яркими выразителями этого направления были поэт-слепец, перс Башшар ибн Бурд (714-783), высмеивавший в своих стихах дикарей-бедуинов и прославлявший иранские культурные традиции, создатель жанра арабской застольной лирики Абу Нувас (756-815) и Абу-ль-Атахия (748-825) — автор поэтических медитаций философско-аскетического характера. В то время как Абу Нувас воспевал земные радости, как бы эпатируя исламскую мораль, Абу-ль-Атахия, наоборот, обличал развращенность и высокомерие правящих сословий, забвение ими нравственных предписаний ислама и пророчествовал всеобщую гибель. Аскетически-обличительная поэзия Абу-ль-Атахи и гедонистическая лирика Абу Нуваса — как бы взаимодополняющие стороны кризисного мироощущения переломной эпохи.

Поэзия “обновления” богата картинными пышными придворных увеселений, кипучей и многообразной жизни городов, отодвинувшими на задний план описания покинутых бедуинских становищ, пустыни, охоты на диких зверей и прочих традиционных аксессуаров доисламской жизни арабов.

В середине IX века на фоне распада Империи и ослабления халифской власти возникла политическая и религиозная реакция. Волна репрессий обрушилась на все формы отклонения от официальной ортодоксии — на мусульманский рационализм, а заодно и на носителей шу’убийской идеологии. В поэзии эти веяния принимали форму своеобразного “классицизма”. В придворных кругах пробудился интерес к возрождению древних художественных традиций, всячески поощряемой властителями, щедро вознаграждавшими поэтов за выспренние панегирики. Критическому дегероизированному сознанию “обновления” противопоставлялись этические и поэтические нормы древней поэзии. Вольный скептицизм гедонистической поэзии рассматривался как нечто чуждое высо-

кому героическому духу арабской “античности” с ее цельностью и нравственной чистотой. В панегириках поэтов IX-X веков все большее место занимали героические мотивы, ранее вытеснявшиеся новой тематикой поэзии “обновления”.

Постепенно складывался арабский “классицизм”, нормализованное, подчиненное строгим правилам искусство, ориентировавшееся на признаваемое классическим непревзойденным этическим и художественным идеалом древнейшее языческое искусство, которому надлежало всячески подражать. Произведение придворного панегириста начинало жить в фокусе пересечения древней и современной автору (и слушателям) культурно-поэтических систем. Вводя в касыду-панегирик традиционный бедуинский зачин и реалии бедуинской жизни, арабские поэты-классицисты заставляли слушателей включаться в старинную систему идейно-культурных связей и, тем самым, соотносили в их сознании прославляемое лицо с общеарабским героическим прошлым. Это парадоксальное сочетание культа языческой древности, составлявшее основное культурное достояние аравийских кочевников-завоевателей, с ревностной преданностью новой монотеистической религии объяснялось не только эстетическими вкусами арабской элиты, но имело и социально-политическую мотивацию. Культ исконно арабской словесности и воспеваемой в ней системы ценностей как бы утверждал духовное и моральное превосходство арабской элиты над выходцами из покоренных народов. Расцвет арабского классицизма связан с творчеством Абу Таммама (804-845), аль-Бухтури (821-897), Ибн аль-Му‘тазза (861-908), а позднее с именем крупнейшего арабского поэта аль-Мутанабби (915-965).

Изменение характера арабской поэзии в IX-X веках также во многом определялось новой общественной ролью поэта. Каждое знатное лицо в государстве — будь то халиф, про-

винциальный арабский правитель-эмир или военачальник, знатный придворный или просто горожанин-меценат — стремилось иметь в своей свите поэта, который прославил бы в стиха его подлинные или вымышленные добродетели или подвиги и осмеял бы его соперников и врагов. Считалось, что знатный вельможа не мог рассчитывать на уважение и авторитет у современников, если в его свите не числился знаменитый бард. Панегирики сочинялись по поводу всякого значительного события в жизни покровителя — вступления на халифский престол, назначения на высокую должность, рождения наследника и т.д. Поэзия обрела новую социальную функцию. Панегирик приобрел характер своеобразного “официального” документа, отражавшего общегосударственные или региональные политические интересы. Он должен был взволновать слушателей и пробудить в них религиозно-патриотические чувства, а вместе с тем чувство преданности воспеваемому лицу. В торжественной оде изображались абстрактные, лишённые индивидуальных черт типы, образы идеальных правителей и их приближенных. Слог был патетичен, а порой и напыщен, причем комплиментарная часть строго дозировалась в зависимости от должности и социального положения воспеваемого лица. Стиль панегирика не допускал бытовых сцен и разговорных оборотов, ни одна комическая черта не должна была “осквернять” оду, лишить ее монументальности. Боязнь тривиальности в языке вынуждала поэтов избегать в панегириках просторечий, что также импонировало знатокам литературного языка, участникам придворных литературных собраний.

В уснащенную доисламскими образами “безличную” лирику, как в рамку, вставлялись приметы времени — упоминания конкретных событий, походов, географические реалии, что делало панегирик своеобразной летописью событий и, с

учетом трансформации фактов и поэтической гиперболизации, ценным историческим источником.

Наряду с раболепствующими придворными панегиристами в IX веке творили поэты, чья враждебность к власти принимала форму религиозной (обычно шиитской) оппозиции. Именно таким был грек по происхождению, поэт-сатирик Ибн ар-Руми (836-896), осмеяния которого были направлены как против конкретных лиц, так и против общечеловеческих пороков: скупости, зависти, вероломства.

Несколько особняком в поэзии IX века стоит “однодневный халиф” Ибн аль-Мутааз (869-908), не унижавший себя сочинением традиционных панегириков в поисках вознаграждения. Он был утонченным эстетом, и главные темы его поэзии — застольные радости, красоты природы и любовные переживания.

К X веку процесс распада Халифата завершился, и Северная Сирия подпала под власть династии Хамданидов в лице Сайф ад-Даули (944-968). Соперничавшие правители мелких княжеств стремились перещегоолять друг друга блеском своих провинциальных столиц, приглашали в свои резиденции ученых и поэтов и щедро одаривали их. К их числу принадлежал и меценатствовавший правитель Алеппо Сайф ад-Даула, при дворе которого провел много лет прославленный мастер героического жанра поэт аль-Мутанабби (915-965), чьи панегирики с подробными описаниями военных походов и философскими размышлениями о жизни вызывали восхищение арабов на протяжении всего средневековья. Не случайно уже средневековые историки отмечали, что по панегирикам аль-Мутанабби можно восстановить всю историю войн его покровителя, хамданидского эмира Сайф ад-Даули с Византией. Поэт выступал в роли придворного летописца, повеествовал в панегириках об обстоятельствах, побудивших эмира

предпринять очередной поход, подробно, с географическими деталями, описывал весь победный маршрут Сайфа и успехи арабского войска на разных этапах военной кампании.

Ближайшим соперником аль-Мутанабби на поэтическом поприще был двоюродный брат Сайф ад-Даули — Абу Фирас (932-968). Он прославился стихотворениями, сочиненными в византийском плену и повествовавшими о его горькой судьбе. К литературному кружку Сайф ад-Даули принадлежал также мастер дескриптивной лирики ас-Санаубари (умер в 945 году), воспевавший природу родной Сирии с ее утопающими в цветах садами, живописными прудами и ручьями, “лучезарной” весной и щедрой осенью.

Уникальным явлением в богатой поэтами эпохе литературного расцвета был гениальный слепец, прославленный поэт-мыслитель Абу-ль-Ала аль-Ма‘арри (973-1057). Его философская лирика и по мироощущениям, и по тематике, и по поэтическому языку резко отличается от поэзии его предшественников и современников. Размышляя в стихах о “последних вопросах бытия” — о добре и зле, о моральной ответственности человека за свои поступки, об истинной вере, о тайне жизни и смерти — поэт как бы перебирает различные религиозно-философские доктрины, ни на чем не останавливаясь, ничего не абсолютизируя, все пропуская через горнило разума и сомнений. Его лирико-философские медитации проникнуты чувством глубокой неудовлетворенности нравственным и духовным состоянием общества, безысходности, ощущаемой человеком во враждебно ему мире, его бессилием перед мировым злом.

Широкую популярность в исламских странах начиная с X века приобрела суфийская лирика. Суфизм (мистико-аскетическое направление в исламе) возник в восточных областях Халифата еще в VIII веке, а позднее вышел за рамки мусуль-

манской ортодоксии и превратился в самостоятельную теософскую систему, описывавшую пути достижения субстанционального единства с божественной сущностью в личном опыте мусульманина. Образная система суфийских поэтов двупланова. Традиционная любовная и застольная лирика обрели в их интерпретации мистический подтекст и символизировали томление суфия по единению с Божеством и экстатическое опьянение любовью к нему. Этот мистический подтекст придавал суфийской лирике эмоциональную напряженность, а конкретный, чувственный характер ее условного языка облакал духовные переживания суфия в пластически зримые, впечатляющие образы. Крупнейшими арабскими поэтами-суфиями были Ибн аль-Фарид (1181-1235), суфийские гимны которого, согласно преданию, распевались на суфийских радениях, и замечательный суфийский мыслитель, андалусец Ибн аль-Араби (1165-1240).

Весьма многообразный в жанровом отношении была и средневековая арабская проза. Традиция устного арабского рассказа восходит к далеким доисламским временам, когда кочевники Аравии из поколения в поколение передавали предания о межплеменных войнах и других событиях бедуинской жизни. На протяжении всего средневековья, не только в среде городского простонародья во всех областях Халифата, но и в образованной элите, наряду с изысканной придворной поэзией бытовал устный рассказ. Средневековые арабы славились как хорошие рассказчики: басни, короткие анекдоты, притчи, новеллы или занимательные истории из городской жизни были весьма популярны и прочно вошли в репертуар уличных сказителей. Но и прозаики из образованного сословия, равно как и серьезные ученые, стремились уснащать свои сочинения различными занимательными историями филологического или историко-географического характера, которые

служили иллюстрацией к их повествованию и могли развлечь читателя.

В средневековом мусульманском обществе сложилось представление об “адибе” — образованном человеке, обладающем некоей совокупностью высоких духовных качеств и имеющем представление о достойном поведении в жизни. В отличие от духовного лица — улема, знатока теологических наук (Корана, хадисов, мусульманского права), адиб должен был быть в первую очередь сведущим в знаниях светского характера. Для сообщения ему необходимых знаний и представлений существовала многожанровая дидактическая литература — “адаб”. Первоначально в “адаб” включались чисто “арабские знания” — арабская грамматика, поэзия, метрика, предания о жизни и подвигах древних арабов, но с VIII века содержание адаба стало расширяться за счет индо-иранских и греко-эллинистических традиций (назидательных басен, притч, этико-философских сочинений). В обильной литературе адаба в популярной и занимательной форме преподносились разнообразные сведения, а также приводились назидательные исторические анекдоты, бытовые истории и рассказы о путешествиях в далекие страны. Как правило, авторы литературы адаба были выходцами из среды новых мусульман, людьми незнатного происхождения.

Одним из основоположников литературы адаба был уже упоминавшийся выше Абдаллах Ибн аль-Мукаффа (умер в 757 г.), стремившийся ознакомить исламское общество с лучшими образцами персидской дидактической и художественной литературы. Свои оригинальные сочинения и переводы Ибн аль-Мукаффа строил по типу “зерцал”, рассматривая их как лучшее средство для смягчения нравов арабской аристократии. Славу выдающегося арабского писателя Ибн аль-Мукаффе принес его перевод с персидского замечательного сборника

индийских нравоучительных рассказов, известных у арабов под названием “Калила и Димна”. Как и всякое “зерцало”, “Калила и Димна” адресована прежде всего высокопоставленным лицам — халифу и его приближенным. Автор пытается преподать им урок политической мудрости, основанной на принципах своеобразного средневекового прагматизма.

Традицию литературы адаба успешно продолжил также уже упоминавшийся ученый теолог-рационалист и религиозно-политический писатель аль-Джахиз (775-868). Перу аль-Джахиза принадлежит большое число сочинений научного, философского и политико-публицистического характера. Прославился он также и как литератор-сатирик, посвятивший исследованию порока скупости специальный сатирический трактат, “Книгу о скупых” — собрание рассказов и анекдотов о речах скупцов и их поступках. Герои аль-Джахиза — жители Хорасана и других областей Ирана, а также многонациональной, наполовину шиитской, почти всегда оппозиционной багдадским властям Басры. Книга была задумана как отповедь иранцам — носителям шуфубийской идеологии, которые в бедуинской чрезмерной щедрости — традиционном достоинстве вчерашних кочевников — усматривали лишь проявление варварской и нелепой расточительности.

Для историка особый интерес представляет проза кади Абу Али аль-Мухассина ат-Танухи (940-994), который в своем многотомном собрании “Занимательных историй” рассказывает о подлинных фактах из жизни всех слоев общества от халифов и высокопоставленных чиновников до выходцев из городских низов, сообщенных автору современниками и очевидцами событий.

Множество сочинений в жанре адаба было создано учеными и компиляторами позднего средневековья. Сохранился до наших дней сборник занимательных историй и анекдотов псев-

доисторического характера египетского ученого Джалал ад-Дина ас-Суйути (1445-1505). Сочинения подобного рода предназначались для развлечения читателей, и рассказы о реальных исторических событиях перемежались в них с элементами художественного вымысла.

В кружках знатоков и ценителей изящной словесности, бытовавших в домах богатых и знатных меценатов и высокопоставленных сановников, возник не имевший древней традиции прозаическо-поэтический жанр макамы — плутовской новеллы о речах и поступках образованного бродяги и нищего, написанной рифмованной прозой со стихотворными вставками и в весьма своеобразной форме изображающей нравы средневекового мусульманского города. Тематика и фабула играли в макамах второстепенную роль и основывались на сравнительно небольшом наборе сюжетных мотивов и ситуаций, служивших предлогом для демонстрации изысканного словесного искусства, ставшего в сочинениях этого рода самоцелью и основным критерием эстетической ценности.

Наиболее совершенную форму этот жанр получил в творчестве прославленного филолога и стилиста из Басры аль-Харири (1054-1122). Герой макам аль-Харири — образованный бродяга и плут, путешествующий, подобно придворному панегиристу, из города в город в поисках заработка и выступающий, если находятся слушатели, с литературными импровизациями в общественных местах. Интересна та двойственность, с которой автор макам относится к своему протагонисту: осуждая плута и мошенника, он явно любит его, восхищаясь его ловкостью и надевая его столь высоко ценившимся в ту эпоху литературным даром и виртуозным поэтическим мастерством.

Значительное место в культурном наследии средневековых арабов занимает анонимная народная словесность, в которой устное творчество взаимодействовало с письменной традици-

ей. Произведения народной литературы разнообразны по объему и по жанрам. Многотомные романы-эпопеи, так называемые “сиры” (“жизнеописания”), иногда типологически близкие западноевропейскому рыцарскому эпосу, а иногда лубочной или народной литературе, соседствуют в ней с короткими анекдотами, назидательными притчами, волшебными сказками и новеллами из городской жизни. Существовала особая профессия так называемых шаѳиров и мухаддисов-рассказчиков, которые декламировали эти тексты с музыкальным сопровождением перед горожанами на рынках, площадях, в кофейнях. Эти исполнители народной литературы, опиравшиеся во время своих публичных выступлений на заранее подготовленный текст, способствовали созданию и развитию письменной традиции. Они активно перерабатывали тексты своих анонимных предшественников, дополняя их новыми деталями, диалогами и описаниями, а подчас и целыми эпизодами.

В отличие от средневековой арабской авторской прозы, создатели которой не признавали права на вымысел и стремились придать всякому, даже самому невероятному рассказу, видимость достоверности, в народной литературе царила богатейшая, порой необузданная фантазия. В сознании средневекового горожанина здравый смысл вполне уживался с верой в волшебные силы и в “вероятность невероятного”. Представление о том, что человека на каждом шагу подстерегают непредсказуемые повороты судьбы, соответствовало повседневному опыту жителей Ирака, Сирии, мамлюкского Египта и других областей исламского мира, постоянно страдавших от произвола властей, политической и экономической нестабильности. Вера в возможность счастливого поворота фортуны, благого случая, в котором реализовалась, согласно представлениям средневекового мусульманина, милость всемогущего Аллаха, помогала им сносить жизненные тяготы.

Из всех памятников народной литературы в странах европейской цивилизации наибольшую известность получила знаменитая “Тысяча и одна ночь” — гигантский свод, в котором собраны произведения различных жанров народной словесности: рассказы любовного содержания, волшебные сказки, бытовые новеллы, сходные с европейскими фаблю, плутовские новеллы, родственные аналогичному жанру в Европе, рассказы о путешествиях, а также различные исторические анекдоты, притчи и назидательные истории.

К древнейшему слою “Тысячи и одной ночи” относится его обрамление — рассказ о Шахразаде и царе Шахрияре, а также некоторые волшебные сказки, созданные в Индии, и попавшие к арабам через Иран к концу VIII века. Первая арабская редакция собрания сложилась в городах Ирака примерно в X веке. В иракских рассказах действие происходит в одном из городов Двуречья, чаще всего в самом Багдаде, в его торгово-ремесленной части или во дворце халифа. В них фигурируют купцы и ремесленники, халиф и его приближенные, добрые и злые вазирь, полицейские и мошенники, невольницы-певицы и хитрые служанки-рабыни, стражи гаремов — евнухи и другие персонажи пестрой городской среды. Во многих сказках Харун ар-Рашид, любитель шуток и мистификаций, активно участвует в событиях, а иногда и сам творит интригу и создает забавные ситуации. Начиная с XII века, в собрание вливаются рассказы египетского происхождения. Новеллы этого цикла еще ярче, чем багдадские рассказы, рисуют быт и нравы горожан в XIV-XVI веков. Герой египетских новелл — обычно бедный человек, мелкий купец, ремесленник, рыбак и т.д. — не слишком образован, но наделен здравым смыслом и находчивостью, благодаря которым он добивается в жизни высокого положения или богатства. В рассказах египетского периода формирования свода

больше исламского пафоса и демонстрации религиозных чувств, что является отголоском воспоминаний о войнах с Византией, крестоносцами и монголами.

Весьма интересны для истории жизнеописания героев (часто исторических личностей) “сиры” — огромные романы-эпопеи, исполнявшиеся, как “сериалы”, на протяжении многих дней. Тексты этих сочинений часто вырастали из исторических преданий или представляли собой переработку исторических хроник. Так, “Сират Антар” повествует о реально существовавшем доисламском поэте. “Сират аз-Захир Байбарс” — о мамлюкском султани и т.д. Действия этих сир обычно в той или иной мере связаны с реальными историческими событиями, трансформированными народной фантазией и окрашенными народными пристрастиями.

Все жанры средневековой арабской литературы в том или ином смысле дают богатейший материал для понимания социальной психологии, менталитета и системы ценностей населявших халифат народов.

Рекомендуемая литература

- Бартольд В.В.* Работы по истории ислама и Арабского Халифата. Сочинения. Т.6. М., 1966.
- Беляев Е.А.* Арабы, ислам и арабский Халифат в раннем средневековье. М., 1965.
- Беляев Е.А.* Мусульманское сектантство. М., 1957.
- Бируни Абу Рейхан.* Памятники минувших поколений. Перевод и примечания М.А.Салье. Ташкент. 1957.
- Бируни Абу Рейхан.* Индия. Пер. С араб. А.Б.Халидова и Ю.Н.Завадовского. Комент. В.Г.Эрмана. Ташкент. 1963.
- Большаков О.Г.* История Халифата. Т.1. Ислам и Аравия (570-633). М., 1989. Т.2. Эпоха великих завоеваний (633-656). М., 1993.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. (VII- сер. XIII в.). М., 1984.
- Босворт К.Э.* Мусульманские династии. М., 1971.
- Буниятов Э.М.* Государство атабеков Азербайджана. Баку. 1978.
- Васильев А.А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморитской династии. Спб., 1900.
- Аль-Газали Абу Хамид.* Воскрешение наук о вере. Пер с араб., исследование и комент. В.В.Наумкина. М., 1980.
- Гордлевский Вл.* Государство Сельджуков Малой Азии. М.-Л., 1941.
- Гольдциер И.* Лекции об исламе. М., 1912.
- Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. М., 1986.
- Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776-1798). Пер., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978.
- Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801). Пер., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М., 1962.
- Ал-Джабарти Абд ар-Рахман.* Египет под властью Мухаммада Али (1806-1821). Пер., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1963.
- Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992.
- Ибн Абд ал-Хакам Абд ар-Рахман.* Завоевание Египта, аль-Магриба и ал-Андалуса. Пер. с араб., предисл. и примеч. С.Б.Певзнера. М., 1985.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Пер. с араб., комментарии, исследование, указатели и карты Нанли Велихановой. Баку 1986.

- Ислам. Религия, общество, государство.* Сборник статей. Отв. ред. Грязневич П.А. и Прозоров С.М. М., 1984.
- История стран Азии и Африки в средние века.* Под ред. Л.В.Симоновской и Ф.М.Ацамба. Разделы по истории арабов. Стр. 97-123; 254-293. М., 1968.
- История стран зарубежной Азии в средние века.* Ответ. ред. А.М.Голдобин, Д.И.Гольдберг, И.П.Петрушевский. Стр. 122-155; 364-375. М., 1970.
- Крымский А.Е. История мусульманства. Ч. 1-3. М., 1904.
- Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до Крестовых походов. СПб., 1897. (Православный Палестинский сборник. Т.ХVIII, вып.2.)
- Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
- Мусульманский мир (950-1150).* Сборник статей. Отв. ред. В.В.Наумкин и М.Б.Пиотровский. М., 1981.
- Мюллер А. История ислама с основания до новейшего времени. Т.1-3. СПб., 1895-1896.
- Очерки истории арабской культуры V-XV вв.* Материалы и исследования. М., 1982.
- Петрушевский И.П. Ислам в Иране. (Курс лекций). Л., 1966.
- Семенова Л.А. Из истории фатимидского Египта. М., 1974.
- Семенова Л.А. Салах ад-Дин и мамлюки в Египте. М., 1966.
- "Сиасет-намэ". Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Перевод Б.Н.Заходера. М.-Л., 1949.
- Ат-Табари Мухаммад ибн Джарир.* История ат-Табари. (Перевод В.И.Беляева). Ташкент, 1987.
- Ат-Танухи Абу Али ал-Мухассин.* Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников. Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М., 1985.
- Фильштинский И.М. История арабской литературы. Т.1 (V-начало X века). М., 1985. Т.2 (X-XVIII века). М., 1991.
- Фильштинский И.М. Народный роман о султанах аз-Захире Байбарсе. В кн. "Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса". Пер.с арабск. В.Кирпиченко. М., 1975.
- Фильштинский И.М., Шидфар Б.Я. Очерк арабо-мусульманской культуры (VII-XII вв.). М., 1971.
- Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
- Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. Перев. с арабск., предисл. и примеч. И.Б.Михайловой. М., 1983 г.
- Хрестоматия по исламу.* Переводы с арабского, введение и примечания. Составитель С.М.Прозоров. М., 1994.
- Аш-Шахрастани.* Книга о религиях и сектах. Пер. с араб., введение и комментарии С.М.Прозорова. М., 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3
Глава 1	
Халифат в канун прихода к власти Аббасидов	5
Глава 2	
Аббасидский Халифат во второй половине VIII века	
Укрепление власти Аббасидов	
Деятельность аль-Мансура	24
Халиф аль-Махди и борьба с "зиндикизмом"	42
Восстание аль-Муканны	48
Харун аль-Рашид и Бармакиды	52
Глава 3	
Религиозно-философские течения	
и мусульманское право в первые века ислама.	62
Хариджиты и мурджиты	62
Джабриты и кадариты	66
Возникновение мусульманского права	71
Глава 4	
Аббасидский Халифат в первой половине IX века	78
Му'тазилиты	78
Му'тазилитский калам	88
"Дом мудрости" аль-Ма'муна	95
Восстание Бабека	105
Глава 5	
Социально-экономическое состояние Халифата	
в VIII-XII веках	112
Глава 6	
Арабы Халифат во второй половине IX века	132
Аль-Мутаваккил. Восстановление суннитского правоверия	132
Восстание занджей	145

Глава 7		
Распад арабо-мусульманской империи (Халифата)		
в IX-X веках		. 151
Арабы и Халифат в первой половине X века		. 155
Дезинтеграция Халифата		. 168
Глава 8		
Халифат под властью Бувайхидов		. 187
Аш'аризм		. 192
Глава 9		
Шиизм и шиитское сектанство. Исмаилиты и карматы		. 198
Глава 10		
Фатимидский Халифат (909 — 1171 гг.)		. 215
Глава 11		
Ирак и Сирия под властью Сельджукидов		. 244
Глава 12		
Крестовые походы и арабо-мусульманский Восток		. 260
Глава 13		
Египет под властью Аййубидов (1169 — 1252 гг.)		. 276
Глава 14		
Мамлюкский Султанат (1250-1517 гг.)		. 299
Господство бахритских мамлюков		. 299
Господство бурджитских мамлюков		. 323
Глава 15		
Арабо-мусульманская культура VIII-XV веков		. 342
Деятельность арабских переводчиков		. 344
Наука		. 345
Философия		. 354
Словесное искусство		. 365
Рекомендуемая литература		. 380

Исаак Моисеевич Фильштинский

**История арабов и халифата
(750 - 1517 гг.)**

Обложка М.В.Вишневский
Верстка М.В.Вишневский
М.Н.Грицук
Корректор О.К.Мельник

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Издательский Дом "Муравей-Гайд"
Тел./факс: (095) 265-2835; 267-9084
123363, Москва, а/я 81
E-mail: imuravei@com2com.ru
Наша страничка: www.muravei.iaas.msu.ru

Издательский Дом "Муравей" — ЛР № 064599 от 22.05.96 г.

Сдано в набор 20.12.98. Подписано в печать 25.01.99.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура "Academy". Усл. печ. л. 24,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 484

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП "Типография «Наука»"
121009, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-89737-038-9

9 785897 370382 >